

Ю. ОВСЯННИКОВ

ДОМИНИКО ТРЕЗИНИ

Ю. ОВСЯННИКОВ

ДОМИНИКО ТРЕЗИНИ

«ИСКУССТВО»
Ленинградское отделение
1987

ББК 85.113(2)1

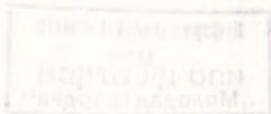
О-34

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. И. Павленко
кандидат искусствоведения К. В. Малиновский

Художники серии
М. Аникст и С. Бархин

Автор приносит искреннюю благодарность за помощь в работе доктору исторических наук Н. И. Павленко, доктору исторических наук А. Г. Тартаковскому, кандидату искусствоведения К. В. Малиновскому, кандидату исторических наук С. Р. Долговой, С. И. Вареховой.

О 4902010000-028 70-87
025(01)-87

© «Искусство», 1987 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Мастер прожил шестьдесят четыре года. Последние тридцать с небольшим — вдали от родных мест и отчего дома. Жизнь принудила искать работу и кусок хлеба насущного. А судьба улыбнулась: нашел новую родину, где доверили мастеру начать строение нового города. И не просто города, а будущей столицы огромного государства. Берега капризной северной реки стали мастеру родными и близкими. Мастер был «архитектором цивилиции и милитарии», и звали его Доминико Трезини. А город, который он начал строить, нарекли при закладке Санкт-Питер-Бургом.

Тесно переплелись судьбы Петербурга и его первого строителя. Имена их связаны навечно. Правда, судьба города была предрешена заранее. Под гром пушек и сияние фейерверков он вынудил обратить на себя внимание цивилизованных народов. Через полтора столетия после его закладки А. Герцен писал: «С того дня, как Петр... решился двинуть нас во всемирную историю, необходимость Петербурга и ненужность Москвы определилась». А мастер обрел свое признание, увы, лишь через полтора с лишним столетия.

Петербург — любимое детище Петра Великого, символ его царствования и начатых преобразований. И движение, приданное царем державному граду, уже не в силах были задержать правители, сменявшиеся после на русском троне. Проходили десятилетия, и уже другие талантливые зодчие возводили новые прекрасные дворцы и общественные здания, создавали неповторимые в своей строгой красоте величавые ансамбли. И Петербург — «полночных стран краса и диво» — стал одним из прекраснейших городов мира. Память об этих зодчих нашла воплощение в названиях: площадь Растрелли, улица Росси, переулок Кваренги... Это те, кто окончательно придал торжественный облик граду Петра. Но своими блистательными творениями они оттеснили, а позже надолго стерли в памяти поколений имя того, кто, преодолевая все невзгоды, возводил на болотистой земле первые здания.

Тщетно искать на плане города имя Трезини. Но в четкой геометрической планировке Васильевского острова и кварталов от

Летнего сада вверх по Неве, в мощной горизонтали крепости с пронзительной вертикалью золоченого шпиля, в пуритански строгом здании Двенадцати коллегий и общем замысле Стрелки продолжает жить город изначальный, заложенный Доминико Трезини.

Так случилось, что о первостроителе Петербурга вспомнили через сто сорок лет после его кончины. Да и то мимоходом, в связи с выяснением истории отдельных зданий. И новая полоса забвения, длившаяся тридцать лет. Причина прорудившегося интереса — подготовка первой «Истории русского искусства». После выхода ее — новый период забвения. И вновь на четыре десятилетия...

Наконец настал день, когда Доминико Трезини занял положенное ему по праву место в истории отечественной культуры. Но сколько-нибудь полная биография зодчего, увы, не написана. Трудность — в малочисленности сведений о его частной жизни. Трезини не вел дневника, не сохранилось его личных писем. Удалось обнаружить в архивах лишь донесения, сметы, деловые записки. Они, к сожалению, не раскрывают ни чувства, ни помыслов, ни домашней жизни мастера. Правда, есть подробно написанная история эпохи. И есть человек, создававший в ту эпоху и для нее значительные художественные памятники. Так возникает первая и главная проблема любой исторической биографии — Время и Человек.

Время определялось характером царя-реформатора. Было оно стремительным, жестоким, лишенным сантиментов и выбора в толкованиях. Все решения государь принимал единолично. Спорить с ним, противостоять его мнению было бессмысленно. Он задумал Петербург, и город обязан был в реальности повторить взлелеянные мечты. Так рождается вторая проблема — Художник и Правитель.

По желанию царя Петра, мечтавшего как можно скорее увидеть свой город поднимающимся из «топи блат», Трезини немог стать и не стал единственным строителем Петербурга. И естественно возникает вопрос: а каковы были его отношения с собратьями по ремеслу, какое место занимал он в их кругу. Это уже третья проблема — Человек как Личность.

Три грани одной темы, три ипостаси одного человека. И может, в этом триединстве действительно возникнет образ Мастера, «архитекта цивилиции и милитарии», первостроителя новой столицы...

Разбирая и сопоставляя известные события, факты и найденные документы, допустимо представить, как мог и должен был поступать, мыслить, чувствовать наш герой в той или иной ситуации. Можно установить связи героя с другими людьми, его участие в тех или иных событиях, даже кое-какие детали быта. А это уже не так мало. Значит, можно и нужно пытаться воссоздать портрет человека, чья жизнь и деятельность неразрывно связаны с величественным городом на Неве.

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

I

Восемнадцатое столетие в России начиналось разгромом русских войск под Нарвой, появлением первой печатной газеты, основанием города в устье Невы. Оканчивался век — блистательными победами Александра Суворова на севере Италии, открытием в Петербурге перед Михайловским замком памятника Петру Великому, начатого еще при жизни государя, рождением Александра Пушкина.

Через сто тридцать лет после закладки Петербурга великий правнук знаменитого арапа царя Петра завершил поэму «Медный всадник».

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...

...И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.

Какой же день описал поэт? Когда и как выбрано место для будущей столицы? Попробуем восстановить ход событий...

В понедельник 23 апреля 1703 года шестнадцатитысячный корпус под командованием генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева выступил из Шлиссельбурга к шведской крепости Ниеншанц, или, как ее называли русские, Канцы.

Крепость стояла у впадения реки Охты в Неву. Вокруг укреплений раскинулся город. По тем временам довольно большой — четыреста домов. На валах высотой до восемнадцати метров — семьдесят восемь пушек. Шестьсот шведских солдат обязаны были дать отпор врагу.

В четверг 26 апреля русское войско подошло к Ниеншанцу. Во главе бомбардирской роты гвардии Преображенского полка маршировал капитан Петр Михайлов. Он же государь Петр Алексеевич.

На следующий день начали рыть апроши. Осаду должно было вести по всем правилам воинской науки. Но 28 апреля нетерпели-

вый царь, забрав четыре роты преображенцев и три семеновцев, спустился к устью Невы, к морю.

Наконец он его увидел. Холодное, неуютное. Где-то там далеко сливавшееся с холодным серым небом. Но лучшего ничего на свете не было. Это было его море, для его будущих кораблей. Может, от радости омыл лицо балтийской водой... А может, шагнул прямо навстречу волнам, пока не стало заливать за раструб ботфортов...

Историк и писатель А. Шарымов, основываясь на документах, считает, что тогда же царь с приближенными ходил в море на лодках вплоть до острова Котлин. Может быть... Но уж больно труден переход на веслах по морю за двадцать верст в один день туда и обратно. Хотя от нетерпеливого царя всего можно было ожидать.

В тот день Петр выбрал Лозовой остров (теперь Гутуевский), дабы оставить на нем тайный караул из четырех рот во главе с сержантом Щепотьевым. Караулу надлежало отбить возможную помощь шведам с моря.

Наутро 29 апреля царь с оставшимися тремя ротами двинулся обратно. Дельта Невы представляла собою сто один большой и малый остров. Осмотреть все сразу — невозможно. Но главное он увидел. Болота, поросшие кустарником, чахлые березки, отдельные, разбросанные там и сям бедные избушки.

К вечеру 29 апреля Петр снова был под Ниеншанцем. А 30 апреля в семь часов после полудня началась бомбардировка крепости. Десять часов без перерыва бросали русские мортиры свои ядра через валы. В понедельник первого мая в пять утра шведский барабанщик забил шамад — сдачу. Развернув знамена, Преображенский полк в 10 часов утра первым вступил в город.

Сообщение о важном событии появится в первой русской печатной газете «Ведомости» только через два с лишним месяца — шестого июля. Среди известий из Торуня, Берлина, Вены, Гааги и Лондона три короткие строчки: «Из Риги мая в 31 день. Шанец Ниен не приступом взят, но по договору, мая в 4 день русским войском». Вновь обретенная земля связи со страной не имеет. И сообщение о воинском успехе русских приходит из вражеского лагеря, из далекой Риги. Вот почему ничего не сказано о бомбардировке, о готовности русских войск к штурму. Даже дата падения крепости неверна...

Второго мая утром шведы по договору покинули крепость. Их телеги, нагруженные домашним скарбом, потянулись на север к Выборгу. Капитан-бомбардир Петр Михайлов, генерал-фельдмаршал Борис Шереметев, поручик Александр Меншиков, генерал-майор Иван Чамберс, генерал Аникита Репнин, окольный Петр Апраксин, полковники Девгерин и Морцов с изрядным шумом праздновали победу. Веселье нарушил гонец от Щепотьева: на горизонте показалась эскадра шведских кораблей.

В последующие дни собирали военный совет: «тот ли шанец прощсть или иное место удобное искать (понеже оный... далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры)... положено искать нового места...» Значит, место для нового города выбирали после шантажа Ниеншанца. Потом, если верить «Журналу, или Поденной записке... Петра Великого», Петр принимал послов Великого княжества Литовского. Послы просили денег и солдат для войны со шведами. Но среди всех дел напряженно ожидали известий от Щенотьева.

Шестого мая в устье Невы, не ведая о падении Ниеншанца, вошли шведский галиот «Гедан» и шнява «Астрильд». Не мешкая, посадив гвардейцев на лодки, Петр и Меншиков двинулись навстрочу.

Без всякой опаски, точно совершая прогулку, шведские корабли на рассвете 7 мая начали подниматься вверх по реке. Вдруг из тумана возникло три десятка лодок со множеством солдат в зеленых мундирах. Не успели шведские капитаны изготавиться к бою, как корабли были взяты на абордаж. «Понеже неприятели пардон дело поздно закричали, того для солдат унять трудно было... едва не всех покололи; только осталось 13 живых», — писал сам Петр. В тот день, 7 мая, он с гордостью праздновал свою первую морскую победу.

Узнав о позорной сдаче кораблей пехотинцам, шведский адмирал Нумерс поспешил ретироваться.

Россия вышла к морю и стала на его берег. Когда-то здесь начинался путь из варяг в греки. Теперь для Московского государства открылась дорога в Европу.

Поутру 11 мая Петр отплыл в Шлиссельбург, а оттуда — к Олонецкой верфи (теперь г. Лодейное Поле). А накануне, 10 мая, царь сам возложил на себя орден Андрея Первозванного, и по сему случаю было «великое шумство». Значит, у «бомбардир-капитана» оставалось всего два дня — 8 и 9 мая, чтобы выбрать место, где стоять крепости. Он сам тогда еще не ведал, что эти два дня во многом определяют будущий ход российской истории.

Лежащие вокруг земли когда-то принадлежали Господину Великому Новгороду. Писцовые книги свидетельствуют, что в конце XV — начале XVI столетия здесь стояло несколько десятков мелких деревень. Но в начале XVII века, в смутные для России годы, земли эти захватили шведы. И крестьяне, не желавшие принимать лютеранство, вынуждены были сначала тайно, а потом и явно бежать на юг, в глубь страны. Теперь вокруг царило заустенье...

Озираясь, гребцы шептали: «Проклятое место!», «Бросовая земля!», но Петр их не слышал. Не желал. Радостный и возбужденный, стоял на носу лодки. И чудилось ему, что не весла скрипят

в ключинах, а мачты стройных российских фрегатов и тяжелых иноземных «купцов», которые скоро придут сюда.

Рядом с ним были «сердешный друг» Алексашка Меншиков и шумный, веселый генерал-инженер Жозеф Гаспар Ламбер де Герэн. Перебрасываясь шутками, обсуждали возможные места будущей фортеции и промеряли глубину проток. Для новой крепости выбрали небольшой островок. Лежал он удобно, у развилки реки на два рукава — Большую и Малую Неву. Было в том островке метров 750 в длину и 360 — в ширину. Остановить на нем свой выбор подсказал Ламбер.

Генерал-инженера пригласил в свое время на русскую службу посол в Варшаве князь Григорий Долгорукий. Француз подписал договор через год после поражения под Нарвой — 3 ноября 1701 года. Генерал-инженер быстро завоевал любовь и расположение государя. Уж очень походил он норовом и повадками на покойного любимца Франца Лефорта. Петр простил Ламберу даже убийство на дуэли опытного капитана Петера фон Памбурга. Того самого, что командовал русским кораблем «Крепость», первым пересекшим Черное море.

Памбург вез тогда петровского посла в Константинополь — дьяка Емельяна Украинцева. Из турецкой столицы посол донес царю: «...Капитан Памбург пил целый день на корабле с моряками и подпил гораздо и стрелял с корабля из всех пушек не однажды. И от той стрельбы учинился по всему Царьграду ропот... Султаново величество в ту ночь испужался и выбежал из спальни в чем был, и многие министры и пашы испужались, и от той капитанской необычайной пушечной стрельбы две брюхатые султанши из верхнего серала младенцев загодя выкинули». Кто знает, но, может, эта пьяная стрельба как-то ускорила подписание мира. Однако Петр недолюбливал старого голландского корсара.

После дуэли царь отписал адмиралу Федору Апраксину, что в смерти Памбурга «он сам был виною (о чем, чаю, вам неизвестно)». А вот когда захотели разобрать обветшавшую «Крепость», Петр запретил и строго повелел: сохранить как раритет.

На дальнейшей карьере Ламбера убийство капитана Памбурга никак не сказалось. На Западе дуэли были приняты. И новый любилец продолжал пользоваться всеми благами. Ему и Меншикову разрешал царь больше всех, больше, чем себе, выписывать из Парижа высоких двурогих париков и шитых золотом камзолов. Француз старался служить верой и правдой. Он хорошо показал себя при взятии Нотебурга и штурме Ниеншанца. А потом «выбирал с царем Петром место для Петербурга и начертал план Петропавловской крепости».

Небольшой островок с юга и запада омывала широкая река, а с севера и востока его прикрывали болотистые острова и много-

численные протоки. Шведы называли его «Люст Елант» — «Веселый». А русские, некогда проживавшие здесь, именовали «Заячий». Так по наследству и приняли это название.

В отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук сохранился первоначальный чертеж земляной фортеции. Четкие линии, разрез валов и бастионов — все выдает руку опытного инженера, хорошо знакомого с последними достижениями европейской военной науки. По этому плану предстояло насыпать большой земляной шестиугольник с выступающими по углам пятигранными бастионами.

За участие «в строении Санкт-Петербуржской крепости поднесенным государю Петру I чертежом» и за помощь при взятии шведских крепостей Шлиссельбурга, Ниеншанца и Нарвы генерал Ламбер де Герэн был в 1704 году награжден орденом Андрея Первозванного. Француз стал девятым по счету кавалером первого российского ордена. Царь Петр был шестым, а Александр Меншиков — седьмым.

Случилось, однако, так, что генерал-инженер Ламбер оказался «изменщиком». Весной 1706 года он убедил царя, что необходимо набрать в Европе новых иноземных офицеров. Царь согласился и отпустил генерала. Неожиданно Ламбер прислал из Берлина письмо: он-де не собирается возвращаться в Россию. Причина: «злорада и ненависть грозивших ему бояр». Петр знал измены и раньше. Под Азовом, под Нарвой. Но Ламбер предал дружбу! Оскорбленный царь попросил прусского короля арестовать француза и заточить в тюрьму. Не тут-то было. Прошло еще пять лет, прежде чем Ламбера удалось схватить. Но отважный задира и дуэлянт, подобно героям Дюма, сумел бежать из крепости. Где он потом скитался, никто не ведал. Только в 1715 году Ламбер прислал из Ливорно письмо Петру Алексеевичу. Беглец просил простить его и вновь принять на русскую службу. Царь не ответил и повелел отовсюду вычеркнуть его имя, а дела предать забвению...

Первую русскую фортецию в устье Невы заложили 16 (27 по новому стилю) мая 1703 года. Эта дата ни у кого уже не вызывает сомнений. Остается спорным только факт участия самого Петра в торжестве закладки.

Большинство ученых, основываясь на записях «Журнала, или Поденной записки...», утверждают: нет, не присутствовал. А Шарымов, который уже упоминался раньше, сопоставляя разные документы, свидетельства очевидцев и, главное, переписку царя, в своей документальной повести «1703 год» приходит к твердому убеждению: присутствовал, участвовал в закладке.

В этих давних научных спорах забывают о психологии главного виновника дискуссий — самого Петра. Закладка фортеции в устье Невы, обретение ключа к Балтийскому морю — давняя мечта. Одна

из целой жизни. Разве мог Петр допустить, чтобы исполнение этого заветного желания проходило без него? Не мог. И вероятно, присутствовал при закладке. Обязан был присутствовать, чтобы первому вогнать лопату в землю маленького островка.

Засуетился, задвигался гигантский людской муравейник. Почти пятнадцать тысяч солдат положили начало будущей столице на Неве. Для ускорения дела на каждый бастион государь назначил начальника. Первый бастион-раскат, смотревший на юго-восток (слева от главного входа в крепость, где позже поднялись Петровские ворота), взял на себя. На другие поставил ближайших сподвижников. На северо-восточный — Александра Меншикова. На третий, смотревший на юг, — родственника по матери, Кирилла Нарышкина. На четвертый, юго-западный, стороживший Большую Неву, — князя Юрия Трубецкого. Пятый, северо-западный, державший под прицелом Малую Неву, поручил своему первому учителю, «всешутейшему патриарху Всепьянейшего собора» Никите Зотову. На шестом, северном, глядевшем через протоку на большой остров, позже названный Городовым (потом Петербургским, а сегодня — Петроградской стороной), всеми делами ведал постельничий Гавриил Головкин.

Но крепость — еще не город. Крепость только сооружение, призванное охранять какое-либо поселение или сдерживать дальнейшее продвижение войск неприятеля. Город начинается с домов для жилья. И первый такой дом Петр решил построить для себя. Вот как об этом рассказывает анонимная рукопись «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга», опубликованная в журнале «Русский архив» за 1863 год:

«24 мая на острове, который ныне именуется Санктпетербургским, царь приказал рубить лес и заложил дворец. Александр Данилович Меншиков говорил царю, что в Канецкой слободе остались после пожара многие дома, сделанные из брусового леса, — так не прикажет ли царь перевезти их и употребить на построение дворца? Царь отвечал, что он приказал рубить лес на этом именно месте и построить дворец из здешнего леса для того, чтобы в будущем все знали, в какой пустоте был этот остров.

25 мая царь приказал вырубить лес и разровнять место около дворца — вверх и вниз по берегу Невы, чтобы поставить шатры и навесы для своих приближенных.

26 мая дворца строение работой окончилось, и около него поставлены были два больших шатра из шелковой богатой материи персидской работы, а полы устланы коврами. Поставили и другие шатры...»

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранится «Реестр строения при Санкт-Петербурге с которых лет зачаты были строения». Составлен он по велению самого Петра

в 1723 году. Из «Реестра» следует, что вплоть до весны 1704 года дворец Петра был единственным гражданским строением города. Только через год после основания Петербурга на месте шатров и навесов стали подниматься бревенчатые срубы будущих покоев для генералов и министров.

На гравюре Питера Пикарта, исполненной в 1704 году, и на более поздних рисунках можно видеть первоначальный облик первого «дворца» Санкт-Питер-Бурха. Одноэтажный домик под двускатной (а не четырехскатной, как теперь) крышей. Три небольших окна с западной и южной сторон (а не одно большое, как сейчас). Крыша крыта гонтом, под черепицу. Чуть позже на коньке установили вырезанную из дерева мортирку и две бомбы с язычками пламени — знак, что живет здесь «бомбардир-капитан». А весь дом расписан под кирпич. На голландский манер. Оттого и прозвали дворец «Красные хоромцы».

Петр прекрасно понимал историческое значение первого гражданского строения города. В 1722 году архитектор Доминико Трезини, который в момент строения дворца еще только собирался плыть морем в Россию, ремонтирует в нем изразцовые печи. Для двух печей он требует 391 живописный изразец и столько же белых. В 1723 году по велению Петра он возводит вокруг «Красных хоромцев» «галерею на каменных столбах с крышей». А на следующий год ставит перед домом каменную стенку, чтобы защитить его от частых наводнений¹. Гравюра Пикарта и донесение архитектора о ремонте «дворца» убеждают, что до наших дней он дожил, увы, в искаженном виде.

Чуть вздувшиеся земляные валы будущей фортеции, царская изба, несколько шатров, навесы и сырые землянки — таков Санкт-Питер-Бурх в первые месяцы своего существования. Но царь спешит объявить о рождении русской гавани на Балтике. Уже 23 мая, через неделю после закладки крепости, голландский посланник ван дер Гульст доносит своему правительству: Петр назначил премию в 500 червонцев первому шкиперу, который из Голландии или из другого места приведет в устье Невы корабль. 300 червонцев назначено шкиперу второго корабля и 100 — шкиперу третьего. Для русского царя очень важно поскорее объявить Европе, что открыт новый морской путь в Россию.

Город только рождался. У него нет еще даже имени. Первые указы и письма, написанные на берегах Невы, царь помечал: «Шлотбург». Но вот 29 июня, в день апостолов Петра и Павла, в крепости заложили небольшую деревянную церквушку во имя этих святых. А через две недели, наконец, объявлено и название города — «Петрополис».

Исполнилась давнишняя мечта: иметь свой новый город во имя соименного святого покровителя. Еще в 1697 году, после второго

Азовского похода, царь повелел боярину Алексею Шеину построить против Азова на другом берегу Дона крепость во имя апостола Петра. Теперь такая крепость поднялась на берегу северного — Балтийского моря.

Указы о срочной присылке работных людей для возведения крепости канцеляристы помечают: «Дано в Петрополе». А 28 июня «Ведомости», наконец, извещают читателей: «Из новья крепости Петербурга пишут [уже не через Ригу, а прямо с берегов Невы! — Ю. О.]...» Итак, название крепости и будущего города окончательно определилось.

Из записок Юста Юля, датского посланника при Петре: «...В том же 1703 году заложили сильную, почти неприступную крепость, названную Санкт-Петербургом».

Из сочинения Х.-Ф. Вебера, ганноверского резидента при Петре: «Со всех уголков необъятной России прибыло много тысяч работных людей (некоторые из них должны были пройти 200—300 немецких миль) и начали строить крепость. Хотя в то время для такого большого количества людей не было ни достаточно провианта, ни орудий труда, мотыг, досок, тачек и тому подобного (так сказать, совсем ничего), не было даже ни лачуг, ни домов, — но все же работа при такой массе людей продвигалась с необычайной быстротой... Почти за 4 месяца крепость была воздвигнута».

«Ведомости» 3 сентября 1703 года сообщили: «Его Царское Величество... на острове новую и zelo угодную крепость построить велел, в ней уже есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков...»

К середине сентября обложенные дерном земляные валы новой крепости ощерились пушечными жерлами. И первый комендант — полковник Карл Эвальд Рен приступил к своим обязанностям. Вот какие события легли в основу шести пушкинских строк.

Теперь оставалось ждать, когда

...по новым им волнам

Все флаги в гости будут к нам...

II

Прошло более двухсот пятидесяти лет со дня смерти Петра Первого. Сменилось примерно десять поколений. Но по-прежнему не утихают страсти в обсуждении его указов, реформ, конечной цели преобразований. Каждое поколение оценивало деятельность Петра мерками своего времени и своего отношения к судьбам русского народа и России в целом.

Радищев и декабристы, признавая необходимость реформ Петра Великого, осуждали царя за то, что он истребил последние признаки вольности своего отечества.

Иных взглядов придерживались последний российский летописец Н. Карамзин и славянофилы середины и второй половины XIX столетия.

Н. Карамзин в 1811 году: «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства... пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного... Бедным людям казалось, что он вместе с древними привычками отнимает у них самое отечество».

И. Аксаков в 1880 году: «Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кровью поливались, спешно, без критики, на веру выписанные из-за границы семена цивилизации».

Крупнейшие русские буржуазные историки С. Соловьев и В. Ключевский постарались доказать всю несостоятельность взглядов славянофилов.

С. Соловьев в 1872 году: «Петр был сам истый русский человек, сохранявший крепкую связь со своим народом; его любовь к России не была любовью к какой-то отвлеченной России; он жил со своим народом одною жизнью и вне этой жизни существовать не мог...»

В. Ключевский в 1890 году: «Деятельность Петра с необычными ее приемами и не для всех ясными целями вызвала во всем русском обществе усиленное возбуждение политической мысли».

Преодолевая характерную для своего времени односторонность суждений, руководствуясь своей поэтической интуицией и врожденным даром историка, пожалуй, точнее всех охарактеризовал в 1834 году деяния Петра Пушкин: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые — суть плод ума обширного, исленного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом*. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у *нетерпеливого самовластного помещика*».

Сегодня мысль А. Пушкина мы должны углубить оценкой, данной В. И. Лениным: «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Не будем же забывать, что Петр первым из русских правителей решил всю силу государственного принуждения употребить не для личных интересов, а во имя общего блага, во имя могущества и процветания России.

Впервые суждения об «общем благе», столь часто и охотно употребляемые при абсолютизме, Петр четко изложил 16 апреля 1702 года в «Манифесте о вызове иностранцев в Россию».

Манифест был составлен по-немецки. Ведь адресован он жителям Западной Европы. Но сохранился перевод тех лет. Тяжело-

весный, усложненный, в духе отошедшего в прошлое XVII столетия. Мы позволим себе привести некоторые выдержки из него, употребив понятные современному читателю слова и обороты.

«С того времени, когда мы... вступили на престол наших предков, наше начальнейшее попечение было править государством таким образом, чтобы каждый из наших верных подданных чувствовать мог, что наше единственное намерение — усердно заботиться об их благосостоянии и процветании. И для достижения такого славного намерения употреблять всякие способы и возможности... И все, что служит к наилучшему обучению народа, то учреждать, дабы наши подданные чем дальше, тем ближе ко всем другим обученным христианским народам стоять могли... И чтобы все к нашей и государственной пользе наилучшим образом споспешествовало... приглашаем мы из чуждых народов не только людей искусных в воинском деле, но и других добрых делах, служащих для процветания государства...»

Мечта об общем благе — искренняя. Манифест — вынужденный. От безвыходности. Для процветания государства нужны мануфактуры, торговля с Западом, флот, современная армия. Чтобы создать все это, необходимы опытные мастера, знающие люди. Сподвижники Петра энергичны, деловиты, исполнены жажды деятельности, но, увы, не обучены, малокультурны. Конечно, можно послать их в Западную Европу, открыть свои школы. Обучить, воспитать. Но для этого потребны долгие десятилетия. А хочется увидеть исполнение замысленного быстрее. Почти завтра. Вот для чего нужно много иностранцев, хорошо знающих все науки и ремесла.

Странная ситуация. Казалось бы, война, начавшаяся «конфузией» под Нарвой, должна была отвратить европейцев от России. А случилось наоборот. Московское государство привлекло всеобщее внимание. В нем увидели молодую страну с огромным будущим. И в Россию заторопились инженеры из Франции, корабельные мастера из Голландии, военные из Германии, морские капитаны из Венеции и моряки из Греции, мальтийские кавалеры, портные, парикмахеры и даже мастера изготовления пуговиц. Ехали десятки, а потом сотни опытных, тертых жизнью людей. Одни в поисках настоящего дела. Другие с надеждами на приключения и легкую поживу. Но все охотно изъявляли желание служить царю Петру.

Некий барон Ян Эрнест фон Бломберг в 1701 году даже предложит царю помочь купить остров Тобаго в Карибском море. Но было не до острова. Война только начиналась, армия требовала много денег. Да и собственного флота Россия еще не имела.

Дело о Тобаго вновь возникло лишь в ноябре 1724 года. Коллегия иностранных дел подготовила для Петра справку: «...Карл

второй король английский подарил оный остров курляндскому князю Фридриху Казимиру... На сем острове и поныне есть курляндская колония... Токмо он, курляндский князь, оное дело содержать и в действо произвести не мог... Поэтому на оном острове торговали англичане, голанцы и французы, которые и поныне к оному острову ездят. Ежели б его императорское величество... мог оный остров через куплю или каким другим случаем достать под свое владение, то со временем от оного острова Россия может великую прибыль получить...»² Но было уже поздно. Через три месяца Петр I скончался...

Принимая иностранцев на службу, царь интересовался только их профессиональной выучкой. Прошлая жизнь, место рождения, пера не волновали его. Вовсе не случайно поручил государь Льву Измайлову, уезжавшему с посольством в Пекин, нанять китайского архитектора³. Поручение Петра выполнить не удалось. А жаль. Может быть, сегодня мы могли бы любоваться на берегах Невы или в пригородах Ленинграда памятниками китайского зодчества начала XVIII столетия.

Не все приезжавшие в Россию оставались навсегда. Кое-кто не выдержал жесткой требовательности русского царя. Кто-то — трудных житейских условий. Но большинство служило честно. Достаточно заметить, что к моменту подписания мира со Швецией в 1721 году победоносная русская армия имела в своих рядах 46 полковников. Из них 21 иноземец. Из 54 подполковников — 23 иностранного происхождения. А количество приехавших моряков, кораблестроителей, оружейников, каменных дел мастеров, мелких ремесленников, кажется, не поддается исчислению.

Именно они, осев на берегах Невы, своими привычками, укладом жизни во многом определили атмосферу нового города, столь отличную и от городов Запада, и от городов России. Это была особая — петербургская атмосфера. Через сто сорок лет Александр Герцен придет к печальному выводу: «Петербург не разлил жизни около себя и не мог, наоборот, почерпнуть жизненных соков из соседства...»

Это оборотная сторона петровского манифеста. Но ведь существует и лицевая.

К моменту смерти Петра I Россия, «еще недавно едва известная в канцеляриях Вены, Версаля и Лондона... заняла место в первых рядах европейского концерта». Число мануфактур за годы правления Петра увеличилось в девять раз. Балтийское море бороздили российские военные и торговые корабли. Вовсе не случайно один из первых российских историков, князь Михаил Щербатов, не очень жаловавший Петра I, риторически вопрошал в конце XVIII столетия: «Во сколько бы лет при благополучнейших обстоятельствах могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти

до того состояния, в каком она есть ныне в рассуждении просвещения и славы?» И отвечал: примерно через сто с лишним лет, в 1892 году, если не помешают «внешние обстоятельства».

А рожденный Петром величественный город на Неве? Он и по сей день потрясает воображение, восхищает и навсегда остается в сердце. Его дворцы, проспекты, ансамбли — творения замечательных мастеров. И первым в их череде был инженер и строитель Доминико Трезини.

III

Первого апреля 1703 года Андрей Измайлов, русский посол при дворе датского короля Фредерика IV, «учинил уговор с господином Трецином», уроженцем кантона Тессин (в Южной Швейцарии), где говорят по-итальянски.

«...Обещаю господину Трецину, архитектонскому начальнику, родом итальянцу, который здесь служит датскому величеству и иныне к Москве поедет... служить в городском и палатном строении...»

За художества его, совершенное искусство, обещаю ему... 20 червонных на всяк месяц в жалованье и то платить ему во весь год, зачинаючи с 1 числа апреля месяца 1703 года и то доведется ему платить сполна на каждый месяц, подобающими и ходящими деньгами, по той же цене, как за морем ходят, сиречь по цене в 6 любских и всякой червонный такожде в дацкой земле такую цену подобает имети.

Именованному Трецину сверх того обещаю, как явно показал искусство и художество своего, чтоб ему жалованья прибавить...

Обещаю также именованному Трецину, чтоб временем не хотел больше служить или если воздух зело жесток здравью его, вредный, ему вольно ехать куда он похочет...

Именованному так же доведется давать 60 ефимков, по цене как в дацкой земле, на подъем к Москве и тех денег ему на счет не поставить, а как он служить больше не хочет, опять ему на подъем с Москвы толико давать и ему вольно с собою взять, что он здесь наживет... а будет ли он еще на время болен был, ни меньше того жалованье ему давать...»

Договор для архитектора Трезини как нельзя кстати. В Копенгагене нет работы. «Имя Трезини, — сообщает датский словарь искусства 1952 года, — не упоминается в датских архивах...» Предыдущий король, Кристиан V, мечтал создать мощные укрепления вокруг своей столицы. Видимо, прослышав об этом, Доминико заспешил на Север. Надеялся получить заказ. Но когда добрался до Копенгагена, то увидел на троне уже другого правителя. Новый король, Фредерик IV, строить ничего не собирался. Трезини вы-

нужден искать заработок ради хлеба насущного. Вот почему приглашение в Россию — спасение для него. А предложенное Измайловым жалованье — тысяча русских рублей — кажется сказочным богатством. Оно почти втрое превышает жалованье бомбардир-капитана, должность которого исполняет царь.

Сохранившаяся за 1702 год расписка государя в получении 366 рублей — тоже одна из малых реформ: жить только на самим заработанные средства. Ближайшее окружение пожимало плечами, посмеиваясь над причудой государя, но с почтением выслушивало его сентенции: «Понеже я службою для государства те деньги, как и другие офицеры, заслужил, то и могу оныя употреблять по своей воле; а народные деньги оставляю для пользы государства и соблюдения его, будучи обязан некогда о том отдать отчет Богу».

Подписывая спасительный и выгодный для себя договор, Трезини все же оговорил возможность беспрепятственного отъезда из России. Но правом своим так и не воспользовался. Прожил до конца дней на русской земле. А вот условие царя выполнил свято — тридцать лет отдал строению нового города в устье Невы.

В последних числах июня 1703 года Доминико Трезини вместе с другими людьми, решившими служить царю Петру, взшел на корабль. Торговая шхуна, приняв попутный ветер в паруса, взяла курс из Копенгагена вдоль берегов Норвегии к далекому северному Архангельску.

Трезини не вел дневника. Но ровно за год до него тем же морским путем прибыл в Россию известный путешественник и художник голландец Корнелис де Бруйн. В 1711 году он издал книгу под названием «Корнилия де Бруина путешествие через Московию в Персию и Индию...». Воспользуемся выдержками из нее, чтобы нагляднее представить путевые впечатления архитектора.

«...В этом море мы видели чрезвычайно больших рыб... голова и нос у которых заостренные. Далее мы видели еще и многия другая рыбы, между прочим... с широкими головами, плававших вокруг нашего корабля: оне в десятеро больше дельфинов, столь же длинны, как шлюпки, и относительно более толсты, чем велики, и водятся только на Севере...

Мы двигались вперед вместе с несколькими кораблями, встретившимися нам случайно...

Туман был до того густ, что мы с трудом могли видеть на пространстве от одного конца корабля до другого... Так как туман и дождь постоянно продолжались, то мы не могли иметь ни малейшего сведения о земле...

Настал благоприятный нам юго-западный ветер, чему мы очень обрадовались... Земля, находившаяся теперь у нас в правой стороне, была берег Латопии, состоящей под властью Московского царя... В этой стране есть цепь гор, не особенно высоких и почти всюду

равной высоты, идущих вдоль моря; цвет этих гор с виду рыжеватый, а почва бесплодная. Во многих местах горы эти покрыты снегом, накопляющимся в расселинах, где он никогда не тает...

Наконец... вошли в так называемое Белое море, вода которого оказалась более светлой, чем вода океана, которая зеленевата...»

Месяц длилось трудное плавание. Тридцать дней туманы, дожди, качка. А в конце пути — таинственная страна, о которой рассказывали легенды.

«Что до города Архангельска, то он лежит на северо-запад от Московии, на северо-восток от Двины, впадающей в Белое море в 6-ти часах от него. Город расположен вдоль берега реки на три или четыре часа ходьбы, а в ширину не выше четверти часа... Кремль, в котором живет воевода, содержит в себе лавки, в которых русские во время ярмарки выставляют свои товары. Кремль окружен бревенчатою стеною, простирающеюся одной частью до самой реки... Все дома этого города построены из дерева или лучше сказать из бревен, необыкновенно на вид толстых... Стены в этих зданиях гладкия, обшитыя красиво тоненькими дощечками... В каждой комнате обыкновенно одна печь, затопляемая снаружи. Печи те большею частию очень большия и устроены таким образом, что оне не только не безобразят, напротив составляют украшение комнаты, так как оне изящно сделаны... Улицы здесь покрыты ломаными бревнами и так опасны для проходящих по ним, что постоянно находишься в опасности упасть... Что до предметов жизненной необходимости, то они находятся здесь в изобилии...»

Июля в 27 день 1703 года архангельский воевода стольник Василий Ржевский донес в Москву, что вышеписаного числа «приехали из-за моря на дацком корабле, с проезжим листом посла Андрея Измайлова, 10 человек иноземцев...». Первым среди них назван Доминико Трезини.

Теперь ему предстояло не менее утомительное путешествие на юг, в Москву. Конечно, можно было отправиться в телегах по тряским лесным дорогам. Путь этот короче на треть. Но спокойнее и безопаснее плыть по рекам и озерам на барках. Как свидетельствует де Бруин, такие суденышки на четыре или пять пассажиров имеют все удобства — деревянные постели, столы, скамейки. На барке двенадцать или четырнадцать гребцов, которые поочередно меняются на веслах. Для прибывших датчан воевода Ржевский выделил две такие барки.

За две недели прошли тысячу верст по Двине, Сухоне и мелким речкам, мимо городов Великий Устюг и Тотьма и наконец прибыли в Вологду.

«Вологда, — пишет де Бруин, — составляет украшение этой страны... Я пошел прогуляться по городу и видел главную церковь, называемую собором... Эта церковь была о пяти башнях... которые

русские называют главами... И на каждой из них водружено по большому кресту. ...Есть еще другие каменные церкви, числом 21, из которых у большей части главы также покрыты жстью с позолоченными крестами, что производит прекрасное впечатление, когда солнце играет на этих главах и крестах. Кроме того, есть еще 43 деревянные церкви, 3 мужских монастыря и один женский... Длина города составляет добрый час, ширина же около четверти часа... Это и есть место, через которое приходят все товары, идущие из Архангельска для отправки за пределы этой страны».

В Вологде путешественники пересели на телеги, чтобы трястись к Ярославлю, «одному из знатнейших городов России». А оттуда к Троицкому монастырю (теперешний Загорск).

Свидетельствует де Бруин: монастырь «окружен стеной из камня... Углы стены, которая выведена четырехугольником, украшены прекрасными круглыми башнями, а между этими угóльными есть и другие башни четырехугольные. Монастырь имеет спереди трое ворот; средняя ворота... имеют два свода, под которыми находится небольшая сторожка, занятая солдатами... Пройди в эти ворота, видишь посреди главную церковь, отдельно стоящую от прочих зданий. Палаты Его Царского Величества, великолепные и царские снаружи, находятся по правую сторону... Трапезная иноков, другое большое здание стоит напротив палат и видом похоже на оныя. Все окна украшены маленькими колонками, камни расписаны различными красками...

Монастырь этот обладает огромными доходами, извлекаемыми из 36 тысяч крестьян, подвластных ему; от погребения многих знатных господ, от служения по умершим и от других подобных вещей».

От монастыря лежал прямой путь на Москву. Но верст через тридцать, в деревне Братовщине, пришлось задержаться. Здесь размещалась таможня. Тщательно пересмотрев все сундуки и баулы приезжих, чиновники, или, как их в России называли, целовальники, опечатали багаж. Снять печати разрешалось только в Москве. К счастью, до нее оставалось верст тридцать — часов шесть езды. Вечером 21 августа путники въехали в Москву.

Назавтра специально приставленный толмач-соглядатай повел их в Кремль, в Посольский приказ. «Все приказы [главнейшие правительственные учреждения. — Ю. О.] помещаются в каменных палатах, где постоянно сидит множество писцов в нескольких покоях, похожих скорее на темницы, чем на что-либо другое. Часто, впрочем, оне и служат-таки местами заключения, и там содержат преступников, закованных в отдельных местах, а должники, содержимые за долги, разгуливают там везде в ножных кандалах. Главные чины или писари сидят в отдельных комнатах... за длинными столами, покрытыми красным сукном...»

Трезини и его попутчиков привели в ту отдельную комнату, где сидели главные писари.

Иноземцев на службу для блага Российского государства приглашал царь. Это было его дело. А приказные неукоснительно выполняли свое. Выдержав приехавших положенное время в неведении, приказные начали составлять «Условия» будущей службы каждого иноземца. Просто-напросто переписывали договоры, заключенные еще Измайловым.

«1703 года, августа в 22 день, явились в государевом Посольском приказе иноземцы датския земли, которых призвал его великого государя службы посол, стольник Андрей Измайлов. А в допросе инженерской мастер сказал: Доменником зовут Трещини, отпустил де его к Москве на кораблях посол Андрей Измайлов в службу царского величества, служить за инженера и жить год. А за службу свою договорился он с ним посол брать с его великого государя жалованья месячного корму по 20 червонных золотых в месяц...»

Подобные «Условия» заключили и с другими приезжими. Среди них были, как они себя сами назвали, «каменщик и помостный мастер Доменико Рута, каменщик Иоан Мария Фонтана, каменщик Карл Ферара, каменщик Галеас Квадр и еще один каменщик Иоан Мария Фонтана...»⁴.

Наличие двух мастеров с одинаковыми именами и фамилиями ввело в заблуждение исследователя М. Королькова, опубликовавшего в 1911 году в журнале «Старые годы» этот архивный документ. Посчитав этот курьез писарской ошибкой, исследователь оставил в статье только одного Фонтана, хотя в архивном деле хранится подлинник договора с подписями обоих каменщиков: один пишет по-французски *Jean Marie Fontaine*, другой — по-итальянски *Giovanni Maria Fontana*⁵. Ошибка публикатора внесла на многие десятилетия путаницу в историю русской архитектуры...

Когда, наконец, все «Условия» были написаны, писари приступили к подробному допросу каждого. В «распросе» Доминик Трещин показал: «А учился он архитектурной работе и инженерству во Италии, и оттуда приехав он жил в Копенгагене четыре года и делал многие фортификационные и иные узорочные палатные мастерства. В службе нигде он не бывал и свидетельствованных писем у него нет»⁶. Архитектор сам признаёт, что ничего значительного в Копенгагене по заказу короля не строил. «В службе не бывал» (припомним, что и в датских архивах нет о Трезини никаких документов). Но упоминание архитектора о своем фортификационном мастерстве сыграло решающую роль в его будущей судьбе. Вскоре он сам убедился в этом...

Пока опрашивали сотоварищей «архитектонского начальника», пока тянулись томительные часы сидения в приказе, Трезини

внимательно наблюдал за писарями-подьячими. Он только диву давался, глядя, как легко и быстро умеют преобразаться эти люди. Достаточно мгновенного взгляда на вошедшего, как на лице приказного моментально возникает новая маска: то высокомерно безразличная, то деловито-суетливая, то ласкательно-подобострастная. Зрелище поучительное. И первый, очень важный урок архитектор усвоил добросовестно. Он понял, что от настроения приказных, от бумаг, составленных ими, зависят и судьбы людей, и многие начинания. Они действуют тихо, исподволь, оставаясь в глубокой тени. Позже Трезини придется все время иметь дело с этим сильным и самоуверенным канцелярским племенем. Но, однажды познав его возможности и свою зависимость, он постарается жить с ним в мире и никогда не ссориться...

Наступили маятные, нудные дни. Поджидали указаний царя. От безделья с утра отправлялись бродить по городу. Москва потрясала и изумляла. Такого огромного города Трезини в Европе не встречал. Там дома стояли вплотную друг к другу. Здесь — вольно и просторно: то посреди свободного двора, то в тени густого сада. А над морем зелени сияли на солнце купола бесчисленных церквей. Даже полтора столетия спустя М. Д. Бутурлин, вспоминая свое возвращение в 1802 году из Флоренции, где провел детские и юношеские годы, отмечал: «Москва сделала первоначально странное впечатление с ее отдельными и двухэтажными, обыкновенно, домами, и одноэтажными домиками с палисадником перед ними, как бы в деревне, и с деревянными заборами между домами...»

Тащились на шумный, галдящий торг у величественных стен Кремля. Заглядывали в храм, где душно пахло горячим воском и ладаном. Поднимались на высоченную колокольню, прозванную Иваном Великим. Любовались видами окрест Кремля. Потом опять бродили по улицам и проулкам. Огороженные с двух сторон разновеликими заборами, они напоминали глухие коридоры. Трезини это не нравилось. Он представлял себе, как с опаской, без надежды на помощь пробираются по ним люди поздним вечером. И сразу же становилось неуютно и тоскливо. В Европе лицо улицы определяли фасады домов. Здесь — глухие дощатые ограды и затворенные ворота. Нет, Москва не приглянулась ему. А может, настроение портит еще полное отсутствие денег.

Приходилось обивать пороги приказа, подавать прошения, упрашивать, чтобы выдали причитавшееся по договору. Наконец 28 августа решено выдать жалованье на прокормление по три рубля на человека. Взяв за правило не ссориться с приказными, Трезини пишет сдержанное объяснение: «...По приезде своем, в Москве издержал себе на прокормление, занимая из долгу многие деньги, и тем малым числом не токмо с долгами оплатитца, но и кормитца будет малые дни».

Девятого октября начальник Посольского приказа боярин Федор Головин разрешил дать инженеру Трезини 20 рублей. Уже немного легче. А 23 ноября наконец-то царь Петр Алексеевич повелел выплатить за прошедшие месяцы сполна: 149 рублей⁷. В Москве же Трезини получит еще жалованье и за декабрь, январь и февраль 1704 года.

Наконец 20 февраля Посольский приказ решает направить попутчиков Трезини на строение цейхгауза (арсенала) в Московском Кремле. И вдруг конфуз. Оба Фонтана, Рута, Ферара и Квадр отказываются от работы. «...Им у того дела без начальнейшего архитектора, мастера и инженера, который был в приезде и ноне послан на его великого государя службу в Санктпитебурх, быть им немочно, потому что они архитектуры не знают...» Разгневанный Петр велит выдать каменщикам жалованье за два месяца вперед и отправить их через Архангельск обратно в Европу⁸.

Если каменщики, приехавшие с Трезини, покинули Россию, то кто же тогда строил дворец Меншикова в Ораниенбауме? Уже несколько десятилетий историки искусства называют некоего Фонтана. Но какого? Еще одна загадка в истории русской художественной культуры XVIII столетия.

Историей с двумя мастерами, записанными подьячими под одной фамилией, я как-то рассказал К. В. Малиновскому, сотруднику Центрального государственного исторического архива СССР. И вот, когда работа над книгой уже подходила почти к концу, он любезно сообщил мне, что обнаружил в документах упоминание еще об одном, третьем Фонтана. Его звали Франческо. Он жил и трудился в Петербурге с 1710 по 1712 год.

Судьба высланных мастеров для нас неинтересна, но их отказ от работы позволяет уточнить, когда Доминико Трезини выехал на берега Невы. 20 февраля 1704 года его уже нет в Москве. Об этом свидетельствуют каменщики. А им, вероятно, предложили выйти на работу сразу же после отъезда Трезини. Государь не любил, когда напрасно едят его хлеб. Значит, можно утверждать, что архитектор отправился в Петербург в середине февраля. Через десять месяцев после начала строения Петропавловской крепости.

IV

Говорят, что первую половину дальнего пути человек вспоминает прошлое. Вторую — размышляет о предстоящем. Возможно, Трезини следовал этому правилу. Но воссоздать течение его мыслей нам не дано. Можно только предполагать.

За спиной архитектора уже выстроились тридцать три прожитых года. И многие из этих прожитых лет все еще остаются для нас тайной.

Если начинать издалека, то следует признать роль Случая. Весной 1908 года после трудной зимы искусствовед и художник Александр Бенуа решил отдохнуть в тихом укромном месте, где нет художественных музеев и прославленных памятников. Выбор пал на маленький городок Лугано, что на юге Швейцарии. Все, казалось бы, сулило бездумный и безмятежный отдых. Но первые же прогулки по окрестным селениям разрушили мечты о сладостном безделье. Почти всюду встречались удивительные и прекрасные памятники старого зодчества. «Край этот оказался настоящим рассадником архитектуры и художеств, от нее зависящих». И Бенуа истово, с интересом и наслаждением стал ездить по близлежащим городкам, рыться в архивах, слушать рассказы старожилов. «Если взять циркуль, — записал он, — и, поставив штатив на Лугано, обвести карту озерной местности радиусом в 8 или 10 километров, то в черту этой окружности попали бы ряд селений, из которых родом огромное количество архитекторов, декоративных скульпторов, декоративных живописцев, создавших и разукрасивших самые замечательные памятники за последние 5—6 веков по всей Европе (кроме Англии)...»

Постепенно на письменном столе Бенуа собирались заметки с именами уроженцев предгорий Альп, уехавших в далекую равнинную Россию. В обширном списке был знаменитый строитель Эрмитажного театра и здания Смольного института Джакомо Кваренги, один из создателей ансамбля в Павловске Д. Висконти, живописец Ф. Бруни, семейство Жилиярди, прославленное строениями в Москве после пожара 1812 года, архитекторы Л. Руска и Д. Адамипи, столь дорогие сердцу каждого петербуржца, и даже Д. Бернардацци — первый строитель Пятигорска.

Однажды у какого-то букиниста А. Бенуа случайно обнаружил прелюбопытную книгу столетней давности — словарь знаменитых уроженцев кантона Тессин. Автор ее, Джиян Альфонсо Ольдели, кратко излагал жизнеописания своих прославленных соотечественников. Можно представить радость Бенуа, когда он прочел: «Доминико Трезини... славный инженер при дворе датском; был послан королем к Московскому царю Петру Великому, и тот так ценил его, что ему поручил строить новый город Петербург, начатый в 1703 году...»

О своих разысканиях в окрестностях Лугано Александр Бенуа написал статью «Рассадник искусств» и напечатал ее в 1909 году в журнале «Старые годы».

Работа Бенуа вдохновила историка архитектуры М. Королькова на поиски в московских и петербургских архивах. В тех же «Старых годах» в 1911 году появилось его исследование об уроженце Тессина, первом архитекторе Петербурга Доминико Трезини. Публикуя интереснейшие неизвестные документы, Корольков вместе

с тем вынужден был признать: «Сведения о происхождении Доминико Трезини очень скудны...»

Только в 1951 году швейцарский историк Йозеф Эрета после долгих разысканий в архивах Лугано и Астано сумел прояснить историю семейства Трезини и судьбу некоторых его потомков.

Используя факты из статьи Эрета, попытаемся вообразить, о чем мог вспомнить Доминико Трезини первую половину пути из Москвы в Петербург...

Маленький, уютный Астано. Каштанов в нем больше, чем жителей. Здесь все знают друг друга и всё друг о друге. В центре городка — старая церковь Петра и Павла. В ней 30 января 1698 года он, Доминико, венчался с Джованной ди Вейтис. Весь город, стар и млад, собрался тогда на площади. Семейство Трезини уважали.

Правда, никто из рода не славился богатством. Но над входом в дом горделиво сиял начищенный щит с дворянским гербом. Две пересекающиеся перевязи на голубом фоне. В верхнем треугольном поле — дворянская корона. В нижнем — восьмиконечная звезда, символ мудрости. В боковых полях — волнистые золотые линии.

В Астано несколько Трезини. У рода много ветвей. Есть среди них землевладельцы, купцы, священники. У каждого свой дом. Доминико с Джованной поселились в том, что ближе к площади.

Дом еще сохранялся вплоть до 40-х годов нашего, XX столетия и назывался *Casa del Principe*. В большой комнате на стене висели две шпаги. Предание гласило, что принадлежали они Доминико (кстати, большинство историков почему-то пишет «Доменико», хотя сам архитектор всегда подписывался *Dominico Trezzini*). На клинке одной из шпаг гравировка: «Саксен, Гота и Ангальт, Фридрих, герцог». Действительно, после Тридцатилетней войны этим маленьким немецким государством правил герцог Фридрих. Может, у него Доминико начинал свой путь архитектора? И за успешную работу герцог подарил молодому зодчему шпагу? Но тут же возникают каверзные вопросы. Фридрих умер в 1691 году, когда Трезини исполнился всего 21 год. Не слишком ли рано для успеха? А если Доминико действительно проявил себя зрелым мастером в молодые годы, то почему не продолжал работу в Германии, а вернулся на родину? Много неясного, много непонятного в этой легенде. А документов нет. Войны не способствуют сохранению архивов. За три столетия их немало прокатилось по бывшим землям герцога Фридриха. Но само предание о пожалованной шпаге любопытно. Оно должно убедить потомков, что русский царь призвал к себе Трезини не случайно, а зная уже, что берет на службу опытного, способного мастера.

Как каждый мужчина, Доминико мечтал о сыне, продолжателе рода. А рождались девочки — сначала Фелиция Томазина, потом Мария Лючия Томазина. Судя по всему, в Копенгаген Трезини

отправился один. В Москву он тоже приехал один. О судьбе Джованни нам ничего не известно. А со второй дочерью Доминико встретится только через двадцать один год.

Почему уехал? Почему бросил семью? Так было заведено испокон веков. Настоящий тессинец должен искать удачи на стороне. Десятки и сотни его земляков отправлялись в далекие страны, чтобы создать и украсить замечательные памятники по всей Европе. Этот природный дар тессинцев четко определил А. Бенуа: «Если и невозможно разгадать тайну самой одаренности, то несомненный характер одаренности — то, что Тессин главным образом поставлял архитекторов и скульпторов,— можно объяснить тем, что люди здесь обречены иметь дело с камнем, их окружающим и часто им угрожающим... Райская красота местности с ее переливами света, с ее скульптурными формами, с ее гармонией линий и „наглядным равновесием“ грандиозных масс должна была влиять особым образом на глаз населения, способствуя развитию художественного вкуса именно в направлении архитектурного и пластического понимания».

Царь Петр не знал об этих достоинствах нанимаемого мастера. Не мог и не хотел знать. По замечанию историка В. Ключевского, Петр, привыкший больше «обращаться с вещами, с рабочими орудиями, чем с людьми, и с людьми обращался, как с рабочими орудиями». Привечал лишь тех, кто надобен в настоящий момент. В 1703 году царю необходим был строитель крепостей. Еще не пришло время свободно и спокойно возводить город и порт. Сначала следовало удержать отвоеванные земли и укрепить их. Именно Доминико нужен был Петру сейчас. Он числился «архитектонским начальником» в строении крепостей...

Чем меньше оставалось до конца пути, тем больше должен был Трезини размышлять о предстоящем. Что поручит ему русский государь? Возводить бастионы, куртины, рavelины? А может, дворцы и жилые дома, зачинать новый город? Ехал, не ведая предстоящей судьбы. Не позволяя себе даже помыслить о возможной славе. А его ожидало будущее бессмертие...

V

Все лето и осень 1703 года шведская эскадра маячила на горизонте. Вице-адмирал Нумерс сторожил устье Невы. Наблюдал за действиями русского царя. Петру оставалось только терпеть. Торопливый в исполнении желаний и замысленных преобразований государства, царь умел терпеливо выжидать в критические моменты, когда решалась судьба Отечества. Так случится и перед Полтавской битвой. Уклоняясь от генерального сражения со шведами, Петр поджидал, когда шведская армия сама изматает

себя бессмысленным метанием по заснеженной и разоренной Северской Украине. Так и теперь, в устье Невы, царь терпел опасного соседа.

Наконец задул предзимний северо-западный ветер, и Нумерс увел эскадру на зимовку в Выборг. И сразу же, чуть притих ветер, Петра на яхте вышел в море. Твердо решил выбрать пригодное место для возведения морской крепости. Аванпост, способного навсегда закрыть путь шведам в Неву.

Конечно, лучшим местом для будущей фортеции мог стать остров Котлин. Он лежал как раз посередке узкого горла Финского залива. Однако возведение мощных бастионов на скалах требовало немало сил и средств. А шведы уже весной могли напасть на юный Петербург. Нет, следовало искать другое.

Промеряя дно песчаной банки-отмели, протянувшейся от Невы вдоль южного берега залива, царь обнаружил самое мелкое место. К счастью, оно находилось прямо против Котлина, на северной оконечности банки у самого фарватера. Глубина всего семнадцать футов (около пяти с половиной метров). Море сделало царю подарок. Здесь, и только здесь следовало возвести многопущечный форт.

Выбрав место, Петр радостно и легко умчался в Воронеж. А недавно назначенному генерал-губернатору Петербурга, расторопному Александру Даниловичу Меншикову, строго наказал: готовить лес для будущего строения. Много леса.

Морозным декабрьским днем гонец примчал из Воронежа тяжелый ящик с моделью будущего форта. А через неделю по льду Невы и залива потекли черные живые «реки». Многие тысячи людей двинулись в сторону Котлина. Кто на розвальнях, а кто и просто волоча за собой баграми заранее припасенные бревна.

Строить форт решили, как испокон веков возводили на Руси города. Срубили мощные высокие срубы. Потом окололи вокруг них лед, и башни, засыпанные камнем, плавно опустились на дно. Вновь засуетился людской муравейник. С берега везли и тащили гальку, мерзлую землю. Все плотно набивали в торчащие над водой башни. Когда натрамбовали доверху, стянули срубы брусьями и сверху перекрыли плахами. Получилась большая, просторная платформа над морем. Своеобразный фундамент. На нем предстояло возвести сам форт для многих пушек. В эти дни в Санкт-Петербург, наконец, прибыл Доминико Трезини.

Последние 70 верст до города он ехал вместе с большим обозом под охраной драгун. Не так еще далеко стояли шведы, и от них готовы были ожидать любой пакости. Такие конвои существовали еще долго. Вплоть до тех дней, когда взяли Выборг. До 1710 года.

Перед приезжим открылась замерзшая широкая река и равнина, укрытая снегом. На белом фоне еще чернее смотрелись оголенные деревья. Посередке торчали горбы крепостных валов,

и вокруг — великое множество землянок. Рядом с фортецией — просторная утоптанная площадь. От нее во все стороны серыми ручьями разбегались дорожки. Там и сям черными пятнами выделялись одинокие хижинки. И подпирали низкое небо прямые столбы многочисленных синих дымов. Было морозно и тихо.

Что мог подумать, что мог ощутить Трезини в эти минуты? Испуг? Вряд ли. Уроженца предгорий Альп нельзя испугать снегом. Да и раньше он уже слышал о русской зиме. Отчаяние от суровых условий существования? Тоже, наверное, нет. Жизнь не баловала его. И потом, живут же здесь люди. Значит, и он сможет. Жалованье платят хорошее. Обещают работу — вот главное. Осталось только узнать — какую...

На строении форта ждали опытного инженера и архитектора. Была модель, были чертежи, но укрытия для пушек, казармы для солдат, пороховые погреба следовало построить так, чтобы выдержали страшную бомбардировку врага. Именно это очень важное и спешное дело Петр поручил исполнять приехавшему архитектору Доминико Трезини.

От четкости, быстроты и качества исполнения порученного зависела теперь будущая судьба и благополучие тессинца. Доминико хорошо понимал это. И стараться стал не за страх, а за совесть. Да и время торопило. Приближалась весна, ледоход. А по чистой воде подвозить материалы и работников трудно.

Сегодня можно только дивиться, как, привычный совсем к другому климату, Трезини выдержал эту суровую зиму на льду залива, обдуваемого всеми ветрами. Сотни и тысячи людей выдержать не смогли. Датский посланник Юст Юль записал, что при строении форта погибло от тяжелой работы и морозов боле 40 тысяч крестьян. Цифра, вероятно, завышена, но представление о трудностях дать может.

Когда залив очистился ото льда, над водной поверхностью высилась огромная массивная башня под конической крышей. Внутри еще шли работы. Стучали топоры, достраивали казармы, укрепляли порты для пушек. На семь локтей под воду выкладывали камнем и свинцовыми листами сухие погреба для пороха и припасов. Но само укрепление было готово.

Четвертого мая 1704 года царь Петр на яхте в окружении галер подошел к форту. Он привез пушки и будущий гарнизон. Орудия расставил в три яруса, как на больших кораблях. Шестьсот отборных пушкарей и солдат разместились в казармах.

Шестого мая поутру на высокой мачте подняли штандарт. Затренихало на ветру желтое полотнище, а на нем черный двуглавый орел и контуры четырех морей — Каспийского, Черного, Белого и Балтийского. Разом заревели пушки, и шары белого дыма медленно поплыли над волнами. В ответ дружно рывкнуло несколь-

ко пушек, упрятанных среди камней Котлина. Пороховые дымы встретились над фарватером и закрыли его густой белой пеленой.

Морскую фортецию назвали Кроншлот — Коронный замок. И обязан он был охранять распахнутую дверь из России на Балтику. Коменданту царь лично вручил наказ: «Содержать сию ситадель с божей помощью, аще случится, хотя до последнего человека... Зело надлежит стеречься неприятельских брандеров. При приближении к крепости нейтральных кораблей давать по ним предупредительный выстрел, чтобы опустили паруса и бросили якорь; в случае неповиновения открывать огонь».

Первое строение Трезини в России — форт Кроншлот — не дожило до наших дней. Не уцелели, к сожалению, ни его модель, ни чертежи. Но сохранилось несколько гравюр той поры, и по ним можно представить, как выглядело мощное укрепление, поднявшееся посреди залива. Приземистая восьмигранная башня, утыканная кругом пушками. Башня — сестра стройных и высоких восьмигранных колоколен русских церквей. Только раздавшаяся вширь как бы под тяжестью многочисленных орудий.

Непривычная форма Кроншлота вызывала недоумение и скептические замечания современников. Анонимный автор «Описания Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг.» писал: «Мысль форта не дурна: однако смышленные головы толкуют, что неприятельское судно, которое надумало бы двинуться на всех парусах к реке, немного встретит в том помехи от упомянутой крепостцы, потому что с круглой башни нельзя делать по кораблю зараз более двух или трех выстрелов, тогда как, если б крепостца имела форму треугольника, то с нея можно было бы залпами из десяти или двадцати выстрелов успешнее задерживать проходящие суда или даже совсем их истреблять».

Может, с точки зрения классической фортификации автор и прав. Но не учел он силу и мужество русского солдата, растерянность шведов при виде неожиданно родившегося русского форта и военный талант царя Петра. Будущее показало, что даже такой форт, своевременно поставленный, смог оказать решающее влияние.

Через два месяца после освящения Кроншлота, 12 июля, шведская эскадра возникла на горизонте. На сей раз Нумерс привел 40 многопушечных кораблей. Несколько дней они курсировали в отдалении. И вдруг, точно набравшись смелости, приблизились на расстояние пушечного выстрела. Тотчас от кораблей отвалило полсотни шлюпок с десантом и устремилось к острову. Небольшой русский отряд, засевший на Котлине, защищался столь мужественно и разумно, что шведам пришлось ретироваться. Тогда разъяренный Нумерс решил разрушить Кроншлот.

Двое суток продолжалась непрерывная бомбардировка. Но благодаря своей форме форт выдержал обстрел, не понеся особого ущерба. Правда, и шведские корабли не пострадали, но прорваться в устье не рискнули. Это была победа русских. Царь Петр мог торжествовать. Радовался и Трезини. Он доказал, что умеет работать и может принести пользу русскому царю.

Примерно через год, с четвертого по шестое июня 1705 года, шведы, на сей раз под командованием адмирала Анкерштерна, вновь появились в виду Кроншлота. Одновременно со стороны Выборга на Петербург двинулся десятитысячный отряд генерала Майделя. Шведы решили взять русских в клещи. Но теперь врага уже поджидали на море русские корабли под командованием вице-адмирала Корнелия Крюйса. А на суше успешно действовал командующий русскими полками генерал Роман Брюс.

Вновь пытались шведы высадить десант на Котлине. И столь же неудачно. Вновь попытались бомбардировать Кроншлот и прорваться к городу. Но контратака, предпринятая Крюйсом, причинила врагу немалый урон. Да и Майдель был вынужден отступить, понеся ощутимые потери. 14 июля Анкерштерн предпринял последнюю попытку захватить Котлин. Однако, потеряв 600 солдат и матросов, постыдно ретировался. Штурмовать Кроншлот и Котлин шведы больше никогда не пытались.

В честь сей «виктории» царь Петр отпечатал в Амстердаме план морского сражения с подробным описанием. Пусть в Европе знают, что Россия окончательно утвердилась на море.

Победа упрочила положение Доминико Трезини. Он понравился русскому царю и стал ему нужен.

VI

Европа встретила XVIII столетие пушечным рыком и стонами раненых. На севере Россия в союзе с Польшей и Данией сражалась против шведов. Весной 1701 года Англия, Голландия и Австрия объединились против Франции и Испании. Началась война за Испанское наследство. 1704 год — первый высокосный год нового века. Говорят, что он всегда сулит несчастья. Но на войне если есть проигравший, то должен быть и победитель. Англичане в тот год остановили продвижение французов на севере и захватили Гибралтар на юге. Ключ к Средиземному морю очутился в их руках.

26 апреля того же года Петр Апраксин начал осаду Нарвы. А в мае из Петербурга выступил сам царь. Впереди шли лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки. Шли к старым, хорошо памятным местам. Они одни в 1700 году, стоя по колено в крови, как гласила молва, сдержали страшный натиск опытных шведов и не отступили. За великое мужество пожаловал им царь

особое отличие: надевать к парадному мундиру чулки цвета крови — красные. Теперь полки маршировали к Нарве, чтобы отомстить за недавнее поражение русских войск.

Петр нарочито именовал Нарву во всех приказах на старинный российский манер «Ругодев». (Некоторые ученые считают, что в переводе это означает «производитель пеньки». Правда, пеньку Нарва получала из Пскова и Новгорода, но считалась самым крупным портом на Балтике по ее вывозу.) Пока город был в руках шведов, царь не хотел называть его иначе.

Готовясь к войне, шведы изрядно укрепили Нарву. Только за три года — с 1698-го по 1700-й — на строительство ее бастионов и крепостных ворот отпустили 259 530 золотых талеров. Однако к началу русской осады успели завершить лишь северные укрепления с мощными бастионами «Виктория» и «Гонор». Но и те, что остались недостроенными, внушали уважение.

Окружив Нарву, царь предложил гарнизону почетную капитуляцию. Но старый вояка генерал Горн, который командовал обороной еще в 1700 году, с презрением отказался, не забыв напомнить Петру о прошлом поражении. Разъяренный царь велел прочесть ответ Горна солдатам.

Тридцатого июля русские начали круглосуточную бомбардировку крепости и продолжали ее до 9 августа. А в два часа дня пошли на штурм. С северной, самой укрепленной стороны, откуда русских и не ждали. В три часа раздались глухие удары барабана: комендант Горн сам бил кулаками о пощаде. Но было уже поздно. Над крепостью поднялся русский флаг. Через неделю сдался Ивангород — на правом берегу реки. 520 пушек стали трофеем русской армии.

Петр — своему тогдашнему любимцу и помощнику Александру Кикину: «Инова не могу писать, только что Нарву, которая 4 года нарывала, ныне, слава богу, прорвало...»

Четыре года назад Карл XII в честь своей победы повелел выбить одну медаль. Петр после взятия Нарвы указал сделать три медали. Позор первого поражения он искупил. Теперь у русских было уже два порта на Балтике. Первый високосный год нового столетия оказался счастливым для Петра Алексеевича.

Но шведы еще были сильны. Их полки, под командованием опытных генералов, квартировали от Нарвы на расстоянии трех-четырех переходов. Шведов следовало остерегаться, а обретенную крепость следовало починить и укрепить. Видимо, в самом конце лета 1704 года царь вызвал из Петербурга инженера-фортификатора Доминико Трезини.

От Санкт-Петербурга до Нарвы — 148 километров. Три дня езды. Можно предположить, что уже к середине сентября архитектор прибыл в пропахший гарью и порохом город.

Нарва лежала в развалинах. Солдаты расчищали узкие улочки от кирпичей и обгорелых балок. Изредка, прижимаясь к стенам домов, прошмыгивали уцелевшие горожане. Царь поселился в двухэтажном домике с башней у городской стены. Он сам взял его во время штурма и с гордостью говорил об этом. Но больше разговоров шло о том, как быстрее и лучше укрепить разбитые ядрами крепостные стены и бастионы, как и где соорудить казармы для солдат, погреба для воинских припасов. Всем этим предстояло заниматься Доминико Трезини.

А вот ремонт обывательских домов для нужд приближенных Петр Алексеевич поручил вызванному в Нарву Ивану Матвеевичу Угрюмову. (Многие десятилетия исследователи называли его Иваном Матвеевым, и только в 1959 году А. Н. Петров установил фамилию мастера.)

Две главные улицы Нарвы — одна с севера на юг, а другая с запада на восток — пересекали город на четыре части. Трезини строил западные и восточные ворота. Особенно много внимания уделял он восточным. Царь потребовал, чтобы походили они на триумфальные арки, которые ставили в Древнем Риме для кесарей.

Заметим, что, овладев несколько лет спустя Ревелем, Выборгом и Ригой, Петр нигде больше не ставил триумфальных арок. Только в Нарве-Ругодове, древнем русском городе, где неудачно начал войну и где искушил свой позор.

Еще десятилетия назад в честь воинских побед и знаменательных событий возводили на Руси памятные храмы. И эту традицию поломал Петр Алексеевич. По римскому образцу — триумфальной аркой — решил царь отметить свою первую победу под Азовом еще в 1696 году. Велел сколотить ее из досок и брусков и указал даже, где поставить. А потом целый месяц терпеливо ожидал, пока построят, чтобы во главе армии торжественным маршем войти в столицу. Впервые в истории России колокольный перезвон сопровождался пушечным салютом. А вместо торжественного молебна прозвучали праздничные вирши. Царь ликовал, а народ с неприличия молчал в изумлении. Но с той поры древнеримская триумфальная арка стала неизбежной при всех российских торжествах.

Так было и после Нарвы. В Москве поставили семь триумфальных ворот. Пушкин в «Истории Петра» заметил: «Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал *мириться с нововведениями* [Курсив мой. — Ю. О.]». Чувство национальной гордости и патриотизма сильнее непонимания.

Мелкие и честолюбивые наследники царя-реформатора стали со временем возводить арки в честь своих коронаций, въездов в города

и других не столь уж знаменательных событий. К триумфальным аркам привыкли. А привычное, обыденное, как правило, утрачивает свой изначальный высокий смысл. Традиция, рожденная Петром, вновь обрела свое истинное предназначение только после войны 1812 года.

Массивные и торжественные триумфальные ворота из камня, возведенные Трезини в Нарве, царю понравились. Архитектор получил государево одобрение. А ворота прозвали «Петровскими». Иноземцев впускали в город только через них. Пусть видят памятник русской славы и мощи. (К сожалению, ворота не дожили до наших дней. Не сохранились и чертежи.)

Сам архитектор без особой радости вспоминал потом свою жизнь в Нарве. Составляя на склоне лет «Краткий реестр работам...», он только в самом конце дописал: «Еще некоторые по указам блаженные и вечнодостойныя памяти его императорского величества построены здесь в Российской службе в прежних годах, а именно: в Нарве градския врата, крепость Кроншлота...»

В конце лета 1705 года Доминико Трезини велено, наконец, возвратиться на берега Невы для строения города.

VII

Городом называли крепость. Так уж велось на Руси испокон века. Даже много позже, в 1717 и 1718 годах, когда Санкт-Петербург уже был столицей государства, в донесениях о строительных работах по-прежнему писали: в Городе (то есть в крепости), в Летнем саду, в Зимнем дворце, в Петергофе. Крепость всегда была главным строением Петербурга.

Остров, на котором возводили крепость, следовало подсыпать. По теперешним меркам — гектара на полтора. Так требовал Ламбер по законам военной науки. И многие тысячи людей принялись безропотно таскать землю.

Анонимный автор «Описания столичного города С.-Петербурга», напечатанного в 1718 году, сообщает: «...Земли в этих низких местах очень мало, и ее надобно приносить издалека в подолах одежды, в тряпках или мешках из старой рогожи, на плечах или в руках...»

За все вершившееся на берегах Невы отвечал генерал-губернатор рождавшегося города. А в его отсутствие — будущий президент Коллегии иностранных дел, мудрый и образованный Гавриил Головкин. Они исправно и часто доносили царю о всех делах.

Мешников — Петру 25 июля 1703 года: «Городовое дело управляется как надлежит. Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются. Чаем, милостью божьей, что то предреченное будет пред поспешествовать...» В строгое деловое

письмо неожиданно врывается человеческая жалоба: «Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит». Непривычны для уроженца Москвы белые ночи, когда «одна зоря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

Как выдержать напряжение, как сохранить силы, когда есть приказ работать от зари до зари? И если устает кавалер Александр Меншиков, то что же тогда говорить о солдатах и работных людях? Проклиная царя и его затею, строители таскали землю, копали рвы, забивали сваи, ставили огромные ряжи и засыпали их землей.

Головкин — царю 17 августа: «Городовое дело строится истинно с великим прилежанием... Как у солдат, так и у работных людей нынешней присылки болезнь одна: понос и цинга». И вовсе не случайно Головкин просит царя повелеть, чтобы «закупили в низовых городах рыбьего жиру на 40 000 работных людей». Такое число людей обязана была отправлять Россия на берега Невы в первые годы строения Петербурга. Причем не всех сразу, а в две смены — с апреля по июль и с июля по сентябрь — по 20 тысяч работников. В разные годы наборы проводились по-разному. Сначала по работнику с девяти дворов. Потом — с двенадцати и даже с шестнадцати. Остальные откупались деньгами на корм несчастных.

Их гнали пешком под охраной солдат. Месяцами шли они, пробираясь в дороге собственным харчем. От Москвы до Петербурга весной и осенью добирались за пять-шесть недель. А из дальних городов еще дольше. До конечной цели доходило 57—60 процентов. Никогда не удавалось собрать нужное число. Помещики и монастыри всячески старались укрыть своих людей. А сколько умирало в дороге или уходило в бега? Число беглых вначале было столь велико, что 9 июня 1707 года Петр издал указ — брать всех членов семьи бежавшего и держать их в тюрьме до тех пор, пока беглец не будет изловлен. Пойманным рвали ноздри и отправляли на каторгу. В 1724 году царю показалось, что ноздри у каторжников вырваны мало, и он повелел «вынимать до кости».

Работали от зари до зари, прерываясь летом на три часа для обеда, а весной и осенью, когда дни короче, — на два часа. За день прогула вычитали семидневный заработок. За час прогула — однопдневное жалованье. Такой поистине каторжный труд оплачивали одним рублем в месяц. Позже, чтобы уменьшить смертность от голода, временным работникам стали выдавать 29 килограммов муки в месяц и 50 копеек деньгами.

Датчанин Юст Юль в 1710 году пишет: «...От работ, холода и голода погибло, как говорят, 60 000 человек...»

Другой иноземный современник: «Говорят даже, будто бы свыше 100 000 при этом погибло».

Русские историки считают, что цифры смертности, приводимые иностранцами, сильно преувеличены.

Сохранилось письмо Александра Даниловича Меншикова от 1716 года кабинет-секретарю царя А. В. Макарову: «В Петергофе и Стрельне в работниках больных zelo много и умирают беспрестанно, ис которых нынешним летом больше тысячи померло». Это пишет человек, который заинтересован скрыть плохое состояние дела. Ведь именно он, Меншиков, отвечает за строительство Петербурга и дворцов вокруг него. Кроме того, в 1716 году положение работных людей лучше, чем было восемь — десять лет назад. Наладился подвоз еды. Накоплен кое-какой опыт.

Царские дворцы в Петергофе и Стрельне возводили работники, набранные в Петербургской губернии. По данным, приведенным С. П. Лупновым, в 1714 и 1715 годах (данные за 1716 год не сохранились) губерния должна была выделять по 7304 человека в год. Но фактически в 1715 году в столицу отправили 4380 работников. Часть из них (видимо, меньшую) послали на работы при Пушечном дворе. Остальных — около трех тысяч человек — на строительство дворцов. Тогда, по письмам Меншикова, получается, что умирал каждый третий человек. А в годы, когда зачинался город и людей прибывало больше, а условия были хуже, смертность наверняка была не меньше.

Рядом с мужиками, согнанными со всей Европейской России (Сибирь людей не слала, а откупалась деньгами), работали солдаты пехотных и драгунских полков и пленные шведы. (Кстати, последние были в лучших условиях, чем русские. Они получали бесплатно те же 29 килограммов муки и еще 90 копеек деньгами, то есть всего 1 рубль 40 копеек). Но смерть, голод, болезни не выбирали жертвы по одежде. Они одинаково уносили и мужика, и бравого солдата. И справедлива, видно, народная легенда, что стоит Петербург на костях.

В России жило тогда около 14 миллионов человек. И даже несколько десятков тысяч трупов, уложенных в основание нового города, — факт очень страшный. Увы, человек, совершающий великое историческое деяние, не всегда руководствуется высокими нравственными идеалами. Не случайно, приступая к написанию истории Петра, Пушкин заметил: его временные указы «жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом».

Даже если иноземцы преувеличивают число погибших, а народные предания не имеют под собой достаточных оснований, они все равно важны для историка. В них — отношение современников к происходящим событиям. Они отражают изумление европейцев перед российским безразличием к человеческой жизни и народный страх перед бессмысленной жестокостью царя.

Город на болоте, возникший с непривычной для россиян торопливостью, не обладал собственной историей. Посему успешно способствовал рождению многочисленных и разнообразных легенд.

Впрочем, не только рождал, но и притягивал, собирал их, населяя на многие десятилетия вперед просторные пустыри-площади и широкие улицы-проспекты странными образами и причудливыми видениями.

Для утверждения и освящения деятельности царя, для поднятия духа народного была создана красивая легенда. «Когда Петр выбрал место для будущего города, то все вдруг увидели орла, парящего над царем, и шум от парения его крыл был слышен. А в день закладки крепости снова появился орел, который с высоты спустился и вновь парил над оным местом».

Легенду о божественном вмешательстве настойчиво пересказывали по всей стране. А в 30-е годы XVIII столетия ее записал анонимный автор, добавив, что закладка Константинополя — первой столицы православной церкви — также была ознаменована появлением орла. Эта легенда, рожденная «наверху», как и многие ей подобные, прожила долгую жизнь. Даже в 1903 году, когда Россия торжественно праздновала двухсотлетие основания Петербурга, ее пересказывали газеты и популярные брошюры для народа. Очень живучи мифы, утверждающие разумную основу деятельности тиранов на благо своих подданных.

Но еще раньше пополз в народе слух о «подменном царе», о «Петре-антихристе», о страшных видениях, обещавших проклятому Петербургу быть пусту. И столь же долго, столь же упорно передавались по Руси рассказы о заклятом городе на Неве, сулящем простому люду беды и несчастья...

К лету 1705 года, когда Трезини покинул Нарву, земляная фортеция уже давно была готова. Огромным пауком с шестью мощными лапами-бастионами распласталась она на Заячьем острове. Триста пушек стояли на ее валах. В центре возносился к серому небу тонкий шпиль деревянного храма Петра и Павла. Предстояло завершить сооружение кронверка на Городовом острове. Его земляные валы обязаны были прикрывать крепость с севера. Следовало закончить канал, прорезавший фортецию с запада на восток, чтобы ослабить напор волн в часы наводнений и питать защитников водой в дни осады. Своей очереди ждали казармы, пороховые погреба, аптека, дом коменданта.

Почти с самого начала возведения крепости смотрение за техническим совершенством всех работ имел знающий фортификационное дело Иоганн Кирхенштейн из Саксонии. Он приглянулся царю еще при строении азовских укреплений. За что был пожалован званием майора. Но саксонец скончался на берегах Невы 24 июня 1705 года. Вот почему, не мешкая собрав нехитрые пожитки, Доминико Трезини заторопился из Нарвы в Петербург. Государь назначил его преемником Кирхенштейна. Трудная и почетная обязанность.

Теперь ему, Трезини, предстояло отвечать за главную русскую цитадель на Балтике. За Петропавловскую крепость, без которой сегодня мы не мыслим город.

«АРХИТЕКТ ЦИВИЛИИ И МИЛИТАРИИ»

I

Год 1706-й — особый в жизни Трезини. Переломный. С него начался путь архитектора в будущее.

Еще зимой повелел государь начать перестройку земляной Петропавловской фортеции в камне — кирпиче. Чтобы стали ее будущие малиново-красные бастионы символом вечного стояния России на балтийском берегу.

Перестройку государь поручил «архитекту цивилии и милитарии» Доминико Трезини. Это — признание и почет строителю, прибывшему сюда меньше трех лет назад. Правда, других архитекторов-иностранцев в Петербурге пока еще не было. Но царь ведь мог пригласить. А не сделал этого. Доверил проверенному на Кроншлоте и в Нарве тессинцу. Доминико осознал и оценил милость Петра Алексеевича.

Это великое и мощное строение своими могучими стенами навсегда отгородило Трезини от Европы и заставило прожить до самой смерти в России. Двадцать восемь лет отдаст архитектор этому главному делу своей жизни. Уже в преклонном возрасте все перечни своих трудов неизменно станет начинать фразой: «Первейшая из главных работ — Санкт-петербургская фортификация, которая застроена каменным зданием с 1706 года...»

Тридцатого мая после торжественного молебна под пушечную пальбу перед строем полков царь Петр Алексеевич самолично заложил первый камень в основание будущей кирпичной цитадели. А под тот камень поставили золотой ковчежец с частицей мощей апостола Андрея Первозванного.

Размах начинания, надобность в умельцах и строительных материалах требовали нового отношения к делу. Следовало в нужные сроки заготовить и подвезти много плитного камня для фундамента, сотни и сотни тысяч кирпичей, отборную известь, лес. Для своевременного исполнения всех надобностей Петр создал специальную Канцелярию городских дел. Во главе ее поставил дельного, расторопного Ульяна Акимовича Сенявина. А Трезини, получивший наказ возвести каменную фортецию, стал фактически его правой рукой.

Позже Канцелярия станет ведать строением государевых домов, а потом и всей планировкой Петербурга. Так постепенно, исподволь Трезини окажется человеком, который будет отвечать перед царем за внешнее обличье города. Но это — в будущем. А пока одна забота: крепость.

Перестройку начали с бастиона Меншикова, что справа от входа в крепость. Сначала раскатали земляные валы (земля пошла на подсыпку острова). Потом рыли глубокие канавы, откачивали из них воду, били дубовые сваи. Только после этого закладывали траншеи плитным камнем и заливали известью. И так день за днем. Под дождем и солнцем. Всегда по колено в воде. На готовом фундаменте выводили стены из звонкого, хорошо обожженного кирпича.

Государь внимательно следит за ходом дела. Отъезжая, требует, чтобы исправно отписывали ему, что и как построено. И пишут. Не дай бог вызвать гнев Петра Алексеевича. Ведь крепость для него не просто защита от шведов, а памятник его политике, его воинским талантам. Перестроенная в камне, она и через столетие напомним потомкам, как он, Петр, вывел Россию на берег западного моря. Твердо встал на этом берегу и построил удивительный город. Вот почему и вход в крепость должен быть торжественный, триумфальный.

Осенью 1707 года царь приказывает: «В будущем 708 году ворота делать подобные Нарвским». Значит, запала государю в душу арка, возведенная тессинцем в освобожденном Ругодеве.

К лету 1708 года в крепости уже выведены каменные пороховые погреба, начато строение казарм, выкладывают в кирпиче два бастиона — Меншикова и Головкина — и куртину между ними. Теперь предстоит соорудить ворота. Правда, неведомо место, где можно ломать камень для их строения. Но царь повелел, и надо срочно делать. Поэтому Трезини возводит их сначала из дерева.

Ворота пока называют Верхними. Будут и Нижние — обращенные в сторону Васильевского острова. Их сделают позже и тогда же перекинут мостик через Кронверкский пролив. Но сейчас в крепость можно пройти только со стороны Городового острова.

Перед подъемным мостом со стороны крепости — малый земляной рavelин для защиты ворот в случае приступа. Но достаточно обогнуть его, и взору открывается вид на мощную триумфальную арку. Ее венчает двухметровая фигура апостола Петра с двумя ключами в руках — от рая и от ада (по этой фигуре ворота со временем стали называть Петровскими). С правой стороны арки — железная доска с датой и надписью об основании крепости. С внутренней стороны над воротами установлен большой черный двуглавый орел. В правой лапе у него держава, в левой — скипетр.

Академик Якоб Штелин, писавший в годы царствования Екатерины II историю русской скульптуры XVIII столетия, сообщает,

что на воротах стояли статуи и Петра, и Павла, а между ними — фигура Христа. Однако полностью доверять запискам человека, приехавшего в Россию в 1735 году, несколько рискованно. Очень часто Штелин многое путает, устные предания выдает за подлинные факты, а порой и вовсе не сдерживает полет своей фантазии.

Библиотекарь Академии наук А. Богданов, составивший в середине XVIII века «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его...», сообщает, что по сторонам фигуры апостола Петра и ниже его — два ангела с трубами. Женские фигуры в нишах изображали Благочестие и Крепость или Надежду. Не исключено, что воспринимали эти изображения именно так. Ведь каждое время по-своему толкует символические образы. В зависимости от своих воззрений и потребностей.

Четвертого апреля 1714 года государь повелел «по Большой Неве и большим протокам деревянного строения не строить». Одновременно велено Петровские ворота вывести в камне. К тому времени уже прознали о больших залежах гранита под Сердоболем (теперь Сортавала). Во всяком случае, в 1715 году сооружение каменных ворот велось полным ходом.

На пятнадцатиметровую толщину крепостной стены Трезини наложил декорацию из ниш, пилястров, волют и рустованного камня. А резко выступающий карниз как бы продолжает верхнюю кромку стены и делит декорацию на две неравные части.

Нижняя — массивная, одетая грубо околотым камнем (через сто лет его заменили штукатуркой). Мощные пилястры по краям сооружения и по обеим сторонам въездной арки сдерживают его разрастание вширь. Между пилястрами ниши для статуй Афины Паллады — победоносной воительницы и Афины Полиады — покровительницы города.

Верхняя часть, над карнизом, состоит из прямоугольника — аттика, увенчанного закругленным лучковым фронтоном. Массивные волюты поддерживают его и связывают с горизонтальной крепостной стеной.

Аттик украшен символическим барельефом «Низвержение Симона волхва апостолом Петром». Для человека XVIII столетия аллегория воспринималась просто — царь Петр, победивший неразумных шведов. На фронтоне и волютах — рельефные композиции из шлемов, лат, фанфар. Во всем ощущение силы и воинского торжества.

К концу лета 1716 года сооружение ворот завершено. 23 сентября Трезини доносит: «На ворота фигуры поставлены и штукатурные работы доделывают»¹. Но статуи и рельефы были деревянные, снятые со старых ворот. А для новых, каменных, следовало, конечно, сделать их из металла.

Среди бумаг Петра хранится доношение, поданное в декабре 1722 года:

«Архитект Трезини по ведомости объявил надобно на Петропавловские ворота выливать из свинца басерливы [барельефы. — Ю. О.] и фигуры, а именно:

1. Большой басерлив, который будет поставлен в середине над воротами длиною в 17 фут и 10 дюймов, вышиною 9 фут 5 дюймов.

По обе стороны того большого басерлива 2 басерлива длиною по 4 фута по 11 дюймов с половиною, вышиною по 5 фут по 1 дюйму [то те барельефы, что должны быть на волютах. — Ю. О.]

Басерлив же, который будет поставлен наверх во фронтоне, длиною 17 фут 10 дюйм, вышиною 3 фута 2 дюйма с половиною.

2. Статуи круглые, которые будут поставлены в нишах по обе стороны ворот, вышиною по 9 фут с половиною».

Исполнить отливку Трезини договорился с Бартоломео Растрелли. За работу скульптор потребовал 2350 рублей и свинец. А окели из его свинца и алебаstra для форм — тогда 3350 рублей.

И в том, — как сказано в доношении, — архитекты Микетти, Трезини и Гербель подписались, что дело оных басерликов и фигур той цены стоит»². Петр с мнением своих зодчих не согласился. Цена за художественную работу показалась ему слишком высокой. Растрелли заказ не получил. Ничего не жалея на строение флота и армию, Петр постарался сберечь несколько сотен рублей на памятнике своим победам. Рачитель славы государства, царь твердо верил, что сила России только в ее многопушечных фрегатах, драгунских и пехотных полках.

В. Ключевский замечает, что накануне смерти Петра — в 1724 году — «расход на войско и флот доходит до 67 % всего сметного дохода, а по отношению к действительным поступлениям того года поднимается до 75,5 %». Правда, была еще одна статья расходов, которую Петр никогда не пытался урезать: Екатерина и ее двор. Описывая один из приемов в царичином Летнем дворце, современник занес в дневник: «...Я никогда не видел вокруг столько драгоценных камней, разве только на аудиенции турецкого посла в Париже».

Свинцовые фигуры и барельефы на главные ворота крепости отлили уже после смерти Петра. Но к тому времени и сами Петровские ворота оказались укрытыми от взоров любопытных горожан: по желанию императрицы Анны Иоанновны архитектор Трезини начал в 1731 году строить перед ними вместо старого, земляного, новое мощное каменное предмостное укрепление — рavelин. В честь отца государыни — старшего брата Петра — его назвали Иоанновским.

Из донесения Трезини 24 февраля 1732 года: «...В новозачатом прошлого года рavelине... под... стены, под фазы, фланки и контр-

гарды и под простенки казарм надлежит нынешним зимним временем бить круглые сваи, дабы в наступающем апреле в последних или мая в первых числах в оном равелине зачать каменным строением делать, чтоб в оном лете совсем по чертежу можно достроить...»³

Крепость продолжали строить как главную твердыню России на Балтике, как символ вечного владения морским простором. Хотя после Полтавы, после взятия в 1710 году Выборга и Риги, после разгрома шведского флота при мысе Гангут опасности никакой уже для Петербурга не было. Но пушки крепости палили много и часто. Горожане слышали стрельбу по всем праздничным дням и по торжественным случаям, объявленным государем; после тостов на царских пирах; при спуске новых кораблей; в дни печальных церемоний — похорон. Однако за всю свою историю крепость ни разу не обрушила ядра на головы врагов. Впечатление, что укрепляли и украшали фортецию ради престижа, как символ государственной власти и главную политическую тюрьму России.

...14 июня 1718 года караульные солдаты широко распахнули тяжелые, окованные железом дубовые створки Петровских триумфальных ворот. Прогрелась по мосту, в крепость вкатилась закрытая черная карета в окружении драгун. Промчавшись вдоль канала, разрезавшего крепость с запада на восток, она замерла у Трубецкого бастиона. В крепость привезли государственного преступника.

По странной иронии судьбы первым политическим заключенным в фортеции оказался сын основателя Петербурга царевич Алексей. Противник всех отцовских нововведений, сторонник тихой безмятежной старины, он не скрывал своих мечтаний: «...Когда буду государем, буду жить в Москве, а Петербург оставлю простым городом; корабли держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни с кем не хочу, буду довольствоваться старым владением». Бежав от гнева отца в Вену, царевич готовился использовать чужеземные войска для захвата трона. Теперь в крепости начинался последний акт шекспировской по своим страстям трагедии. Ничего не утаивая, Алексей обязан был назвать своих соумышленников...

Из донесения австрийского резидента Плейера: «В крепость никого не пускали и перед вечером ее заперли. Голландский плотник, работавший на новой башне [колокольне собора.— Ю. О.] в крепости и оставшийся там почевать незамеченным, вечером видел сверху в пыточном каземате головы каких-то людей и рассказал о том своей теще, повивальной бабке голландского резидента...»

25 июня царевичу объявили приговор: смертная казнь. На следующее утро царь еще раз допросил сына под пыткой. В тот же день Алексей умер. Легенда гласит, что его тихо придушили по указанию отца. Событие это надолго стало предметом взволно-

ванных пересудов среди жителей Петербурга. Вероятно, появились какие-то послания и подметные письма, тайно ходившие по рукам. Но случайно в августе того же года государь издает суровый указ: в монастырях, этих центрах сопротивления реформам, под страхом наказания никто не смеет что-либо писать в кельях при закрытых дверях. А осенью, когда все разговоры поутихли, Петр повелел изготовить серебряную медаль в память «Восстановления спокойствия». На лицевой стороне сам государь в лавровом венке, латах и мантии. На оборотной — на высоком пне корона под лучами солнца, а сверху на ленте надпись: «Величество твое везде ясно».

Непривычные к русским нравам иностранцы были потрясены твердостью духа и жестокостью отца, не пожалевшего сына. Но молчали. Предпочитал молчать и строитель крепости Доминико Трезини, знавший, вероятно, чуть более прочих. Считал, что не дело художника заниматься политикой.

Пыточный каземат, упомянутый плотником, скорее всего, какое-то временно приспособленное помещение для специально созданной в феврале 1718 года Тайной канцелярии. Но для столь важного охранительного учреждения требовалось собственное и, наверное, немалое здание. Возвести его повелели, конечно, главному строителю крепости архитектору Доминико Трезини.

Работы велись несколько лет. Из архивных дел известно, что в июне 1725 года, например, для печей в Тайной канцелярии «деланы изразцы живописные с каймами». Заплечных дел мастера тоже имеют право на уют и любование произведениями искусства. По рапорту Трезини, в 1728 году он еще продолжал вести какие-то работы в палатах Тайной канцелярии. Не исключено, что с возникшей надобностью расширял старые помещения.

Раз в неделю крепостные ворота открывали, чтобы пропустить роту солдат для смены караула. И еще утром и вечером впускали и выпускали служителей Тайной канцелярии и мастеров Монетного двора. Кстати, его тоже построил Трезини — между Трубецким и Нарышкинским бастионами.

Чтобы не гуляли по крепости лишние люди, Сенат, уже четыре года заседавший в крепости, в том же 1718-м перевели во вновь построенное мазанковое здание на Троицкой площади Городового острова. А в 1722 году Трезини перенес из крепости и аптеку в специально для нее сооруженный мазанковый дом в начале Немецкой улицы (ныне улица Халтурина).

Теперь тишину фортеции могли нарушить только команды при смене часовых на постах да еще разве истошные вопли несчастных из пыточных подвалов Тайной канцелярии.

За два столетия, вплоть до 1917 года, одиннадцать раз широко распахивали крепостные ворота, чтобы впустить траурную колесницу с гробом очередного усопшего монарха. И сотни раз

проносились под сводами триумфальной арки ворот черная, наглухо закрытая карета с обреченными на заточение государственными преступниками. Боевую крепость, построенную по самым последним достижениям инженерной науки своего времени, превратили в усыпальницу монархов и каменную могилу их противников.

Покойные императоры не могли слышать вопли пытаемых.

Но погребенные в казематах Тайной канцелярии с тщетной надеждой прислушивались к звукам заукойных молебнов, доносившимся из собора. И лишь караульные солдаты с одинаковым рвением и безразличием охраняли и мертвецов, и похороненных заживо.

Только в начале XIX столетия, когда на русский трон взошел Александр Павлович, крепость, наконец, открыли для посещения любознательными горожанами и путешественниками.

Тянулись десятилетия. Парадные ворота дряхлели. Их ремонтировали, подновляли и, конечно, каждый раз что-то переделывали. Пришлось заменить и статуи. Ветхим стал свинец. Но даже через два столетия после закладки создатель первой истории русского искусства И. Грабарь признал: «Серьезная и благородная архитектура Петровских ворот говорит... о каких-то не совсем еще прерванных нитях, соединявших „инженера“... с гениальными... крепостными сооружениями Микеле Санмикеле в Вероне».

Помянутый Грабарем итальянский зодчий работал в первой половине XVI столетия. Ученик прославленного Браманте, начавшего сооружение ныне существующего собора святого Петра в Риме, он рано уехал на север Италии и до самой смерти (в 1559 году) строил в городах Венецианской республики.

Санмикеле прославился высоким умением сопрягать строгую монументальность с чувством прекрасного. Это заметно во всех его произведениях, но особенно ощутимо в крепостных воротах Вероны: Порты Нуова, Порты Ступпа и Порты Дзено. Они уцелели до наших дней и по-прежнему украшают очаровательный городок, рожденный еще в III веке до нашей эры.

Пожалуй, именно нижняя половина Петровских ворот в Петербурге напоминает крепостные ворота Порты Дзено. Только вместо узких дверей для пешеходов по обеим сторонам проездной арки Трезини сделал ниши для статуй.

Хочется думать, что Доминико видел творения Санмикеле. Присматривался к ним, запоминал. А тонкая нить сходства двух крепостных сооружений позволяет хоть бы пунктиром наметить странствия главного строителя Петропавловской крепости в годы учебы.

Припомним его рассказ в Посольском приказе вскоре после приезда в Россию: «...Учился архитектурной работе и инженерству в Италии...»

Во второй половине XVII столетия на Апеннинском полуострове существовало два основных художественных центра — Рим и Венеция. Для небогатого Доминико Венеция была ближе и потому доступнее.

Годы учебы Трезини совпадают с годами последнего триумфа Венеции. Еще многочислен флот республики. Еще знамениты военачальники и фортификаторы. В союзе с Австрией и Польшей (позже к ним присоединилась Россия) Венеция отвоевывает у турок Морю, Далмацию и часть островов в Ионическом море. Прославлено и венецианское искусство, бережнее других хранившее великие традиции Возрождения.

Путь из Астаны в Венецию лежит через Милан и Верону. Здесь некогда родился знаменитый Витрувий, автор трактата «Десять книг об архитектуре», в котором он обобщил опыт греческого и римского зодчества. Трезини не мог здесь не задержаться. Место рождения великого Мастера и Учителя — цель паломничества каждого молодого человека, мечтающего стать архитектором. Будем думать, что это было именно так. А триумфальные ворота в Нарве и Петербурге — тихий отзвук далеких юношеских впечатлений.

II

Наше первое восприятие Петербурга определяет словесность.

Сначала мы узнаём город Пушкина. Державный, великолепный. С простором капризной Невы, ограниченной гранитом набережных. Желтоватые громады зданий охраняют покой площадей. Загадочные львы и сфинксы у пристаней и подъездов. Кружевной узор чугунных оград. И обязательное сияние Адмиралтейской иглы.

Позже мы открываем другой Петербург. Мрачный, давящий душу. Город, где во дворы-колодцы никогда не заглядывает солнце. А глухие брандмауэры даже в летние дни, кажется, источают промозглую сырость. Это Петербург бедных людей, которых заставляют вечно дрожать нужда и пронизывающий ветер с моря. Это город Достоевского.

Есть и Петербург Блока, где на перекрестках в круговерти снежных метелей или в призрачном сиянии белых ночей так странно переплетаются мечты и реальность, рождая фантазмагорические видения...

Но существовал когда-то город изначальный. Петербург государя Петра Алексеевича. Тот, который начинал строить Доминико Трезини. Каким он был?

Несколько зданий, доживших до наших дней, не позволяют восстановить реальную картину. Время уничтожило ее компози-

цию. Однако сохранились пухлые тома архивных дел, тронутые желтизной листы чертежей и планов. И если заставить их вступить в разговор, то они способны многое поведать о Петербурге изначальном. Его облике, быте и нравах.

В музее истории города хранится план, нарисованный в 1706 году. Не исключено, что Трезини мог участвовать в его создании. Через двадцать лет, составляя краткий реестр своим работам, он записал: «...абрисование всех здешних окрестных островов...»

Города в теперешнем понимании на этом плане еще нет. Только раскиданные на разных островах группы строений и землянок. Холодная речная вода, сулящая беду, разъединяет людей. А белесое низкое небо, кажется, еще сильнее давит их к земле, к непролазной осенней и весенней грязи, готовой стащить с ноги последние лапти или чуни. Мостов нет. Каждый остров живет своим укладом. Лишь необходимая поспешность в строениях укреплений объединяет усталых людей. И первое среди всех оборонительных сооружений — крепость.

На сохранившемся плане она резко выделена четкостью абриса и жирным штрихом. Крепость пока главное строение будущего города. Впрочем, навсегда останется символом Петербурга, символом прочности власти.

Наискосок от нее, на левом берегу Невы, — прямоугольник Адмиралтейства, способный вместить двенадцать стапелей. А так как война со шведами еще в самом разгаре, то стапели обведены рвом и валом с бастионами. Место для Адмиралтейства отвели как раз на расстоянии пушечного выстрела от крепости. Чтобы накрыть его огнем, если захватит враг. Обычный расчет военного человека. Градостроительное искусство, сиречь архитектура, хороша для Петра только та, которая отвечает практическому делу. Через десять лет немецкий ученый, математик Г. Лейбниц запишет после встречи с царем Петром: «Он больше восхищается некоторыми хорошими машинами, чем собранием прекрасных картин, которые ему показывали в королевском дворце».

К первому октября 1705 года сооружение Адмиралтейства с рвом, четырьмя бастионами по углам и пятым перед башней на южной стороне завершили. Над башней с въездными воротами установили тонкий шпиль. Теперь уже две стремительные вертикали на обоих берегах — одна над крепостной церковью, другая над Адмиралтейством — нарушали равнинное однообразие рождавшегося города.

Маленькие кораблики, нарисованные в протоке между крепостью и Городовым островом, указывают на стоянку русского военного флота. А купеческая пристань расположена на самом острове — на месте теперешнего съезда с Кировского моста. Дальше по берегу, вверх по реке, квадратики жилых домов.

Для них рубили лес вокруг, заболочивая и без того волглую землю. Перевозили уцелевшие срубы из Ниеншанца. Везли бревна на Карелию. Сохранилось письмо Меншикова коменданту Олонца с просьбой срубить дом на восемь покоев и с церковью, а потом, разобрав, привезти его в Петербург.

Генерал-губернатор, «липсте камрат» государя, построил свой поместительный дом рядом с «Красными хоромцами». (Позже в доме селили знатных приезжих, а в 1711 году он в одночасье сгорел.) Тут же вдоль берега реки поднялись жилые палаты ближайших сподвижников: Никиты Зотова, Романа Брюса, Петра Шафирона, Гаврилы Головкина.

Позади этих «дворцов» — дома поменьше, поскромнее, для людей чинами пониже. Получилось некое подобие улицы. Дворянской.

У кронверка — табор. Землянки, халупы, шатры. Рынок. Зато на северной оконечности острова порядок. Четкие ряды солдатских жилищ.

На Васильевском острове запустение. Лес да кустарник. Только на восточном мысу, будущей Стрелке, машут крыльями ветряные мельницы для пилки досок. Да в северной его части, неподалеку от устья Малой Невы, укрылась в лесу чухонская деревня домов на двадцать.

Случайность царит в застройке левого берега. Между теперешним Литейным проспектом и Фонтанкой несколько барских усадеб с огородами и коровниками. Каждая из них обнесена прочным тыном: вокруг немало людей, падких на чужое добро. Да что здесь, в Петербурге, — по всем дорогам России гуляют воровские шайки. Опасно ездить стало. Разгул вольницы — характерная черта Петровской эпохи. Долго не могли с ней совладать и в новом городе на Неве. В конце концов 10 августа 1719 года государь указал: «Для прекращения воровских проходов и всяких непотребных людей сделать при Санктпетербурге шлахбомы [шлагбаумы.— Ю. О.] и... при них быть в ночи караулу...» Тогда стало чуть легче. Вздохнули свободнее...

У самого истока Фонтанки, на правом ее берегу, велел государь разбить свой Летний сад. А начиная от Большого луга (теперешнее Марсово поле) и дальше до самого Адмиралтейства — дома офицеров флота, опытных корабелов, иноземных мастеров. Дома стоят свободно, как бог на душу положит, от Невы до Мьи (Мойки). Чистота и порядок отменные. За всем наблюдает строгий вице-адмирал Корнелий Крюйс. Гигант-моряк слыл среди обитателей Греческой слободы (так почему-то ее прозывали) человеком разумным, справедливым и добрым. Свидетельство современника: «У него же во дворе находится реформатская церковь... За неимением колоколов при этой церкви, время богослужения... возвеща-

ется поднятием на углу двора, выходящем к набережной, присвоенного вице-адмиралу флага, на котором изображен голубой крест в белом поле».

Рядом с Греческой слободой на другом берегу Мьи поселился и Доминико Трезини. Примерно там, где находится последняя квартира Пушкина.

Дальше вниз по Неве, за Адмиралтейством, снова порядок военного лагеря: флотские склады, жилье моряков и адмиралтейских служащих.

Таков первоначальный Петербург. И еще никто не подозревает, что в будущем он обретет славу одного из прекраснейших городов мира. А пока каждый приехавший строит для себя как хочет и где хочет. «Потому, — свидетельствует очевидец, — что здесь на место полное раздолье». И потому, как во всех русских городах, — глухие заборы, тупики, кривые изгибы улиц. Нет системы. Нет единого плана. На всем печать временности, случайности.

И. Грабарь называет этот период в истории города «деревянным». Длился он вплоть до начала 1711 года. Название справедливое, если припомнить, что, помимо крепости, до 1710 года ни одного каменного жилого дома или церкви на берегах Невы построено не было.

Вплоть до 1709 года Петру Алексеевичу недосуг всерьез заниматься внешним обликом Петербурга. Еще очень силен Карл XII. Слишком большая опасность нависла над Россией. Война забирает все силы и помыслы. Но Петр твердо убежден — город будет существовать. Основание для него уже заложено.

Естественно, что в этот «деревянный» период Доминико Трезини не мог раскрыть свои способности архитектора. Он весь поглощен Петропавловской крепостью. Вдобавок все время возникают какие-то неотложные дела в Кроншлоте, на Котлине. Требуется сил и времени ремонт крепостных сооружений Шлиссельбурга. Ведь он охраняет тыл юного города на Неве. Но все эти заботы связаны лишь с точными инженерными расчетами и предельной аккуратностью в деле. Художественный вкус и талант зодчего не надобен для установки бревенчатых срубов. Даже если предназначены они для знатного вельможи. Остается одно: надеяться и ждать своего часа.

III

Начальный Петербург — город военных. Повсюду зеленые мундиры пехотинцев. Реже красные — артиллеристов. Еще реже гражданское платье. Совсем мало женского.

Доминико Трезини ходит в немецком. Не имеет чина. Кафтан до колен из синего сукна с большими обшлагами и вместительными накладными карманами. На воротнике и по бортам — строгий

поребриный галун. Такого же сукна короткие штаны до колен. Под шафтаном — светлый короткий камзол без складок и воротника. Днем сапоги — лазить по стройке. Вечером — в гости или на ассамблею — чулки и туфли.

До сих пор неизвестны его портреты. Но если верить народным суждениям, что внуки напоминают дедов, то есть у нас маленькая надежда представить облик архитектора. До наших дней дожила миниатюра с изображением внучки Трезини в преклонном возрасте. Судя по этому портрету, у зодчего должно было быть удлиненное лицо с тяжелым, большим подбородком, крупные черты, большой нос и круглые глаза чуть навывкате. Видимо, небольшого роста, сухощав, подвижен и, конечно, темпераментен, как всякий уроженец южных стран.

Когда эту рукопись уже должны были отправить в типографию, вышла в свет новая работа И. И. Лисаевич о творчестве Д. Трезини. Историк искусства опубликовала хранящийся в Стокгольме рисунок, исполненный в 1721 году шведом Карлом Фридрихом Койетом. На рисунке изображены три человека: левый и средний держат развернутый план Петербурга, а третий, стоящий справа, что-то указывает на плане. Лисаевич резонно замечает, что «внимательное изучение этих портретных изображений поможет специалистам ответить на вопрос: не Трезини ли один из троих?» Читатель сам может представить, сколь велика была моя радость, когда реконструированный портрет зодчего совпал с обликом человека, изображенного на рисунке справа. (Кстати, следует заметить, что в начале 20-х годов какой-то пленный швед Койет работал у Трезини чертежником.)

По запискам Трезини видно, что умеет он принимать решения быстро, четко, по-деловому. Поэтому ему легче, чем другим иностранцам, жить и работать в Петербурге. Здесь признают людей скорых, работающих.

Дух города — тоже воинский. Все без исключения исполняли регламент, установленный царем. Но в этом огромном военном лагере со своими храмами, судилищами и маркитантами гражданский кафтан Трезини почитали за офицерский. Стоило ему в окружении трех-четырех молодых людей — учеников появиться в крепости, на строении пороховых погребов или в Шлиссельбурге, как тут же, подобравшись, бежали ему рапортовать унтер-офицеры и инженерные кондукторы. Знали, что «архитект цивилии и милитарии» командует главными строениями Петербурга и отвечает за них самому царю. Знали, что он въедлив, строг, но справедлив. Вникает во все дела, а коли кто допустит промашку — спуску не жди. Но и по-пустому, для страха, распекать не станет.

Так и мотался из конца в конец Доминико Трезини, архитектор в немецком кафтане, которого слушались, будто на нем обер-офи-

цию. Однако сохранились пухлые тома архивных дел, тронутые желтизной листы чертежей и планов. И если заставить их вступить в разговор, то они способны многое поведать о Петербурге изначальном. Его облике, быте и нравах.

В музее истории города хранится план, нарисованный в 1706 году. Не исключено, что Трезини мог участвовать в его создании. Через двадцать лет, составляя краткий реестр своим работам, он записал: «...абрисование всех здешних окрестных островов...»

Города в теперешнем понимании на этом плане еще нет. Только раскиданные на разных островах группы строений и землянок. Холодная речная вода, сулящая беду, разъединяет людей. А белое низкое небо, кажется, еще сильнее давит их к земле, к непролазной осенней и весенней грязи, готовой стащить с ноги последние лапти или чуни. Мостов нет. Каждый остров живет своим укладом. Лишь необходимая поспешность в строении укреплений объединяет усталых людей. И первое среди всех оборонительных сооружений — крепость.

На сохранившемся плане она резко выделена четкостью абриса и жирным штрихом. Крепость пока главное строение будущего города. Впрочем, навсегда останется символом Петербурга, символом прочности власти.

Наискосок от нее, на левом берегу Невы, — прямоугольник Адмиралтейства, способный вместить двенадцать ступеней. А так как война со шведами еще в самом разгаре, то стапели обведены рвом и валом с бастионами. Место для Адмиралтейства отвели как раз на расстоянии пушечного выстрела от крепости. Чтобы накрыть его огнем, если захватит враг. Обычный расчет военного человека. Градостроительное искусство, сиречь архитектура, хороша для Петра только та, которая отвечает практическому делу. Через десять лет немецкий ученый, математик Г. Лейбниц запишет после встречи с царем Петром: «Он больше восхищается некоторыми хорошими машинами, чем собранием прекрасных картин, которые ему показывали в королевском дворце».

К первому октября 1705 года сооружение Адмиралтейства с рвом, четырьмя бастионами по углам и пятым перед башней на южной стороне завершили. Над башней с въездными воротами установили тонкий шпиль. Теперь уже две стремительные вертикали на обоих берегах — одна над крепостной церковью, другая над Адмиралтейством — нарушали равнинное однообразие рождавшегося города.

Маленькие кораблики, нарисованные в протоке между крепостью и Городовым островом, указывают на стоянку русского военного флота. А купеческая пристань расположена на самом острове — на месте теперешнего съезда с Кировского моста. Дальше по берегу, вверх по реке, квадратики жилых домов.

Для них рубили лес вокруг, заболочивая и без того волглую землю. Перевозили уцелевшие срубы из Ниеншанца. Везли бревна на Карелию. Сохранилось письмо Меншикова коменданту Олонца с просьбой срубить дом на восемь покоев и с церковью, а потом, разобрав, привезти его в Петербург.

Генерал-губернатор, «липсте камрат» государя, построил свой поместительный дом рядом с «Красными хоромцами». (Позже в доме селили знатных приезжих, а в 1711 году он в одночасье сгорел.) Тут же вдоль берега реки поднялись жилые палаты ближайших сподвижников: Никиты Зотова, Романа Брюса, Петра Шафирона, Гаврилы Головкина.

Позади этих «дворцов» — дома поменьше, поскромнее, для людей чинами пониже. Получилось некое подобие улицы. Дворянской.

У кронверка — табор. Землянки, халупы, шатры. Рынок. Зато на северной оконечности острова порядок. Четкие ряды солдатских жилищ.

На Васильевском острове запустение. Лес да кустарник. Только на восточном мысу, будущей Стрелке, машут крыльями ветряные мельницы для пилки досок. Да в северной его части, неподалеку от устья Малой Невы, укрылась в лесу чухонская деревня домов на двадцать.

Случайность царит в застройке левого берега. Между теперешним Литейным проспектом и Фонтанкой несколько барских усадеб с огородами и коровниками. Каждая из них обнесена прочным тыном: вокруг немало людей, падких на чужое добро. Да что здесь, в Петербурге, — по всем дорогам России гуляют воровские шайки. Опасно ездить стало. Разгул вольницы — характерная черта Петровской эпохи. Долго не могли с ней совладать и в новом городе на Неве. В конце концов 10 августа 1719 года государь указал: «Для прекращения воровских проходов и всяких непотребных людей сделать при Санктпетербурге шлахбомы [шлагбаумы. — Ю. О.] и... при них быть в ночи караулу...» Тогда стало чуть легче. Вдохнули свободнее...

У самого истока Фонтанки, на правом ее берегу, велел государь разбить свой Летний сад. А начиная от Большого луга (теперешнее Марсово поле) и дальше до самого Адмиралтейства — дома офицеров флота, опытных корабелов, иноземных мастеров. Дома стоят свободно, как бог на душу положит, от Невы до Мьи (Мойки). Чистота и порядок отменные. За всем наблюдает строгий вице-адмирал Корнелий Крюйс. Гигант-моряк слыл среди обитателей Греческой слободы (так почему-то ее прозывали) человеком разумным, справедливым и добрым. Свидетельство современника: «У него же во дворе находится реформатская церковь... За неимением колоколов при этой церкви, время богослужения... возвеща-

ется поднятием на углу двора, выходящем к набережной, присвоенного вице-адмиралу флага, на котором изображен голубой крест в белом поле».

Рядом с Греческой слободой на другом берегу Мьи поселился и Доминико Трезини. Примерно там, где находится последняя квартира Пушкина.

Дальше вниз по Неве, за Адмиралтейством, снова порядок военного лагеря: флотские склады, жилье моряков и адмиралтейских служащих.

Таков первоначальный Петербург. И еще никто не подозревает, что в будущем он обретет славу одного из прекраснейших городов мира. А пока каждый приехавший строит для себя как хочет и где хочет. «Потому, — свидетельствует очевидец, — что здесь на место полное раздолье». И потому, как во всех русских городах, — глухие заборы, тупики, кривые изгибы улиц. Нет системы. Нет единого плана. На всем печать временности, случайности.

И. Грабарь называет этот период в истории города «деревянным». Длился он вплоть до начала 1711 года. Название справедливое, если припомнить, что, помимо крепости, до 1710 года ни одного каменного жилого дома или церкви на берегах Невы построено не было.

Вплоть до 1709 года Петру Алексеевичу недосуг всерьез заниматься внешним обликом Петербурга. Еще очень силен Карл XII. Слишком большая опасность нависла над Россией. Война забирает все силы и помыслы. Но Петр твердо убежден — город будет существовать. Основание для него уже заложено.

Естественно, что в этот «деревянный» период Доминико Трезини не мог раскрыть свои способности архитектора. Он весь поглощен Петропавловской крепостью. Вдобавок все время возникают какие-то неотложные дела в Кроншлоте, на Котлине. Требуется сил и времени ремонт крепостных сооружений Шлиссельбурга. Ведь он охраняет тыл юного города на Неве. Но все эти заботы связаны лишь с точными инженерными расчетами и предельной аккуратностью в деле. Художественный вкус и талант зодчего не надобен для установки бревенчатых срубов. Даже если предназначены они для знатного вельможи. Остается одно: надеяться и ждать своего часа.

III

Начальный Петербург — город военных. Повсюду зеленые мундиры пехотинцев. Реже красные — артиллеристов. Еще реже гражданское платье. Совсем мало женского.

Доминико Трезини ходит в немецком. Не имеет чина. Кафтан до колен из синего сукна с большими обшлагами и вместительными накладными карманами. На воротнике и по бортам — строгий

серебряный галун. Такого же сукна короткие штаны до колен. Под кафтаном — светлый короткий камзол без складок и воротника. Днем сапоги — лазить по стройке. Вечером — в гости или на ассамблею — чулки и туфли.

До сих пор неизвестны его портреты. Но если верить народным суждениям, что внуки напоминают дедов, то есть у нас милонькая надежда представить облик архитектора. До наших дней дожила миниатюра с изображением внучки Трезини в преклонном возрасте. Судя по этому портрету, у зодчего должно было быть удлиненное лицо с тяжелым, большим подбородком, крупные черты, большой нос и круглые глаза чуть навывкате. Видимо, небольшого роста, сухоощав, подвижен и, конечно, темпераментен, как всякий уроженец южных стран.

Когда эту рукопись уже должны были отправить в типографию, вышла в свет новая работа И. И. Лисаевич о творчестве Д. Трезини. Историк искусства опубликовала хранящийся в Стокгольме рисунок, исполненный в 1721 году шведом Карлом Фридрихом Койетом. На рисунке изображены три человека: левый и средний держат развернутый план Петербурга, а третий, стоящий справа, что-то указывает на плане. Лисаевич резонно замечает, что «внимательное изучение этих портретных изображений поможет специалистам ответить на вопрос: не Трезини ли один из троих?» Читатель сам может представить, сколь велика была моя радость, когда реконструированный портрет зодчего совпал с обликом человека, изображенного на рисунке справа. (Кстати, следует заметить, что в начале 20-х годов какой-то пленный швед Койет работал у Трезини чертежником.)

По запискам Трезини видно, что умеет он принимать решения быстро, четко, по-деловому. Поэтому ему легче, чем другим иностранцам, жить и работать в Петербурге. Здесь признают людей скорых, работающих.

Дух города — тоже воинский. Все без исключения исполняли регламент, установленный царем. Но в этом огромном военном лагере со своими храмами, судилищами и маркитантами гражданский кафтан Трезини почитали за офицерский. Стоило ему в окружении трех-четырёх молодых людей — учеников появиться в крепости, на строении пороховых погребов или в Шлиссельбурге, как тут же, подобравшись, бежали ему рапортовать унтер-офицеры и инженерные кондукторы. Знали, что «архитект цивилии и милитарии» командует главными строениями Петербурга и отвечает за них самому царю. Знали, что он въедлив, строг, но справедлив. Вникает во все дела, а коли кто допустит промашку — спуску не жди. Но и по-пустому, для страха, распекать не станет.

Так и мотался из конца в конец Доминико Трезини, архитектор в немецком кафтане, которого слушались, будто на нем обер-офи-

церский мундир. Может быть, именно поэтому почти все здания, которые возвел зодчий, не требовали серьезных перестроек и переделок, а прочно стоят и в наши дни, надежно исполняя свою службу.

Истинные четкость и справедливость всегда одинаковы и на работе, и в домашней повседневности. За эти достоинства иноземные обыватели Греческой слободы избрали Доминико старостой своего прихода. (Отметим, что в 1720 году августа 22 дня по указу государя архитектор Гербель приступил к строению на Адмиралтейском острове, на берегу Мьи-реки, каменного католического храма вместо деревянного. А завершили его в 1723 году.) Никто лучше Трезини не сумел бы решить сложных вопросов и помирить рассорившихся соседей. Вот почему мы можем предположить, что мартовским днем 1740 года все от мала до велика собрались во дворе и в покоях дома архитектора.

Повод для общего сборища особый: крестили наследника Трезини, недавно родившегося Пьетро. Долгожданного мальчика. Крестным отцом изъявил желание стать сам государь Петр Алексеевич. А крестной матерью — дочь близкого друга, протестанта вице-адмирала Корнелия Крюйса.

Гордый, ликующий встречал Трезини гостей. Принимал поздравления. Перебрасывался шутками. Да, теперь у него есть наследник. Мальчик обязательно станет архитектором. Разве может быть иначе? Он, конечно, пошлет его учиться в Италию, а потом передаст и свой опыт. У Пьетро будет свой сын, и тоже архитектор. Фамилия Трезини навечно станет связанной с Петербургом...

Наконец прибыл царь. Веселый, громогласный герр Питер знал здесь многих. И вероятно, сразу охотно включился в общий шумный разговор. Большие незатейливые компании радовали Петра. Он любил ездить в гости, а порой неожиданно являлся и сам, без приглашения. «Будучи приглашен к кому-либо или приходя по собственному побуждению, царь обыкновенно сидит до позднего вечера... Не следует, однако, забывать и его людей: их должно хорошенько накормить и напоить, потому что царь, когда уходит, сам спрашивает их, давали ли им чего-нибудь. Если они изрядно пьяны, то все в порядке...» Это наблюдения Юста Юля. Трезини, конечно, знал об этих привычках Петра Алексеевича. Всего наготовил впрок и мог спокойно сидеть за столом.

Все хлопоты заранее взяли на себя денщики, ученики и доброжелательные соседи. Дело нелегкое. Достаточно в Петербурге достаточно хорошей, вкусной еды — очень просто. Доброжелательный современник заметил: «В числе разного рода неудобств здешней жизни следует в особенности отметить трудность добывания съестных припасов... Все дорого, что нужно для домашнего обихо-

да, — но хуже всего то, что порою иных припасов вовсе нет в продаже...» И все же хочется думать, что праздник удался. Шумели до позднего вечера, пока государь, наконец, не встал из-за стола и тяжелой походкой направился к выходу. Через какое-то время стали расходиться и прочие гости. И наверное, долго еще соседи припоминали, как танцевал царь Петр Алексеевич, а генерал-губернатор князь Меншиков изображал уличного продавца пирогов. Припоминали, улыбались, смеялись и убежденно говорили: торжество прошло хорошо. Все были довольны. Денщики царя, получившие небольшие подарки, тоже.

Известно, что в Россию Трезини приехал один. Первую свою жену, Джованну ди Вейтис, оставил в Астано. В Петербурге Доминико — вероятно, в 1708 или 1709 году — женился вторично.

Джованни Баттиста Цинетти, который в 1729 году работал под началом Трезини и жил у него в доме, вернувшись на родину, рассказывал, что архитектор был женат трижды. Как звали вторую жену, он не упоминал. Знал только ее сына Петра. Третья жена — Мария Карлотта. От нее у зодчего сыновья Иосиф, Иоаким, Георгий, Матфей и дочь Катарина.

Помимо семьи, в доме всегда обитали шестнадцать — восемнадцать мужчин. Сохранились документы, где перечислены все, кто состоял при Трезини и проживал при нем: десять учеников (в редких случаях восемь), писарь, копиист (а то и два) и шесть денщиков для посылок. Собственная немалая канцелярия.

Почему же этот деятельный, трудолюбивый работник, всю жизнь рисовавший чертежи, наблюдавший за строением, хлопотавший о добротных материалах, отбиравший для дела нужных, хороших мастеровых, не стал начальником Канцелярии городских дел?

Ответ прост — не позволял регламент. Как свидетельствует современник, «царь не назначает начальником иностранца, а всегда природного русского, хотя бы он решительно ничего в деле не смыслил. Чтобы заправлять делом и пускать его в ход, царь сажает под русским иностранцев». Так было и в этом случае. Но Трезини повезло. Ульян Акимович Сенявин оказался человеком дельным и толковым. Он сразу оценил Трезини. Никогда не мешал ему мелкими придирками, не досаждал ничемной опекой. Наоборот, полностью доверял.

Уже позже, после смерти царя Петра, когда вместе с двором Петра II Сенявин вынужден отъехать в Москву, он отдает приказание: «Дела... поручить... смотрению господину... архитектору Трезину... рапорты подавали бы и прочие архитекты, и мастера, и командиры к означенному господину Трезину понеделно...»

Принимая все новые и новые обязанности, взваливая на свои плечи новые заботы и хлопоты, Трезини продолжал трудиться не

ропица и не отказываясь. Таков характер. Он честно исполнял условия, подписанные еще весной 1703 года.

Трезини договор соблюдал. Царь — нет. Третий пункт гласил: «Именованному Трезини сверх того обещаю, как явно показал искусство и художество свое, чтоб ему жалованья прибавить». Архитектор сей пункт выполнил: мастерство доказал. А Петр Алексеевич жалованья не увеличивал.

Настало время, когда в Петербург начали приезжать другие архитекторы. Некоторым из них платили больше, чем Доминико. Тому же Леблону в 1716 году царь повелел давать по пяти тысяч в год. Француз очень знаменит и талантлив, но можно и первому строителю города надбавить сотню, другую...

Может, причина такой скупости кроется в личных убеждениях царя? Существует предание, что, беседуя со своим любимцем Григорием Чернышевым, государь Петр Алексеевич обстоятельно говорил о том, «как надлежит обходиться с... людьми разных наций и содержать их... Принимая их в службу, должно делать с ними договор или определять им жалованье не только по их способности и ожидаемой от них пользе, но также по свойству их нации и обыкновенного образа жизни.

Французу всегда можно больше давать жалованья; он весельчак и все, что получает, проживает здесь.

Немцу также должно давать не менее, ибо он любит хорошо поесть и попить, и у него мало из заслуженного остается.

Англичанину надобно давать еще больше. Он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имени прибавлять к жалованью.

Голландцам должно давать менее; ибо они едва досыта наедаются, для того, чтобы собрать больше денег.

А итальянцам — еще менее, потому что они обыкновенно бывают умеренны и у них всегда остаются деньги; да они и не стараются скрывать, что для того только служат в чужих землях и живут бережливо, чтобы накопить денег и после спокойно проживать их в раю своем, в Италии, где в деньгах недостаток».

Занимательны психологические наблюдения и выводы царя. Кстати, почти через два столетия Александр Бенуа, рассуждая о характере тессинцев, напишет: «Значительную роль здесь играет то обстоятельство, что сгущенность населения в этих горных неплодородных странах издавна заставляла людей искать себе пропитание в промышленности и в заработке на стороне...» Но признаем, что свойства души Трезини, навсегда поселившегося в России и сердцем прикипевшего к новой родине, Петр Алексеевич не понял.

Чуть ли не четверть века безмолвно сносил архитектор государеву несправедливость. Лишь после смерти сурового царя не

сдержал молящего крика: «...Приемлю дерзновенно просить милостивейшего награждения прибавочным жалованьем против других, моей братья, дабы я мог с своею фамилиею в домашнем пробавлении, швцею и в одеждах исправиться...»

IV

В день святого Сампсония, 27 июня 1709 года, русские войска под водительством Петра I разгромили шведов. Непобедимый Карл XII постыдно бежал в Турцию. Гром сражения заставил изумленную Европу обернуться к востоку, и все увидели, что на политическую сцену уверенно вышло новое значительное действующее лицо: молодая, полная сил Россия.

Петр — Ф. Апраксину вечером после сражения: «...Ныне уже совершенно камень в основание Санктптербурха положен с помощью божей...»

Примечательные слова. Теперь царь смотрит на Петербург не только как на любимый город, а как на памятник рождения новой России. Как на символ победы над опасным врагом. Вовсе не случайно о сооружении монумента в честь Полтавской победы — высокой пирамиды с фигурой царя на вершине — Петр Алексеевич заговорит только через две недели после битвы. А о Петербурге вспомнит, еще не успев остынуть после сражения.

Едва только известие о разгроме шведов достигло Петербурга, как Доминико Трезини тут же отправляет письмо царю.

«Премного милостивый мой государь, господин полковник [так имели право называть Петра только люди из его близкого окружения. — Ю. О.], за добрую вашу викторию вашему величеству поздравляю. Дай боже впредь на неприятеля такую же победу.

О своей работе доношу к вашим великим счастием ныне твердый камень во основание и крепость Птербурха положен, а я со всяким радением рад трудиться против чертежа вашего, токмо даждь боже, дабы вашему величеству труды мои угодны были...

При сем писании униженный и покорнейший раб величества вашего *Dominico Trezzinij di S-to Petersburgo. A di 14 julli, anno 1709*».

Для нас письма Петра и архитектора интересны еще и почти дословным совпадением фразы о камне, положенном в основание города. Видимо, Трезини знал послание царя, полученное адмиралом Апраксиным. Читал его. А это свидетельство причастности строителя к ближайшему окружению государя. Многого достиг зодчий за шесть лет пребывания в России.

Фраза эта необычайно важна и для историков, и для потомков. Она позволяет сделать вывод: возведение Петербурга-столицы

и для Петра, и для Трезини началось после Полтавы. А все, что делалось на берегах Невы до этого, можно числить временным, случайным. Вот только теперь, когда уничтожена угроза России, можно спокойно и всерьез задуматься, где, как и что строить.

Еще не зная, когда и где будет возводить новый город, Петр видел его на берегу моря, похожим на Амстердам. Город обязан был подняться в начале прямой дороги на Запад. Чтобы промежуточные страны не мешали честному политическому и торговому общению. «...Дабы новый сей царствующий град с прочими доброжелательными и союзными европейскими государи как наилучше поблизости мог с ними иметь во всех политических делах честное обхождение в договорных союзах... а в комерциях происходила бы взаимная друг другу польза». Так в середине XVIII столетия объяснил стремления Петра первый историк Петербурга, библиотекарь Академии наук А. И. Богданов.

Через 36 лет после рождения Петербурга его посетил молодой образованный итальянец граф Франческо Альгаротти. С берегов Невы он отправил письмо лорду Гервею на берега Темзы: «Это — огромное окно, недавно прорубленное на севере и в которое Россия смотрит на Европу». В 1764 году он напечатал эту характеристику Петербурга в книге, изданной в Ливорно. А. С. Пушкин хорошо знал высказывание графа и сослался на него в примечаниях к «Медному всаднику».

Петербург со дня своего рождения — любимое дитя Петра. Он еще не называет его городом, но уже отчаянно волнуется за его судьбу. (Городом с большой буквы государь вплоть до 1712 года именует порт Архангельск.) Очутившись в очень тяжком положении на реке Прут, окруженный 140-тысячной османской армией, Петр готов отдать противнику все — Азов, Таганрог, даже земли, завоеванные у шведов, за исключением любимого Петербурга. «Парадиз» — рай — ласкательно называет его государь.

Еще нет ничего, только выросли земляные валы крепости да красным пятнышком выделяется на берегу единственный домик, а Петр Алексеевич уже видит в мечтах будущую столицу. В конце сентября 1703 года он радостно извещает Меншикова: «Мы чаем в три дни или четыре быть в столицу (Питербурх)». Первое письменное свидетельство о будущем призвании новорожденного!

Необходимость новой столицы Петр, скорее всего, осознал после жестокой казни стрельцов. Слишком ненавистен стал ему устоявшийся за века дух Москвы. Казалось, вся она пропитана заговорами, мятежами, яростным неприятием всего нового. Память о такой Москве осталась у царя на всю жизнь. Время от времени она будет проявлять себя нервным тиком и острой головной болью.

Но даже после Полтавы еще нет сил и возможностей заняться будущим обликом Петербурга. Шведы еще владеют побережьем

Финского залива. Вот почему летом 1710 года в Петербурге по-прежнему возводят деревянные строения. На площади Городового острова против крепости — храм во имя святой Троицы. И площадь получает название Троицкой (ныне площадь Революции). А на Выборгской стороне — церковь Сампсония. В память победы под Полтавой.

Лишь осенью того же года, когда взяты у шведов Выборг, Ревель, Рига, обрел Петербург, наконец, по образному выражению царя, «мягкую подушку» и полную надежность покоя. Теперь Петру не терпится быстрее заключить свое любимое детище — «окно, прорубленное в Европу» — в пышную раму солидных каменных домов. Однако есть желание, а нет кирпича. Все, что готовит построянные вокруг Петербурга заводы, идет на нужды крепости, Адмиралтейства и укреплений на Котлине. Обжигать еще больше невозможно. Не хватает топлива. Нет лесов на болотистой равнине вокруг Петербурга. И тогда государь принимает неожиданное решение: строить мазанковые, или, как их называют иноземцы, «фахверковые», дома на «пруссский манир».

В апреле 1711 года первые такие строения — типографские палаты и книжную лавку — поставили справа от въезда на крепостной мост. По другую сторону, ближе к Неве, стоял большой питейный дом, или, как государь его называл, «Австерия четырех фрегатов». В дни пребывания в Петербурге царь любил посидеть здесь за кружкой пива и шахматной доской. Здесь проводили ассамблеи и буйно праздновали большие и малые победы.

Перед типографией и «Австерией» не утихая гудела Троицкая площадь. Еще недавно ее северо-восточный край ограничивал большой Гостиный двор из нескольких сотен брусчатых торговых лавок. Но в июльскую ночь 1710 года он сторел дотла. Из его остатков мелкие торговцы соорудили к северо-западу от Кронверка некое подобие рынка — барахолку. В народе это место прозвали «Татарский табор» — по землянкам татар и калмыков, пригнанных в Петербург на строительство крепости.

Здесь царство мелких торговцев, игроков, жуликов. То срежут шпагу у какого-нибудь офицера, то сдерут парик и шляпу. А то какой-то всадник на плохонькой кляче снял у некоей дамы ожерелье, поблагодарил ее под смех толпы и, повернувшись к ней спиной, предложил желающим купить украшение.

Севернее «Табора» стояло несколько продолговатых строений: казармы каторжников с галер. За ними, к северу, ближе к окончанию острова, поставили пороховую — зелейную — фабрику. А восточнее, за пепелищем Гостиного двора, в четком порядке разместились нехотные полки.

Площадь считали центром города. Здесь объявляли государевы указы и казнили преступников. Приходили закупить съестное

и узнать последние слухи, посмотреть на иноземные корабли и выпить кружку, другую пива. (Хитроумный купец Лапшин быстренько поставил пивной завод на берегу Выборгской стороны у начала Большой Невки.) Вот почему именно на этой людной и шумной площади, чтобы всякий человек мог увидеть, выбрал царь место для новых домов. Фахверковые здания назвали «образцовыми» и всем велели строить свои палаты по их подобию.

Все же простого убеждения для жителей Петербурга оказалось недостаточно. Требовалось принуждение. И тогда 4 апреля 1714 года последовал строгий государев указ:

«...При Санктпитебурге на Городовом и Адмиралтейском островах, также и везде по Большой Неве и большим протокам деревянного строения не строить, а строить мазанки... А каким манером дома строить брать чертежи от архитектора Трезина...»

Значит, именно Доминико отвечал теперь за внешнее обличье, за пригожесть фахверковых строений. Ведь в предыдущие годы, когда в Петербурге рубили избы, подобных забот у архитектора не было.

Наглядным примером новых обязанностей Трезини после 1711 года служат документы о строении здания Коллегий на Троицкой площади.

В том же апреле 1714 года Петр решил на восточной стороне Троицкой площади поставить большое мазанковое здание для заседаний Сената и пяти Коллегий. Последовал указ: «При Санктпитебурхе на Городовом острове построить шесть канцелярий прусским новым буданктом против чертежа архитектора... Трезина, который он объявил... длиною каждая по 11, поперек по 8 сажен».

Двухэтажное здание общей длиной 140,4 м и шириной почти 13 м протянулось с севера на юг. Однако наружное убранство — пилястры, капители, росписи — и внутреннее украшение палат поручили другому человеку — офицеру Матвею Витверу. И Трезини не протестовал. Так было принято.

В России начала XVIII столетия архитектурное искусство еще оставалось неразрывно связанным с практикой строительства. Художественный образ здания рождался не сразу на чертеже и в модели, а складывался постепенно, в ходе самой работы. Сначала, как правило, определяли размеры здания и его план, потом клали фундамент, возводили стены, делали перекрытия. По мере продвижения работы решали, каким быть фасаду; определяли формы и размеры декоративных деталей и окончательно уточняли отделку внутренних помещений. Порой эти задачи решал уже другой архитектор. Так поступали еще в XVII веке.

Будь способности Трезини более яркими, а имя его более известным в Западной Европе, возможно, он сумел бы нарушить эту

традицию. Как сумел, например, Франческо Бартоломео Растрелли. Но, увы, способности Доминико Трезини не достигали вершин архитектурного искусства. Имя его мало кто знал в западных странах. Он был всего-навсего честным, трудолюбивым профессионалом. Таких было много. Ему привалило счастье, когда пригласили в Россию. Трезини оказался первым приехавшим, и не было никого рядом для сравнения. Следовало только прочно держаться за место, боуипречно выполняя все пожелания деспотичного заказчика. О какой-нибудь ломке устоявшихся правил и взглядов не могло быть и речи.

Но исключено, правда, что, подготовив чертежи и планы Коллегий, он вынужден был срочно исполнять другую работу. Слишком много дел предстояло уладить единственному в ту пору архитектору города. (Прибывший в 1713 году в Петербург зодчий А. Шлютер отвечал только за строение государевых дворцов.)

В том же 1714 году на Адмиралтейской стороне (на месте теперешнего Мраморного дворца) возводят фахверковый двухэтажный Почтовый дом с гостиницей. На западной стороне Троицкой площади — жилые дома для иноземцев — коллежских служителей. Годом раньше Троицкую площадь ограничил с севера большой мазанковый Гостиный двор — двухэтажный квадрат с галереей вокруг. На гравюре А. Ростовцева 1717 года он внешне очень похож на каменный Гостиный двор, построенный Трезини позже на Васильевском острове.

Уже многие десятилетия обсуждают специалисты: что же это такое — «фахверковые дома», как их возводили? Еще в 10-е годы нашего столетия И. Грабарь утверждал: каркас из плетня или тонких досок, обмазанный с двух сторон глиной, а потом побеленный известью. На манер украинских хат. Объяснение простое и привычное.

М. Иогансен пришла к другому выводу: в землю на определенном расстоянии друг от друга забивали бревна. Между ними выкладывали невысокий кирпичный фундамент. К бревнам с наружной и внутренней стороны набивали брусья или толстые доски. А пустоту между ними забивали глиной. Потом дом белили известью и, если надо было, раскрашивали.

К. Малиновский, внимательно изучив описания работ, выдвинул третье, пожалуй, самое справедливое объяснение. Основой стен фахверкового дома служил каркас из толстых брусьев — вертикальных, горизонтальных и порой даже диагональных. Квадратные или треугольные ячейки, образованные брусьями, заполняли кирпичом или щитами из сплетенных ветвей. Потом обмазывали с двух сторон глиной и штукатурили. Брусчатый каркас можно было покрасить в темный цвет, а штукатурку побелить. И тогда новый дом смотрелся особенно нарядно. Такие средневековые по-

стройки можно и по сей день еще увидеть в Саксонии, на севере Европы и Польши, даже в Литве и Латвии.

Непривычные внешним обликом дома рождали восторженное удивление российских людей. Для иностранцев же, впервые прибывших на берега Невы, они представляли привычным знаком устойчивости и постоянства. Но нам сегодня все же трудно представить Петербург с такими совсем иноземными строениями, так и не прижившимися в России.

Фахверковые постройки родила необходимость. Они сулили скорую и большую выгоду: не нужно копать канавы для фундамента и откачивать из них воду, кирпича и извести надобно значительно меньше, а при умелой раскраске Петербург будет смотреться каменным, нарядным. Правда, каждый год мазанки следует подновлять, ремонтировать. Но это расходы будущего, и о них сегодня можно не печалиться. Главное — выгоды сегодняшнего дня. При недостатке кирпича можно быстро и дешево возвести на топких берегах Невы нарядный и представительный город. Такой, чтоб поражал воображение приезжих иностранцев. И ведь действительно дивились. И печатали в своих странах восторженные описания новой российской столицы.

И. Грабарь, изучая начальный период жизни Петербурга, наметил три этапа. Первый — «деревянный», о котором мы уже говорили. Второй — «фахверковый», который, по его мнению, начался с постройки типографии и завершился в 1714 году. Третий — «каменный».

Наивно, конечно, предполагать, что каждый этап завершается в точно обозначенный срок, а за ним сразу начинается новый. Будущее всегда зреет в настоящем. Оно тихо, исподволь набирает силу, занимая все больше и больше места. Наконец само становится настоящим. А в его недрах уже зреет новое будущее. Извечный, неудержимый процесс. Так было и в строении Петербурга. На Троицкой площади еще рубили деревянную церковь. Еще никто даже не помышлял о фахверковых домах, как летом 1710 года, желая угодить царю, начал строить для себя каменные хоромы граф Гавриил Головкин, пожалованный недавно высшей государственной должностью — канцлером. Вслед за ним, 7 августа, приступил к возведению своего каменного дворца на Васильевском острове генерал-губернатор князь Александр Меншиков. А еще через несколько дней, 18 августа, по указаниям Доминико Трезини начали бить сваи под фундаменты каменных Летнего и Зимнего дворцов государя на Адмиралтейской стороне. В то же время, в 1715 году, на Городовом острове начинают возводить одновременно и деревянный Мытный двор, и мазанковый мясной и рыбный рынок. (Кстати, очень возможно, что делают их по чертежам Доминико.) В 1714-м обнародован строжайший указ: строить по берегам

Новы только каменные дома. Но в 1715 году начинают строить мазанковый госпиталь, а еще три года спустя восстанавливают сильно пострадавшие от пожара фахверковые здания Коллегий. Хотя уже существует замысел возводить новые, каменные на Васильевском острове.

Нет, не смена приемов и строительных материалов определяет рубежи этапов. А только наличие четких градостроительных планов и начало их претворения в жизнь.

О Петербурге с прямыми, как лёт стрелы, улицами, с каменными домами, стоящими плечо к плечу фасадами на Неву, о городе, похожем на полюбившийся в молодости Амстердам, царь Петр Алексеевич возмечтал, едва ступив на балтийский берег. Он мог сказать, где поставить то или иное здание, как оно должно выглядеть. Чтобы у церквей, например, были шпили на европейский лад для отличия от московских. Мог даже указать, какой ширины прокладывать улицу или копать канал. Но все это еще не было планом города.

Когда после Полтавы настала, наконец, пора окончательно решить, каким быть Петербургу, где размещаться его центру, оказалось, что у царя нет твердого мнения. В самом начале основания Петербурга царь поселился на Городовом острове, твердо веруя, что город поднимется здесь. Под защитой фортеции. В самом конце 1711 года Петр неожиданно принимает решение: стоять Петербургу на острове Котлин в двадцати верстах от устья Невы. А в 1714 году снова перемена: центру города быть на Васильевском острове. Петербург же тем временем, невзирая на метания царя, растет по своим законам на Адмиралтейской стороне, чтобы иметь прямую связь со всей страной. И Петр в конце концов вынужден был смириться.

Но все же указ от 16 января 1712 года, когда государь повелел строить Петербург на Котлине, — первый настоящий градостроительный план. В нем подробно говорится и о регулярной застройке, и сословном расселении жителей Петербурга. Он — рубеж нового этапа в жизни города. Все, что было до него, можно назвать «городским периодом» (припомним, что до этого момента Петербург мало чем отличался от прочих русских городов). А после указа наступил «столичный период». Рубежи определяет история, переломные события в жизни страны, а в данном случае города.

Ради любопытства заметим, что, когда у стен крепости возвели первый фахверковый дом для типографии, в городе насчитывалось около 800 домов и свыше 8000 жителей. Когда начали строить последнее мазанковое здание — госпиталь, в Петербурге уже было, по подсчетам С. Луппова, 4500 дворов.

Государь неуступно следил за ростом своего любимого детища. Тщательно вникал во все тонкости строительного искусства. В его обширной библиотеке хранилось немало западных книг по архи-

тектуре. Но зодчим себя не считал. Не объявлял таковым. Мог выполнить наброски, чертежи, сделать замечания, но никогда не давал расчета конструкций — основную обязанность архитектора. Царь строил корабли, но не строил дома. Он был разумным, требовательным заказчиком. За свои деньги хотел получить то, что ему по душе. И когда загорался какой-нибудь строительной идеей, поручал ее воплотить тому, кто добротню это дело разумеет... Как правило — Трезини.

Современники свидетельствуют, что Петр редко ошибался в людях, верно угадывая, кто на что годен. За деловитость, за любовь к работе и пренебрежение личными благами Трезини нравился царю. Он привык к архитектору, как привыкают к повседневно необходимому инструменту, удобно лежащему в руке. А единожды признав кого-нибудь как надежного помощника и, следовательно, друга, царь редко потом менял свое мнение.

В государстве, где, по замечанию Пушкина, «...все состояния, окованные без разбора, были равны пред его *дубинкою*», чувство собственного достоинства еще неведомо российским подданным. И естественно, всякое действие — большое или малое — приписывалось государю. «Государь победил...», «государь построил...», «государь заложил...» А все прочие, включая архитектора, художника, всего-навсего лишь исполнители мудрых указаний правителя.

В. Ключевский, рассматривая деятельность Петра, вынужден был признать: «...Едва ли не он сам начал продолжавшуюся и после него обработку легенды о своей творческой деятельности. Если верить современникам, эта легенда у него стала даже облекаться в художественную форму девиза, изображающего ваятеля, который высекает из глубокого куска мрамора человеческую фигуру и почти до половины окончил свою работу».

И все же терпеливый, сдержанный Трезини проговаривается. В «Реестре» 1723 года он пишет: «Регулярное строение домов... по чертежу, подписанному его императорского величества собственной рукой, учинено...» Он, Трезини, автор чертежа-проекта. А царь только утвердил. Так будем и мы в своих суждениях следовать этой примечательной проговорке. «...Именно этому архитектору, — справедливо замечает М. Иогансен, — выпала счастливая доля возглавлять строительство Петербурга в первое тридцатилетие его существования».

V

Трудовой день в Петербурге начинался с пяти утра. Нелегко вставать с петухами. Но постепенно Трезини втянулся и другого порядка уже не мыслил. Правда, зимой легчало. Работу начинали

позже, да и было ее чуть поменьше. Все строительство вели только в теплое время, когда сходил лед с Невы. В холода готовили материалы, свозили в амбары, чертили, считали.

К ледоходу готовились. А он наступал неожиданно. Однажды поутру уехал архитектор на Городовой остров в Канцелярию. За делами не заметил, как пробежали часы. Только собрался возвращаться домой, а с крепости три пушечных выстрела подряд. Глянул в окно: над крепостью флаг подняли. Значит, тронулся лед. В тот день ночевал у Ульяна Акимовича Сенявина. Супруга его, Евдокия Алексеевна, отменных пирогов напекла. А сани с лошадью денщик через три дня перевез через Неву на барке.

Денщиков было шесть. Так определил сам царь, когда он, Трезини, начинал перестраивать крепость в камне. По одному солдату от шести полков. Денщики следили за лошадьми, за буером, были на посылках и помогали по хозяйству — кололи дрова, притаскивали мешки с мукой, держали двор в порядке. Заодно носли охрану. С годами стали они своими, домашними. Через двадцать два года, в 1728-м, архитектор вынужден обратиться в Канцелярию с доношением: «...Выбраны были ко мне... в денщики... шесть человек... И с того времени и поныне оные обретались при мне и некоторые из них померли, а достальные пришли к старости и всякие посылки и хотя бы понести не могут... Того ради прошу дабы повелено было в Канцелярии определить ко мне из рекрут молодых людей... или дать за них жалованье, из которого буду я наймывать денщиков из вольных людей»⁴. Конечно, новых денщиков дали. Ульян Акимович понимал многотрудность и хлопотность дел инженера и архитектора...

Трезини еще только завтракать кончает, а два-три денщика и несколько учеников ждут, чтобы ехать вместе с начальником. Сначала к фортеции. Народ на местах и приступил к работе. Смотрители из унтер-офицеров внимательно следят за исправностью в деле. Но придиричивый архитектор всегда заметит какое-нибудь упущение. То что-то недоделали, то исполнили недобросовестно. Ведь не для себя работают люди. Из-под палки.

Работных людей Трезини, вероятно, никогда не унижал, не издевался над ними. Свободолюбивому тессинцу чуждо презрительное отношение российских бар к своим мужикам. Доминико никогда не старается показать свое превосходство подобно многим другим, вылезшим из грязи да в князи. С одинаковым вниманием заботится о своих учениках, денщиках и подчиненных рабочих.

В архиве Канцелярии городских дел или Канцелярии отстроенной, как ее стали называть с 1723 года, хранятся многочисленные прошения архитектора о выплате заработанных денег вольным каменщикам, плотникам, об увеличении жалованья ученикам и писарям⁵. Примечательно уцелевшее доношение Трезини о больших

рабочих людях. (Правда, написано оно 29 июля 1723 года, когда был в городе уже более или менее налажен.) «...Которые больные разными скорбями и лежат по квартирам... от лекарей... не врачуются. Того ради дабы милостиво повелено было послать указ к лекарю, который определен к солдатам, чтоб он из тех мастеровых, которые могут ходить к нему для лекарства, принимал и лечил, а которые от большой болезни немочно ходить, чтоб ходил к ним по квартирам и лечил...» Если человек столь серьезно заботится о здоровье людей, которые у него работают, то можно предположить, что он столь же внимателен к их питанию и жилью.

Может, именно среди тысяч этих обездоленных и стали впервые его называть на российский манер — Андрей Яковлевич Трезин. Новое имя прижилось, и в конце 10-х годов так именуют архитектора во многих канцелярских бумагах. А он не спорит. Только подписывается по-прежнему: *Dominico*.

Тысячи людей в подчинении. Множество дел, которые следует исполнить. Стройки, за которыми он следит, в разных концах. А то и вовсе в Кронштадте или Шлиссельбурге. И всюду желательно побывать, осмотреть хозяйским взором...

Но вот на Троицкой церкви хрипло начинают играть куранты. Им вторит небольшой храм, что рядом с дворцом князя Меншикова на Васильевском острове. Одиннадцать. Перерыв на обед. Летом на три, зимой — на два часа.

Обычно Трезини спешит домой. После трапезы порой можно еще соснуть часок-полтора. А там снова дела, дела...

Лодка скользит по реке. Теперь на Большую Невку — в Канцелярию. (В 1712 году этот дом отдадут Ивану Румянцеву, заместителю Ульяна Сенявина.) Там царили бумаги. Трезини не мог понять этой иступленной страсти к переписке. По его убеждению, она происходила от всеобщего недоверия друг к другу. Однако пришлось терпеть и мириться. Без бумажки не двигалось дело. И он писал. Случайно уцелел (видимо, все же неполный) перечень доношений и рапортов Трезини за один год, 1725-й. Тут и требования выдать 110 карандашей для рисования разных чертежей и свинцовые листы для покрытия Петропавловского собора. Просьба отпустить с государева оружейного двора один коловорот и выделить людей для строения палат Тайной канцелярии. Доношения о надобности колес для тачек и дров для отопления казармы рабочих людей. А всего за год поступило от него двадцать семь входящих, как говорят писари.

Порой из Канцелярии быстро вышагивал в близлежащую слободу. (Широко, размашисто ходил царь, и ему старались подражать.) В слободе жили мастеровые — вольные каменщики, столяры, кузнецы. (По специальному государеву указу в городах России «проведывали тайно о лутчих мастеровых людях из всяких чинов»,

а продавав, насильно с семьями и скарбом переселяли в Санкт-Петербург.) Было у Трезини здесь несколько добрых знакомцев, а которыми любил поговорить, а иногда и послушать совет...

Но чаще спешил на Выборгскую сторону. Там вдоль берега Большой Невки квартировал батальон Канцелярии. Его специально создали в 1709 году. Пятьсот с лишним солдат следили за подвозом материалов, охраняли стоящие рядом склады-магазины, несли караул в местах, указанных начальством.

Под вечер порой успевал еще завернуть на какую-нибудь стройку. Посмотреть, как движется дело.

Случалось, работа вынуждала уезжать из города. На день, неделю, а то и на месяц. В архиве Канцелярии сохранились рапорты: «По утру рано поеду в Шлиссельбург... а сего числа приехал из Кроншлота». «Ныне надлежит ехать в Стрельну, в Питергоф, в Шлиссельбург, на казенные [в данном случае кирпичные.— Ю. О.] заводы...» И хотя там работали другие архитекторы, ответственность все равно лежала на нем...

По возвращении все начиналось сначала. Крепость, Городовой остров, Васильевский, Выборгская сторона. А вечерами то ассамблея с курением трубок, игрой в шахматы, то званое пиршество...

Пиршества бывали часто. То чей-то день рождения, то именины, то царь одержал очередную победу, то годовщина сражения.

Свидетельствует датский посланник Юст Юль: «День Петра и Павла. У Меншикова много ели, много пили и много стреляли. И разгула, и шума было здесь столько же, сколько на любом крестьянском пиру. Среди обеда внесли целого жареного быка; жарили его в течение двух дней. Попойку и кутеж мы выносили до 4-х утра... На всех пирах... лишь только соберутся гости, прежде чем они примутся пить или отведать вина, царь по своему обыкновению велит поставить у дверей стражу, чтобы не выпускать никого... При этом царь сам редко выпивает более одной или, в крайнем случае, двух бутылок вина...»

Наутро даже после самой большой попойки вновь начинался обычный трудовой день...

VI

Весна 1704 года. Еще не закончено строение Кроншлота, не заложено Адмиралтейство. Реально угроза нападения шведов с моря и с севера от Выборга. А гонец мчит в Москву государево письмо боярину Стрешневу:

«Min Her

Как вы сие письмо получите, изволь, не пропусая времени, всяких цветов из Измайлова не помалу, а больше тех, кои пахнут, прислать с садовники в Петербург».

Петр Алексеевич твердо верит в счастливую судьбу своего города и всякими путями спешит превратить его в рай — парадиз. Он уже выбрал место для своей постоянной летней резиденции: кусок земли, поросшей ельником, на правом берегу Фонтанки, где вытекает она из Невы. На месте развалин бывшего поместья шведского барона Конау. Прямо против крепости с видом на Городовой и Васильевский острова. Здесь решает он устроить красивый сад.

Любовь к садам и цветникам утвердилась с детских лет. На окраинах Москвы в садах Преображенского играл с «потешными» — будущими лейб-гвардейцами Преображенского и Семеновского полков; на прудах Измайловских садов плавал в маленьком отцовском ботике. Теперь хотел иметь свой сад. Такой, какие видел в Зандаме, Делфте, Амстердаме.

Строительство летнего деревянного дома поручил, как считает большинство историков, Ивану Матвеевичу Угрюмову, с которым Трезини работал в Нарве. Известно, что числился Иван Матвеевич чертежником в артиллерийском приказе. Был смышлен. Имел, как говорят, золотые руки. Скончался Угрюмов в 1707 году. Судя по письмам царя, повелели Ивану Матвеевичу помимо строения Летнего дворца разбить цветники и соорудить фонтаны. А вот что успел сделать — неведомо. Каким был деревянный Летний дворец, пока не знаем.

Единожды что замыслив, Петр стремился довести до конца. Бесконечные сражения со шведами, предательство польского короля Августа, ожидание генерального наступления Карла XII на Россию — ничто не отвлекало мыслей царя от Петербурга, от полезных мелочей. То он просит корабельного мастера Федосея Скляева изготовить несколько станин на колесах — рбпусков для перевозки старых деревьев с комлями. То указывает Кикину, чтобы возил из лесу дубы и сажал их в Летнем саду. И уж конечно — обязательные частые отчеты о строении Санкт-Петербургской фортеции. В 1708 году государь даже требует от У. Сенявина чертеж крепости с отметками, что сделано и что предстоит сделать в первую очередь. И Сенявин с поспешностью сей чертеж высылает.

После Полтавы Петр Алексеевич наконец-то 23 ноября прибыл в Петербург. Триумф праздновали в Москве, а здесь пора заняться гражданскими делами. Один из первых указов — о поспешании в строении городских и увеселительных государевых домов. Канцелярия начинает спешную заготовку надобных материалов — леса, камня, извести. А кирпич и черепицу, для прочности, следует обжигать только летом. 18 августа 1710 года Доминико Трезини приступил к строению каменного Летнего дома, дабы исполнить его «доброю архитектурною работою».

Многие исследователи считали, что тессинец только перестроил деревянный дворец Угрюмова. Но даже под самую большую избу не

блют сваи. Трезини возводил совсем новое здание. Причем строил его так, чтобы отличалось оно от всех прочих.

К этому времени каменные дома в Петербурге уже строили Головкин и Меншиков. Двухэтажные, нарядные, с ризалитами по краям. На голландский манер. Как нравилось государю. Хотя мерой вкуса и представительности еще недавно считалась архитектура итальянская. Так уж велось на Руси чуть ли не с времен великого князя Ивана III. И вовсе не случайно, отправляясь в путешествия по Европе, ближние к Петру люди — П. Толстой, Б. Куракин — в своих дневниках обычно отмечают «много изрядных домов с манеру итальянскова». Высшая оценка красоты.

Государю Петру Алексеевичу побывать в Италии не довелось. Может, окажись он в Венеции, изменились бы его вкусы и воззрения на строительное искусство. Но с юношеских лет практичный Петр знал и любил Амстердам. Он сразу покорило его своим морским обличьем, деловитостью и, конечно, портом. Любезный сердцу Петербург должен походить на этот город. Вот почему, отправляя молодого Ивана Коробова учиться в Европу, царь наставлял его: «...Строения здешней [то есть петербургской. — Ю. О.] ситуации... сходнее голандския. Того ради надобно тебе в Голландии жить...»

Летний дом царя Петра внешне напоминает знаменитый дворец Маурицхейс в Гааге, построенный архитекторами Яном ван Кампенем и Питером Постом в 1633 году. Маурицхейсу подражали и в Голландии, и в Дании. Трезини мог видеть эти повторения и взять их за образец.

Четырехугольный в плане дом резко выделялся изысканной строгостью и тонким вкусом среди прочих строений Петербурга. Это даже не дворец, а дом сановитого горожанина или очень богатого купца. А может, сам Петр, не любивший тратить на себя лишние деньги, пожелал иметь скромное жилище? Существует предание, что годы спустя, посетив Францию, царь возмущился роскошью Парижа и Версаля при ужасающей нищете французских деревень. Якобы сказал он тогда: «Если я замечу подобное за моим Петербургом, то первый зажгу его с четырех углов». И хотя незадолго до смерти стал замечать подобное, город все же не зажег.

А. Меншиков — Петру:

«...О здешнем поведении доношу, что за помощью божей во всем здесь благополучно. И в делах здешних исправляемся по возможности.

На дворе Вашем летнем людские покои строятся, а под Ваши палаты из фундамента воду непрестанно выливают, для чего нарочно с Москвы свою машину я привезти велел. Однако по се время вылить не могут ибо без четверти четыре аршина фундамент под водой.

На зимнем дворе дом Ваш чаю к осени будет готов, в котором дай боже Вашу милость вскоре щастливой видеть...

Из Санкт Питер Бурха
июля 31 дня 1711 г.».

Рядом с особняками Меншикова и Головкина Летний дворец смотрится маленьким, простоватым. Правда, современники вынуждены признать: «Дворец хотя и небольшой, но сделан хорошо».

Северной, протяженной стороной в девять окон смотрит на Неву. Шесть оконниц восточного фасада глядят на Фонтанку. Парадный подъезд со стороны сада, на южной стороне. В 1714 году Летний дворец обрел свой окончателный, теперешний вид. Узкий лепной фриз из дубовых ветвей опоясал его. Между окнами первого и второго этажа заняли свое место барельефы. Они повествуют о борьбе России за выход к Балтийскому морю. А над дверью — фигура римской богини мудрости, войны и городов — Минервы в окружении победных знамен и военных трофеев.

Коричнево-красные прямоугольники барельефов на фоне светлой стены и золоченые оконные рамы с частыми переплетами придавали зданию изысканно нарядный вид. Изготовили и установили рельефы по рисункам и чертежам прославленного немецкого зодчего Андреаса Шлютера.

Строитель королевского дворца и арсенала в Берлине был известен в Европе. 1 мая 1713 года Андреас Шлютер подписал договор с Яковом Брюсом, и Петр, счастливый, что заполучил такую знаменитость, тут же присвоил ему звание генерал-архитектора. А когда второй после Трезини иноземный архитектор прибыл в Петербург, царь немедля поселил его у себя в Летнем дворце.

Как сложились отношения между Шлютером и Трезини? Да, видимо, никак. Каждый занимался своим делом и не мешал другому. Тессинец трудился над перестройкой крепости, сооружением Петропавловского собора, следил за укреплениями Кронштадта и Шлиссельбурга, готовил чертежи и модель будущего Александровского монастыря, помогал в строении частных домов. Немец занимался Петергофом и рисовал эскизы будущих важныхстроей новой русской столицы. Пути их не пересекались. И все же не исключено, что Трезини чуть завидовал Шлютеру, получавшему 5000 рублей жалованья в год. Возможно, обижался в душе и на Петра, так и не прибавившего ему за десять лет службы ни рубля. Но вида не показывал. Да и обижаться без толку. Государь человек увлекающийся. Сегодня в милости Шлютер, завтра, глядишь, — другой.

Немец прожил в России чуть больше года. Умер он 4 июля 1714 года. А в конце месяца в Коллегию иностранных дел уже

пришло из Берлина прошение. Вдова Шлютера нижайше просила о пособии. После смерти мужа осталась без средств⁶. Было над чем задуматься и Доминико Трезини, не имевшему ничего, кроме долгов.

Еще многие годы Летний дом и сад доставляли Трезини немало хлопот. То надобно построить галерею в Еловой рощице, то перекинуть мостки через вновь прорытый канал, то сделать чертежи для погребов, которые будет строить мастер Фан Болес, то наладить фонтан. (В 1719 году в саду начали строить мазанковую башню, «в которой будут машиною лошаадьми поднимать воду по чертежу архитектора Трезини». Можно только восхищаться, как хорошо и многосторонне обучали в Италии зодчих. Вспомним, к примеру, Растрелли-отца, архитектора и скульптора, умевшего создавать искусственные мраморы разных цветов и машины для театров. На их школе ещё лежит последний отблеск великой культуры Возрождения.)

Сохранилась записочка в Канцелярию:

«По получении сего в Летнем доме его царского величества промеж оного дома и почтового двора лежит многое число кирпича. Того для немедленно командами арестантов оной кирпич перенести...

31 марта 1721 г. *Dominico Trezzinij*⁷.

Дела все мелкие, незначительные. Славы не приносят, а времени, внимания и сил требуют.

И вдруг совсем неожиданное:

«Государь мой Иван Сергеевич, на отопление оранжереи при Летнем доме с.и.в. дрова припасены ли или нет. Понеже время ныне те оранжереи топить.

1728 г. Сентября 19. *Trezzinij*⁸.

Казалось бы, совсем не архитектурское дело, а скорее губернатора или полицмейстера города. В крайнем случае, начальника Канцелярии. Но в это время двор во главе с юным императором Петром II в Москве, и Трезини спешит исполнить обязанности всех.

«Государь мой Иван Сергеевич.

Понеже приближается ныне день рождения его императорского величества Петра Второго, то есть октября 12 дня, к которому надлежит послать из Санктпитебурха и садов его императорского величества разные фрукты, фиги, ананасы, виноград и прочие...

Сентября 24. *D. Trezzinij*⁹.

А может, именно эта добросовестная исполнительность и хозяйственная рачительность позволили ему удержаться на своем месте, когда вокруг уже работали архитекторы, наделенные бóльшим

талантом. Ведь должен кто-то насыпать гору, чтобы потом ее увенчали вершиной.

Когда в 1721 году Петр стал раздавать своим соратникам земли по берегам Фонтанки для строения загородных домов, то проекты их он поручил выполнить Доминико Трезини. Ценил его за разумную практичность и строгость в замыслах. Еще не пришло время, когда могущество государства или положение на социальной лестнице утверждали нарочитой пышностью и богатством дворцов.

В Центральном государственном военно-историческом архиве хранится десять гравированных чертежей «образцовых» (или, как мы теперь их называем, «типовых») загородных домов. Одноэтажные строения с мезонином и без него, с ризалитами и простые стоят на берегах фигурных прудов. Перед фасадом и по бокам — цветники. На полях гравюры для выбора различные беседки-«чердочки», нарядные ворота-«порталы», декоративные вазы для украшения сада и балюстрад. На одном из листов надпись:

«Кто избрет по сему чертежу загородный дом строить, может переменить порталы и чердаки аки по литерам при сем же чертеже назначенным по сторонам. А у кого позади двора лес натуральный хорош, тот может его расчистить, а всего не рубить.

*Invenit D. Trezzinij
St. P. Burg»*

Года через полтора-два после появления гравированных проектов царь Петр сочинил наставление о загородных домах:

«1. Чтоб от рек были отделены фашинами или иным чем прочным так, чтоб в мелких судах мочно было пристать.

2. Чтоб у пристани был дом, а по углам чердочки, между домом и чердочками чтоб были деревья сажены... Позади строения огороды... или пруды, а за прудом огород.

3. Вуде же кто не похочет строения на реке строить... то надлежит строить по конец сухова места, а перед строением пруд.

5. Конюшни и людские покои делать в боках у огородов и особливо отгораживать... дабы дров, щепок, навозу, грязи и прочей нечистоты не было видеть прохожим.

6. Чердочкам, воротам, пристаням и протчему украшению... есть продажные листы также и модели для лучшего выразумения».

Наставление точно пересказывает нарисованные Трезини проекты. Мало того, царь требует, чтобы обязательно покупали или гравюры с этими проектами, или небольшие модели, изготовленные в доме архитектора. Значит, Петр и Трезини подробно оговорили, каким должен быть загородный дом. И вероятно, не единожды встречались для этого. Только навсегда останется неизвестным, кто

тому что подсказал. Впрочем, это и не столь важно. История поименного чертежей свидетельствует, что архитектор ладил с царем, хорошо понимал его характер. Петр Алексеевич особенно привечал тех, кто умел угадывать его желания и быстро исполнять их. За это, например, многое прощал Александру Меншикову. Создается впечатление, что и Трезини умел предугадывать желания царя. А если уж не получалось, то стремился выполнить все поручения с великой поспешностью и аккуратностью.

Судя по уцелевшим описаниям, по чертежам архитектора, усадьбы на берегах Фонтанки построили кабинет-секретарь царя Алексей Макаров, секретарь князя Меншикова Алексей Волков (на месте их усадеб десятилетия спустя Ф.-Б. Растрелли построил дворец Воронцова), Антон Девиер, сначала денщик царя, а потом генерал-полицмейстер города (на месте его дома стоит ныне Аничков дворец), Андрей Ушаков, будущий начальник Тайной канцелярии, и другие.

Проекты Трезини гравировали Алексей Зубов и Алексей Ростовцев. Видимо, между архитектором и художниками уже давно установились хорошие отношения. В конце 1716 года граверы изготовили лист с изображением Александро-Невского монастыря. Отпечатывали, когда строительство еще не началось. Как же могли так точно, в подробностях передать его будущее обличье? Только узнав все от человека, создававшего обязательную модель намеченного здания и готовившего чертежи, — от самого Трезини.

В Петербурге еще не так уж много жителей. Еще меньше тех, кого мы сегодня называем «творческая интеллигенция». Все знают друг друга. Это вовсе не значит, что поддерживают хорошие отношения. Но если в течение нескольких лет вместе работают в согласии, то, видимо, это общение доставляет удовольствие.

Именно благодаря Алексею Зубову и его гравюре мы можем увидеть Летний сад, летнюю государеву резиденцию, какой она была в конце 10-х — начале 20-х годов XVIII столетия, когда там работал Трезини. А примечательные детали о Летнем саде раскрывают записки очевидцев.

Если смотреть на сад от крепости, то в левом углу — Летний дворец. Перед входом в него небольшая гавань — царь приезжал сюда по реке. (Несколько лет назад археологи при раскопках обнаружили стенки «гаванца» и большие металлические кольца для причаливания.) Далее по берегу Фонтанки большой двухэтажный дом для слуг, видимо, тоже построенный Трезини (после смерти Петра в нем одно время жил его внук Петр). Еще дальше — водовзводная баня с полукруглой крышей, увенчанная вызолоченным двуглавым орлом.

В правом углу сада (на берегу теперешней Лебяжьей канавки, которую прорыли только в 1716 году) — одноэтажный деревянный

Второй Летний дворец. Может, тот самый, что строил когда-то Угрюмов. А за ним маленький домик царской бани.

В дальней от Невы половине сада, выходявшей к Мойке, размещались оранжереи и птичники с фазанами и павлинами. По мосткам через Мойку можно было перейти в Третий Летний сад, где поставили деревянный дворец Екатерины и домики ее слуг. Потом на этом месте, прихватив еще и тот участок, где ныне стоит Михайловский замок, Растрелли возведет огромный, пышный Летний дворец Елизаветы Петровны.

Невский берег перед садом укрепили «паженными» (шпунтовыми) сваями. На месте теперешней прославленной ограды приехавший в 1714 году архитектор Георг Иоганн Маттарнови поставил три легкие открытые галереи — «люстгаузы». В средней под охраной двух бравых солдат сияла белизной мраморного тела античная богиня любви Венера.

История ее приобретения породила красивую, но абсолютно фантастическую легенду. И лишь недавно, в начале 80-х годов нашего столетия, совместные усилия И. Шарковой, А. Каминской и С. Андросова позволили окончательно прояснить истинное течение событий.

В 1718 году в Италию прибыл Юрий Кологривов, в недавнем прошлом денщик царя, а ныне агент Петра I по художественным делам. В его обязанности входило наблюдение за русскими учениками, постигавшими архитектурное мастерство, и одновременно приобретение статуй и картин для государя. Для этого ему выделили около 30 тысяч рублей. 17 марта 1719 года агент донес Петру: «...на сих днях купил я статую мраморову венуса старинная и найдена с месяц... и ради того заплатил за нее 196 ефимков...» (цена необычайно низкая: около 200 ефимков стоила в ту пору фигура в рост, высеченная из мрамора по заказу современника).

Но уже через несколько дней после покупки над статуей нависла угроза: римский губернатор Фалкониери запретил ее вывозить из города. Кологривов обратился за помощью к кардиналу Пьетро Оттобони, занимавшему в Ватикане пост вице-канцлера. Кардинал, не без искания своей выгоды, оказывал помощь русскому правительству. В том числе по его рекомендации и совету в Петербург уехал служивший при Оттобони архитектор Никколо Микетти. Тот самый Микетти, что начал строить дворец для Екатерины под Ревелем, проектировал башню-маяк на Котлине, работал в Петергофе. К своему старому приятелю вице-канцлеру папского двора обращается и Савва Лукич Владиславич (Рагузинский), советник Петра, выполнявший его торговые и политические поручения.

В этот самый момент исчезает Юрий Кологривов. Судя по всему, он замешан как-то в деле царевича Алексея и поэтому решил

скрыться от гнева Петра. Кологривов объявится лишь в 1728 году, когда станет просить разрешения вернуться на родину. Поэтому все дальнейшие переговоры о судьбе «мраморовой Венус» ведет теперь Савва Рагузинский. Наконец, папа Климент XI разрешает подарить статую России. 13 ноября 1720 года в специальной карете с особыми пружинами языческая богиня любви и красоты отправляется из Рима через Аугсбург, Берлин, Данциг, Кенигсберг и Ригу в далекий северный Петербург. 13 марта 1721 года кабинет-секретарь А. Макаров извещает Рагузинского: «Иосиф Франки сюды приехал и статую Венуса счастливо довел, которая его царскому величеству zelo угодна»¹⁰.

Обнаженное женское тело, пусть даже и каменное, выставленное на всеобщее обозрение, — тоже одна из реформ Петра. Еще при деде его, царе Михаиле Федоровиче, когда англичанин Христофор Галловой возвел на Фроловской (Спасской) башне Московского Кремля ныне существующий шпиль и поставил четыре обнаженные мифологические фигуры — символы четырех сторон света, патриарх потребовал срочно одеть их. «Сделано на четыре болвана однорядки суконные, — сообщает летописец. — Сукна пошло английского разного цвета 12 аршин, а быть тем болванам на Фроловских воротах». А теперь сам царь подводит гостей к нагой Венус и заставляет реформаться.

Но и эта реформа, как и многие другие, не была понята. Вскоре после смерти Петра Алексеевича богиню упрятали в грот. Потом перенесли в Таврический дворец, откуда она получила свое название «Венера Таврическая», а затем уже — в Эрмитаж. Еще много десятилетий спустя находились яростные «ревнители нравственности», требовавшие обязательно «одеть» обнаженные фигуры.

По замыслу царя Летний сад не просто место отдохновения и проведения веселых ассамблей. Это школа, академия, где следует изучать европейскую мифологию и эмблематику, столь необходимые для нового российского мышления. У Якоба Штелина, приехавшего в Петербург в 1735 году, записано такое предание:

«Шведский садовник Шредер, отделявая прекрасный сад при Летнем дворце, между прочим, сделал две куртины или небольшие парки, окруженные высокими шпалерами, с местами для сидения. Государь часто приходил смотреть его работу и, увидевши сии парки, тотчас вздумал сделать в сем увеселительном месте что-нибудь поучительное. Он приказал позвать садовника и сказал ему: „Я очень доволен твоею работою и изрядными украшениями. Однако не прогневайся, что я прикажу тебе боковые куртины переделать. Я желал бы, чтобы люди, которые будут гулять здесь в саду, находили в нем что-нибудь поучительное. Как же бы нам это сделать?“ — „Я не знаю, как это иначе сделать, — отвечал садовник, — разве ваше величество прикажете разложить по местам книги,

прикрывши их от дождя, чтобы гуляющие, садясь, могли их читать". Государь смеялся сему предложению и сказал: „Ты почти угадал; однако читать книги в публичном саду неловко. Моя выдумка лучше. Я думаю поместить здесь изображения Эзоповых басен"... В каждом углу сделан был фонтан, представляющий какую-нибудь Эзопову басню... Все изображенные животные сделаны были по большей части в натуральной величине из свинца и позолочены... Таких фонтанов сделано было более шестидесяти; при входе же поставлена свинцовая вызолоченная статуя горбатого Эзопа... Государь, думая, что весьма немногие из прогуливающихся в саду будут знать содержание сих изображений, а еще менее разуместь их значение, приказал подле каждого фонтана поставить столб с белой жестью, на которой четким русским нисьмом написана была каждая баснь с толкованием».

Помимо Эзоповых героев в аллеях сада белели мрамором десятки других мифологических и аллегорических скульптур, закупленных в основном у венецианских мастеров.

Пока многочисленные гости, собравшиеся к Петру Алексеевичу на очередное празднество, бродя по дорожкам, читали названия скульптур — «Ирония», «Страдание», «Вода», «Слава», «Изобилие», «Великодушие»... — и пытались уразуметь их смысл, у всех ворот вставали дюжие гвардейцы. Никто не имел теперь права покинуть сад без ведома царя. Даже если начинался страшный проливной дождь. А по дорожкам уже двигался сержант, за которым два солдата тащили огромную деревянную бадью с вином. Каждый, без разбору женского или мужского полу, обязан был выцить большой черпак. Чтобы не прогневить царя. И так не единожды.

Свидетельствует Юст Юль: «...Гостей заставляют напиваться до того, что они ничего не видят и не слышат, и тут царь принимается с ними болтать, стараясь выведать, что у каждого на уме. Ссоры и брань между пьяными тоже по сердцу царю: так как из взаимных укоров и упреков ему открывается их воровство, мошенничество и хитрости, и он пользуется случаем, чтобы наказать виновных».

По утрам солдаты отыскивали в кустах измученных, упившихся придворных. Вряд ли в их памяти оставались морали Эзоповых басен и смысл мифологических фигур. Но все знали: через неделю, другую «урок» повторится. Вершки европейской культуры царь насаждал не убеждением и добром, а жестокостью и насилием, считая этот метод более действенным. Карамзин, завершая описание царствования Ивана Грозного, вынужден был заметить: «...Страсти дикия свирепствуют и в веки гражданского образования...»

По своему положению признанный царем строитель Летнего и Зимнего дворцов — Доминико Трезини — обязан был присут-

ствовать на подобных увеселениях. Это подтверждают и некоторые уцелевшие документы, речь о которых пойдет дальше. О впечатлении итальянца мы так никогда и не узнаем. Дневники, записки вели иноземцы, поселившиеся в Петербурге на время, твердо зная, что через несколько лет они покинут Россию и больше никогда не вернутся. Для Доминико берега Невы стали второй родиной, и всякое писание заметок для себя он считал неразумным, никчемным.

VII

Крепость и дворец — два символа власти. Поначалу дворца не было. Крепость считали важнее. Ей постарались придать тяжелый, внушительный вид. Она определила центр города, которому суждено стать главным в государстве.

Потом под защиту ее пушек прямо через Неву поставили дворец — Зимний дом. Маленький, деревянный. Рядом с жильем любимого государева корабельного мастера Федосея Скляева. Мастер трудился на верфи и успевал еще присматривать за строительством.

Скляев — Петру I, 1 февраля 1708 года: «Дом Ваш, что подле моего двора, так же, чаю, что в марте совершен будет».

Деревянный дворец в Летнем саду, который ставили одновременно, — одноэтажный с мезонином. Зимний дворец, по всей видимости, должен был быть больше. Двухэтажный. Конечно, не такой роскошный, как у князя Меншикова на Васильевском острове. Тот раскинулся покоем, захватив в глубину огромную площадь под сад и хозяйственные постройки. С фасада по главному корпусу и по боковым флигелям велел князь украсить его галереями на первом этаже. Для прогулок в дождь. Дом сверкал позолотой и белым немецким железом. Не жилище смертного, а обиталище бога.

Царь скуповат. И жилье его — для окружающих пример бережливости. Пусть видят и подражают: не о себе печется, о благе государства. (Много поколений спустя эта неприхотливость в быту станет нарочитой, показной. Как у Николая I, любившего с гордостью показывать свою аскетическую комнату, простую железную кровать и суконное солдатское одеяло.)

Сам Петр Алексеевич жил в маленьких низких покоях первого этажа. Любил в своих комнатах ходить чуть пригнувшись. На втором этаже в узких каморках спали brave денщики. Когда государь гневался, то запирали их на ночь замками снаружи. Чтобы не баловали, по девкам не бегали. И уж, конечно, в таком доме не разгуляешься, не пошируешь власть.

Успехи кружат голову, заставляют по-другому глядеть на окружающий мир. По-новому, уже как на столицу, взглянул Петр

на Петербург после Полтавы. Взглянул и понял неотложную необходимость в скорейшей регулярной застройке любимого города. Причем такой, чтобы гости, прибывающие из Западной Европы, почувствовали силу и богатство России. Чтобы дворцы, вставшие на берегах Невы, заслонили бы своими фасадами непролазную грязь родного бездорожья, глухую ненависть старого боярства ко всяким новациям, беспредельную нищету российского крестьянства.

Для таких замыслов деревянный дом, срубленный еще корабельному мастеру Петру Алексеевичу, был недостоин победителя шведов и правителя могущественного государства. Да и семейные дела и планы требовали нового поместительного и добротного жилья. Подрастали две дочери: Анна и родившаяся в декабре 1709 года Елизавета — возможные будущие невесты иноземных европейских государей (удобный случай для заключения важных политических союзов). Но дочери родились от жены невенчанной. И, чтобы узаконить детей, следовало сперва освятить брак церковным обрядом. Петр мысленным взором уже видел свадебный пир в новом доме.

Весной 1710 года на том же участке, но ближе к Неве, примерно в середине двора теперешнего Эрмитажного театра, начали бить сваи под первый каменный Зимний дом. А дом деревянный, раскатав по бревнам, перевезли на Петровский остров, что протянулся по Малой Неве между Васильевским и Городовым. На всякий случай. Вдруг захочет государь отдохнуть в тиши или вдаль от посторонних глаз перемочь свою болезнь.

Дом этот не дожил до наших дней, не сохранились его чертежи и модель, исполненные Трезини. Но уцелели документы о его строении и гравюра Алексея Зубова «Зимний дворец», по которой можно судить о требованиях царя и возможностях архитектора.

Обширное, на 13 окон в ряд трехэтажное здание. В нижнем, высоком цокольном этаже хранились припасы и жила прислуга. Два верхних занимала семья государя. Правая и левая стороны дома (шириною в два окна каждая) резко выдвинуты вперед. Это ризалиты. Выделен и центр строения шириною в три окна. Он выступает на длину кирпича. К парадной двери с двух сторон ведут широкие лестницы. Шесть фонарей на высоких мачтах освещают их по ночам. По обеим сторонам дома служебные постройки, протянувшиеся в глубину двора. Между ними и домом — ворота с барочными фронтонами, на которых застыли кораблики с наполненными ветром парусами.

Деревянный дом своей задней стороной выходил еще к прихотливо изгибавшейся меж бочажин и болотного кустарника Немецкой улице (ныне Халтурина). А перед домом протянулись две наезженные дороги. Одна — по самому берегу, вторая — отступя. Отдавая приказание строить каменный дворец, государь пове-

дол: «Средней дороге не быть». Теперь к Зимнему дому следовало подъезжать или прямо по берегу, или по Неве на лодке.

У портового города, по убеждению царя, и улицы должны быть прямыми, как в Амстердаме. Посему Нева объявлена главным городским проспектом. В те недели, когда государь в городе, каждое воскресенье он проводит на реке обязательное лодочное учение. Чтобы все именитые люди умели ходить под парусами.

Из дневника датского посла Юста Юля 19 ноября 1710 года: «...Дул довольно свежий ветер. Царь встретил на фарватере — и завернул назад — около тридцати шлюпок, которые, вопреки изданному им здесь когда-то положению, шли при благоприятном ветре не под парусами, а на веслах. Лодки, нарушающие это положение, платят штраф в размере пяти рублей с весла...» У большинства вельмож шлюпки шести- или восьмивесельные. Соответственно и сумма штрафа. (Для сравнения: за нанятую телегу с возчиком от Москвы до Петербурга платили четыре с полтиной.)

Одномачтовое небольшое суденышко — буер, конечно, есть у архитектора. Оно просто необходимо «для езды и воски материалов». После смерти владельца буер «за негодность к ходу возведен на берег против дому одного Трезина»¹¹. Естественно, что «архитект цивилии и милитарии» исправно участвует в лодочных учениях. Он не из тех людей, что способны ослушаться указаний начальства.

Настоятельное желание приучить горожан Петербурга к воде, к хождению на шлюпках для царя не каприз, не сиюминутное увлечение, а важная необходимость. В этом он видит залог будущего процветания флота, без которого новой России никак нельзя. Запрещено наводить мосты через Неву, но сооружают по чертежам Трезини Партикулярную верфь, где строят малые и средние парусные суда для нужд обывателей. 23 июня 1719 года Петр издает указ:

«Всяких чинов людям объявить, которые строят... по берегу Невы реки и по каналам по указу палаты, також которые впредь по указу будут строиться, и тем людям при тех своих палатах делать гавани таким образом, как сделано на Адмиралтейском острове по берегу большой Невы реки, против дому Федосея Склеяева, а делать к двум домам одну гавань, как покажет архитектор Трезин».

Доминико Трезини не просто архитектор при Канцелярии городских дел. Он фактически правая рука царя по всем строительным делам в Петербурге: крепость, дворцы, пороховые погреба, соборы, отведение места для сооружения партикулярных домов, наблюдение за их пригожестью. И наконец гавани. Все надо успеть исполнить с тщанием и аккуратностью.

Примечательно, что в это время в Петербурге уже немало иностранных зодчих: Гербель, Растрелли, Микетти, Браунштейн. Но в многочисленных указах государя Петра Алексеевича упомина-

пут только Доминико Трезини. Как самый верный и надежный исполнитель. Даже по утверждению Канцелярии от строений, «работ имеет он один больше всех обретающихся архитекторов».

Про первый каменный Зимний дворец очевидец пишет — «голландской архитектуры». А может, датской? В ту пору трудно было провести различие. Голландское зодчество формировалось под влиянием английского. А датское — под сильным воздействием голландского. Протестанты северных стран не желали и не могли принять пышное барокко католического Юга. Вот почему творения голландских мастеров, а следовательно и датских, в кругу которых несколько лет жил Трезини, всегда отличаются строгостью.

Дворец построили из добротного красного кирпича — продолговатого, плоского и крепкого. Но по желанию царя его окрасили в белый цвет, позолотив оконные рамы и архитектурные детали. Этаким франт под тяжелым свинцовым небом среди болотной грязи и кривого подлеска.

Примечательно, что каменный дворец Меншикова, строившийся в это же время на Васильевском острове, окрасили в темно-серый цвет. Будто время наложило свою патину на родовой замок генерал-губернатора Петербурга. Неужто и таким способом хотел всесильный Александр Данилович утвердить свою родовитость?

Архитектор-реставратор Григорий Владимирович Михайлов, восстанавливая первоначальный облик дворца Меншикова, внимательно изучал и конструктивные особенности дома генерал-губернатора, и документы, рассказывающие о возведении каменного Зимнего дома Петра I. Сопоставляя полученные измерения с архивными свидетельствами, он пришел к неожиданному выводу: дворец Петра и дворец Меншикова повторяют друг друга в плане. Даже расположение всех тридцати жилых покоев и там и тут одинаково. Правда, в доме Меншикова над парадным крыльцом соорудили просторный балкон, с которого генерал-губернатор обозревал вверенный ему город и следил за кораблями, входившими в Неву. В доме царя такого балкона не было. Все же остальные совпадения наталкивают на неожиданный вывод: проекты каменных домов царя и генерал-губернатора принадлежат одному архитектору — Доминико Трезини...

Строение государева Зимнего дома закончили осенью 1711 года. Царь был доволен. Доминико Трезини потратил ему и тем самым укрепил свое положение.

В большом зале нового дворца 19 февраля 1712 года устроили торжественный пир по случаю бракосочетания Петра Алексеевича с Екатериной Алексеевной. Примечательно, что важные для царя свадьбы его сына царевича Алексея с немецкой принцессой и племянницы Анны Иоанновны (будущей русской императрицы) с герцогом Курляндским проходили во дворце Меншикова. Там же

отмечали и другие свадьбы, попроще, — фельдмаршала Бориса Шереметева, князей Якова Долгорукова и Михайлы Щербатова. И в будущем все праздничные пиры и торжественные обеды во главе с государем проходили в меншиковском доме — «Посольском дворце», как порой называл его сам Петр. Или в огромном доме адмирала Федора Апраксина, стоявшем тут же, на набережной у самого Адмиралтейства (там, где теперь северо-западный угол Зимнего дворца). И только свою свадьбу он праздновал в собственном доме. Были, видимо, тому свои причины: ведь царь венчался вторично при еще живой первой жене. Потому и в церкви было объявлено, что торжественный обряд совершает не государь, а военно-морской начальник.

В тот февральский день в деревянной адмиралтейской церкви Исаакия Далматского, что стояла там, где высится ныне фальконе-товский монумент основателя города, как говорится, яблоку негде было упасть. Любопытный народ заполнил площадь перед храмом. Но вот закончилась церемония, и царь с женой и двумя дочерьми в окружении ближайших морских офицеров и иноземных мастеров направился к ожидавшим саням. Когда царские сани остановились у дворцового подъезда, последние экипажи еще только отъезжали от церкви.

Гравюра Алексея Зубова позволяет нам взглянуть со стороны на это праздничное застолье. В просторном зале в три окна (на первом этаже слева от парадного входа) установлен большим кольцом стол. Гости расселись по его внутренней и внешней сторонам. В центре, спиной к среднему окну, — новобрачные. Слева в открытую дверь вереница слуг вносит блюда с яствами. В ожидании начала пира все оживленно обмениваются впечатлениями.

Художник тщательно передал убранство зала: роспись потолка, рисунок шпалер, два огромных венецианских зеркала в простенках между окнами. Через двенадцать лет, узнав о неверности Екатерины, царь, как гласит легенда, разбил одно из этих зеркал. «Ты видишь, — сказал он жене, — это венецианское стекло? Оно сделано из простых материалов, но благодаря искусству стало украшением дворца. Я могу возратить его в прежнее ничтожество». И что есть силы ударил по нему тяжелой тростью. Бывшая солдатская жена, захваченная русским драгуном при взятии Мариенбурга, императрица Екатерина Алексеевна хорошо поняла намек.

Но это только будет, а пока желтым светом сияют большие дворцовые окна, чадают и потрескивают сотни, тысячи плоскостей вокруг дома, вдоль набережной, плывет над Невой музыка. А завтра, как всегда, рано поутру, натянув свой старый халат из простой китайской нанки, грызя соленый лимон или огурец — любимые лакомства, — царь отправится в свою рабочую комнату, чтобы заняться делами.

«Конторка», как он ее называл, находилась, вероятно, в западной стороне дворца. Письменный стол, токарный станок, шкафы с книгами (а их ко дню смерти владельца насчитывали свыше 1600). Царь любил эти ранние часы, когда под привычное жужжание станка, попыхая короткой трубкой-носогрейкой, можно обдумать все неотложные дела. Работа приносила радость, успокоение и давала всегдашнее право говорить окружающим: «Видишь, хотя я и царь, а у меня на руках мозоли» (заметим, что именно в день свадьбы Петр повелел выточенное им из кости большое паникадило повесить в большом зале дворца над праздничным столом).

Как раз в 1712 году в «Конторке» замыслил Петр немало законов и распоряжений, во много определивших и великое — дальнейшую жизнь России, и частное — судьбу Доминико Трезини.

Значительная часть этих законов вызвала изумление и недовольство даже среди приближенных государя, другие и сегодня восхищаются своей прозорливостью и мудростью. Таковыми следует считать указы об учреждении во всех губерниях первых общественных больниц — госпиталей для раненых и увечных; о создании богаделен — приютов для стариков, лишенных ухода; о расширении столь надобной России инженерной школы и о том, чтобы в течение пяти лет брать на нужды армии только русские сукна — для поощрения отечественных мануфактур.

Наряду с этими разумными мерами за месяц до свадьбы, 16 января, подписан ничем не оправданный указ о перенесении центра Санкт-Петербурга на остров Котлин. К этому времени в городе уже насчитывалось свыше 1300 домов, а теперь по прихоти государя предстояло все начинать сначала. И где? В открытом, беспокойном море, на низменном острове, искусственно приподнятом с восточной стороны для устройства крепости. Замысел не государя, а самодура-помещика. Отказ выполнить эту царскую прихоть грозил «потерянием живота, чести и пожитков». Было от чего людям закручиниться и пребывать в печали. Но мнение народное не волновало Петра. Он твердо знал, что приближенные восхвалят его мудрость, а государственные учреждения утвердят решение.

Четвертого августа того же 1712 года, когда государь находился с войсками далеко за пределами страны, Сенат подписал список дворян, которым предстояло переехать на Котлин сразу после окончания войны. Всего в списке 1212 человек. Открывают его фамилии знатнейших сенаторов. Еще обязаны поселиться на острове 500 лучших купцов, 500 средних и 1000 ремесленников, половина которых имеет свои заводы. А на берегах Невы останутся мастеровые, мелкие ремесленники, матросы и солдаты. И еще: на

строение Кронштадта собрать работников со всех российских губерний. Свидетельство, что царь в достижении своих желаний непоколебим.

Создать проект идеального города Петр Алексеевич поручил англичанину, приехавшему в Россию в самом начале строения Петербурга. В записках Якоба Штелина «Воспоминания о русской архитектуре» говорится: «Командор Э. Лейн заложил первые постройки в Кронштадте. Был в большой милости у Петра I. Умер в 1729 году. Сделал план Кронштадта, как он был заложен»¹².

Прямоугольная сетка из 62 каналов накинута на маленький остров. С юго-востока на северо-запад по центру вытянулся главный канал. Отступая вправо и влево — две улицы шириною по 15 м. Под прямым углом к главному каналу прокопаны малые. Ширина каждого 18,3 м, а расстояние между ними 21,4 м. Вдоль каналов участки под строения. Длиною 46,5 м и шириною 18,3 м. Всего 7272 дома.

Нет, это не город, а холодный, бездушный лагерь, где все просматривается, все, если надо, простреливается. Ни одного изгиба, ни одной кривой. Все идеально, правильно и утомительно ровно.

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Трезини знал этот чертеж, вероятно, даже тщательно знакомился с ним. Настолько тщательно, что позже воспользовался им. Неизвестно, правда, по собственному почину или по велению государя, но об этом речь еще впереди. А пока архитектор занят важным делом: строит одноэтажное мазанковое здание для размещения главного правительственного учреждения — Сената.

Случилось это так. Как сообщает «Журнал, или Поденная записка... Петра Великого», «в апреле месяце [1712 года.— Ю. О.] приехали из Москвы в Санктпитебург генерал-фельдмаршал Шереметев и несколько сенаторских персон и с того времени Сенаторы и Сенаторское правительство началось быть в Петербурге». Окончательный переезд в 1713 году всего Сената на берега Невы утверждал за Петербургом «должность» столицы государства. Исполнилась еще одна мечта Петра Алексеевича. Но торжества по этому поводу не было. Слишком уже привычной была мысль о новой столице на берегах Невы, а переезд Сената — естественное действие в общей цепи событий.

Правительствующий Сенат укрыли за мощными стенами и бастионами крепости. Теперь вся российская власть разместилась по обеим сторонам реки. Дворец и фортеция оказались прочно связаны невидимыми нитями.

Появились в столице каменные дворцы, перестраивали в камень фортецию, а вот каменного храма еще не было. Непорядок, не-

досмотр. И третьего мая, ровно через шесть лет после начала перестройки крепости, вместо старой деревянной церкви заложили новую каменную во имя Петра и Павла. По сему поводу было «великое шумство» с вином и пальбой из пушек. А строить храм царь повелел все тому же Трезини.

Петр Алексеевич высказал пожелание: быть храму большим, вместительным. Главным в столице. Но первоочередное в нем — колокольня. Ее возводить сначала. А делать ее такой, чтобы можно было подниматься наверх и обозревать весь город. Колокольня столь же нужна новой столице, как и каменная фортеция. Для Трезини это еще одно задание в добавление ко многим уже имеющимся.

Может, слишком много дел для одного человека? Для Трезини — нет. Обилие работы не смущает его. Сто с лишним лет спустя Пушкин скажет о младшем современнике архитектора, поэте Василии Тредиаковском — *вечный труженик*. Это определение полностью соответствует и характеру первого зодчего Петербурга. Сходную характеристику — «неутомимый возовик» — дал поэту Радищев, еще заставший Тредиаковского в живых. «Возовиком» был и Трезини. Чем больше дел вваливали на него, тем упорнее тащил он свой воз. В конце концов оказалось, что именно он заложил в болотистую почву Петербурга тот прочный фундамент, на котором другие зодчие достигли вершин архитектурного искусства. Вершин, принесших всемирную славу городу на Неве.

«СЕВЕРНЫЙ ПАРАДИЗ»

I

В Москве сияли на солнце золотые купола многочисленных храмов. В дни особых торжеств священники кремлевских соборов, в одеяниях, сверкающих золотым шитьем и драгоценными камнями, являли народу великие реликвии. Были здесь риза Христа, часть ризы Богоматери, правая рука апостола Андрея, голова Иоанна Златоуста, голова Григория Богослова, часть мощей Иоанна Крестителя и Георгия Победоносца. По едкому замечанию Герцена, «в... Москве покоятся мощи всех святых из русских, которые не поместились в Киеве, даже таких, о смерти которых доселе идет спор...».

В Петербурге куполов не было. Они уступили место топким шпилям, протыкавшим серое небо.

Округлость купола сулила покой и благолепие. Шпиль вносил напряженное беспокойство.

Не было в городе на Неве и священных реликвий. Ничто не привлекало сюда духовного взора народа. Мало того, здесь православные храмы соседствовали с церквями еретиков. На Адмиралтейской стороне, к примеру, на две иноземные церкви — две православные.

Совсем недостаточно только освободить исконные земли и построить на них новый город. Мало только обезопасить его, соорудив мощные крепости, и далеко отодвинуть врага. В городе, которому предстоит стать столицей, обязана быть своя священная реликвия. Она станет привлекать людей, поселит в их душах веру в прочное будущее, пробудит воспоминания о славном прошлом. Необходимость такой реликвии хорошо понимал царь Петр Алексеевич. Наконец, он принял решение.

На Московской стороне, за Смоляным двором, там, где Черная речка (ныне Монастырка) впадает в Неву, царь велел поставить большой монастырь во имя Александра Невского. Место выбрали с пониманием дела. Бытовало предание, что именно здесь новгородский князь в 1240 году разгромил войско шведского ярла Биргера. (Битва на самом деле произошла выше по течению, около устья Ижоры, и Петр мог знать об этом, но важно было иметь монастырь рядом с городом, и царь предпочел «поверить» народной легенде.) В 1545 году церковь причислила князя к лику святых. И теперь Петр собрался перенести в этот монастырь мощи прославленного русского полководца.

В июльский день 1710 года при стечении народа, в присутствии многих генералов и офицеров под гром пушек царь указал место, где стоять монастырю. Архимандрит Феодосий, будущий настоятель, водрузил на сем месте деревянный крест с надписью: «Повелением царского пресветлого величества на сем месте имеет содзатися монастырь».

Так Петербург обрел и священную реликвию, и величественный памятник победы над шведами.

Не суровый форт или дом вельможи, не пороховой погреб или городскую аптеку предстояло возвести Трезини, а величественный ансамбль. Духовный центр города. Памятник русской военной славы. Памятник новой эпохи в истории России. Вот какую сложную задачу следовало решить зодчему.

Многие месяцы напряженных раздумий, работы урывками, в часы, свободные от повседневных хлопот на строительных площадках и в Канцелярии. Трудные, но счастливые часы истинного творчества. Скорее всего, к середине 1716 года модель будущего монастыря готова. Исполнены и все чертежи. Модель, увы, не сохранилась. Но в том же году художник Зубов, гравировав свою знаменитую «Панораму Петербурга», на отдельном листе изобразил монастырь будто уже построенный.

Фасадом монастырь смотрит на Неву. Высокая балюстрада с вазами и скульптурами на столбах отделяет его от набережной. За ней — просторный партерный цветник. И наконец, обитель — дворец, растянувшийся на восемьдесят пять окон и дверей в ряд.

В центре — храм святой Троицы. Внешне он напоминает знакомый нам сегодня Петропавловский собор в крепости. Со стороны главного входа в храм, с реки, к нему вплотную примыкает высокая колокольня, увенчанная длинным шпилем (опять как в крепостном соборе). Если припомнить, что к этому времени Адмиралтейская игла уже существовала (правда, была она несколько короче, чем теперь) и вчерне был готов проект звонницы со шпилем в Петропавловской фортеции, то, по замыслу Трезини, в плоском городе возникало три главные пронзительные вертикали.

Вправо и влево от собора, уступами выдвигаясь вперед, — два двухэтажных корпуса из трех зданий каждый. Прием постановки зданий уступами успешно использовали некогда зодчие Генуи. Он придает движение и живописность всему ансамблю. (В Петербурге, кстати, существовало еще одно подобное здание — Псковское архиерейское подворье на 24-й линии Васильевского острова. Не исключено, что его также построил Трезини.)

Движение протяженных корпусов (как говорят архитекторы, на 38 осей — дверей и окон в ряд — каждый) сдерживают по краям трехэтажные строения. Справа (если смотреть от реки) — однокупольная церковь. Слева — корпус под высокой четырехскатной крышей. Тридцать лет спустя точно так же, но только еще более мощными объемами флигелей Франческо Бартоломео Растрелли остановит разлет вправо и влево Петергофа и дворца в Царском Селе.

С тыльной стороны боковые корпуса смотрят открытыми галереями на внутренний, хозяйственный двор. (Растрелли охотно использовал и этот прием при создании Смольного монастыря.) Полуколонны на галереях, пилястры с очень рельефными ионическими капителями на церкви и корпусе под четырехскатной крышей придают ансамблю еще более светский характер.

Прямоугольный внутренний двор огорожен с трех сторон двухэтажными строениями и красивой оградой с двумя нарядными воротами. Некое подобие будущей циркумференции Царскосельского дворца. Но там флигеля станут обрамлять парадный двор, а здесь — хозяйственный.

Все упомянутые сходства вовсе не дают права ставить знак равенства между способностями Трезини и гениальностью Растрелли. Смольный, Царское Село, Петергоф — вершины русской архитектуры стиля барокко. Но они не могли возникнуть на пустом месте. Кто-то должен был подготовить достойное основание. И этим «кто-то» стал уроженец предгорий Альп — Доминико Трезини.

Кирпично-красный, с белыми порталами, наличниками окон, полуколоннами и пилястрами, ансамбль Трезина резко отличался от древнерусских монастырей, укрытых грозными крепостными стенами. По размаху, по торжественной, строгой нарядности Россия еще не знала подобных строений. И Петр, любуясь моделью, охотно одобрил ее. Его новая столица обретала достойное сооружение. В архиве Меншикова сохранилось прелюбопытнейшее распоряжение генерал-губернатора:

«Указ господину архитектору Трезину. По указу его царского величества велено в... монастыре святого Александра Невского начать построение ныняшнего лета, а по доношению архимандрита Феодосия, что к заложению в начале церкви архитектора не имеет, и того ради предлагаем, что надлежит... ехать в помянутый монастырь вам и по предложению вышереченного архимандрита Феодосия церковь заложить...

апреля 28 дня 1717 года»¹.

И Меншиков, и архимандрит хорошо знают, кто создал проект монастырского ансамбля. Но они не ведают, кому государь доверит строительство. Разделение обязанностей архитектора-проектировщика и архитектора-строителя тоже одно из новшеств царя Петра. При малом числе умелых специалистов такое разделение очень удобно. Ускоряет и удешевляет дело. А то, что хороший проект во время строительства может быть изменен и даже испорчен, это уже никого не волнует. Главное — построить. Потом эту систему забудут. А через много десятилетий вновь вернуться к ней, как и к возведению домов по типовым проектам. И назовут забытый опыт «новацией». Почтут панацеей от всех бед.

Вскоре после распоряжения стали срочно рыть канавы под фундамент. Первым стали возводить правое крыло, если смотреть с реки: Благовещенскую (нижнюю) церковь (в 1724 году была освящена верхняя — на втором этаже — церковь во имя Александра Невского) и примыкающий к ней корпус, который позже назовут Духовским.

Церковь заложили 21 июля, когда по крестьянскому календарю пора начинать жатву ржи. Сотни мужиков, оторванных от прямого дела, принялись таскать кирпичи, готовить известь, тесать бревна. Но печали в том монастырские власти не испытывали. Людишек и богатства хватало. Еще в 20-й день ноября 1713 года государь изволил приписать к обители «для содержания братии» 1654 крестьянских двора. Можно было не скупиться и строить добротнo.

Наблюдение за всеми работами поручили саксонцу Кристофу Конрату. Он приехал в Россию накануне нарвской «конфузии», в 1700 году, и все прошедшие годы служил при Оружейной палате.

Почти полтора года с перерывом успешно трудился Конрат в Петербурге. И вдруг, когда построена Благовещенская церковь, почти завершен Духовской корпус, Кристофа Конрата вновь отсылают в Москву. А продолжить сооружение монастырского ансамбля царь поручает Теодору Швертфегеру.

Швертфегер прибыл в Петербург в 1713 году и ничем еще себя не проявил. По замечанию Я. Штелина, первого историка русского искусства XVIII века, он «был собственно золотых дел мастером, хорошо рисовал и делал модели». Так почему же строение монастыря доверили именно ему?

Причины, видимо, несколько. Первая из них — время. В России еще не существуют понятия Артист, Художник. И архитектор, и скульптор такие же мастеровые, как каменщик, кузнец, портной (не случайно в 1724 году царь издал указ: всех незаконнорожденных брать в художники).

Вторая — сам Петр. В тот 1720 год, когда строение монастыря поручено Швертфегеру, для Петра важнее всего Петропавловский собор в крепости. Особенно его колокольня, с которой можно будет любоваться растущим Петербургом. И еще очень нужен новый каменный госпиталь на Выборгской стороне. Там место Трезини, там в первую очередь следует ему приложить свои силы и способности. А с монастырем все просто. Модель существует. Она одобрена, и строить по ней может любой.

Но, вероятно, было еще нечто. Совсем не случайно Швертфегер начинает свою деятельность с изготовления новых чертежей и новой модели главного монастырского храма. Располагая монастырь фасадом к Неве, Трезини сделал вход в собор с восточной стороны. Там, где должен помещаться алтарь. Нарушил канон не с умыслом, а случайно. Во имя логики и красоты. (Несколько лет спустя он снова допустил такую же «оплошность»: сориентировал церковь при госпитале с севера на юг вместо положенной оси «восток — запад». Пришлось его преемникам переделывать чертежи и представлять их на новую апробацию.)

Точно так же, за 250 лет до описываемых событий, митрополит Московский потребовал от Аристотеля Фьораванти, уроженца Болоньи, изменить первоначальный облик Успенского собора в Кремле, начатого «палатным способом». И зодчий вынужден был подчиниться. А в 40-е годы XVIII века Франческо Растрелли тоже станет переделывать свой проект собора Смольного монастыря. По требованию императрицы Елизаветы он увенчает храм традиционным русским пятиглавием.

Весьма возможно, что царь передал строение собора другому мастеру, уступив настояниям духовенства. Однако, не желая наказывать верного слугу за допущенную ошибку, Петр повелел Трезини заниматься другими, более срочными делами. Архитекто-

ру оставалось только молча согласиться. Эта безропотность позволила Трезини сохранить добрые отношения с монастырским клиром.

Швертфегер первым делом принялся готовить проект нового собора (модель его дожила до наших дней). Вход, конечно, с западной стороны. А по бокам апсиды две барочные башни-колокольни. Тугие завитки волют, вазы, статуи и другие декоративные украшения. Все очень типично для южонемецкого барокко, когда подчеркнутой пышностью хотят прикрыть дырявый карман казначика. И самое главное — разрушен привлекательный градоостроительный замысел — треугольник главных городских шпилей.

Чтобы стать зодчим, мало уметь рисовать, чертить и обладать хорошим вкусом. Поручая огромное сооружение в общем-то дилетанту в архитектуре, Петр и сам, увы, поступил как дилетант. Собор, начатый Швертфегером, пришлось в 50-е годы срочно разобрать. Из-за технических ошибок, допущенных бывшим «золотых дел мастером», строение дало трещину и грозило рухнуть.

Надобно заметить, что петербургским монастырям не очень везло с завершением строительства. И было-то их всего два (а Москва насчитывала 21 монастырь) — Александро-Невский и Смольный. Первый соорудили 73 года. А второй — 90. Как тут не вспомнить Герцена: «В Петербурге можно прожить года два, не догадываясь, какой религии он держится; в нем даже русские церкви приняли что-то католическое...»

От первоначального проекта Трезини остались в Александро-Невском монастыре только глядящие на Неву малиново-красные с белым декором корпуса по обе стороны собора и Благовещенская церковь. (Левое крыло, если смотреть от реки, и замыкающую его Федоровскую церковь достроил по чертежам Доминико десятилетия спустя его однофамилец, а может быть, и очень дальний родственник, архитектор из Милана Пьетро Антонио Трезини.)

Еще не было монастыря. Среди канав, прокопанных для будущих фундаментов, среди штабелей досок и кирпича поднималась только Благовещенская церковь и примыкавший к ней корпус, но Петр отдал повеление: перевезти священную реликвию — мощи князя Александра — из Владимира в Петербург. Жаждал как можно скорее возвысить новую столицу в глазах народных.

С утра 30 августа 1724 года, в день заключенного три года назад мира со шведами, со всех концов юной столицы тронулись к будущему монастырю пехотные и драгунские полки. Распустив паруса, двинулись вверх по течению боевые корабли, во главе которых медленно плыл маленький ботик, первый кораблик Петра, прародитель русского флота.

Потянулись к монастырю и жители города. Кто в тяжелой громыхающей карете, кто верхом, а большинство — пешим ходом.

Огромная людская змея двигалась по недавно открытому Невскому проспекту, или, как его тогда называли, «Прешпективе».

Мысль о ее необходимости для Петербурга родилась еще в 1712 году. Город настойчиво искал самых коротких и самых удобных путей к внутренним губерниям. И в первую очередь Адмиралтейство, ненасытно требовавшее из глубины России пеньку, парусину, лес, железо. Бесконечные обозы тянулись из Новгорода к Петербургу по теперешнему Лиговскому проспекту. Потом поворачивали к видневшейся вдаль тонкой адмиралтейской игле. Дорогу от этого поворота и прозвали «Прешпективой».

Пленные шведы корчевали кривой болотистый лес, рыли осушительные каналы, подсыпали и мостили путь. В 1716 году перекинули первый постоянный мост через Фонтанку. Четыре года спустя — через Мойку. Вдоль всей адмиралтейской части прешпективы посадили в четыре ряда березы. Свидетельствует офицер из свиты герцога Голштинского, прибывшего в Петербург в июне 1721 года: «...С самого начала мы въехали на длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и по справедливости названную проспектом. Она проложена только за несколько лет и исключительно руками пленных шведов. Несмотря на то, что деревья, посаженные по сторонам в три или четыре ряда, еще невелики, она необыкновенно красива по своему огромному протяжению и чистоте, в которой ее содержат (пленные шведы каждую субботу чистят ее), и делает чудесный вид, какого я никогда не встречал...»

Монастырскую часть прешпективы (от обители до теперешней площади Восстания) начали прокладывать чуть раньше. А когда завершили, монастырь тут же определил плату за проезд по ней. С верхового — 3 копейки, с телеги — 5, с кареты, в зависимости от числа лошадей, от 10 до 30 копеек.

В тот день, когда мощи князя Александра перенесли в монастырь, на адмиралтейской части проспекта вечером зажгли первые фонари. Генерал-полицмейстер Антон Девиер постарался сделать подарок к празднику. Через каждые 50 сажен (106 метров) поставили большие столбы. На них — железные фонари со стеклянными стенками. Внутри лампа, заправленная конопляным маслом. Заправляли, зажигали и поутру тушили фонари солдаты из специальной команды.

Тусклым желтым сиянием фонари боролись с вечерней тьмой. Но все же это был свет, способный хоть чуточку отогнать страх и ночных грабителей.

Прешпектива постепенно хорошела, набирала силу, чтобы очень скоро стать главной улицей города. Через сто лет русский литератор А. Башуцкий заметит, что Невский проспект — «главная артерия Петербурга, от которой стремятся другие, поменьше, питающие различные члены столичного тела...».

...Достигнув монастыря, людская толпа образовывала четко определявшиеся группы и группки. Государь заранее указал, где кому надлежит стоять: полкám, чиновникам, купцам, ремесленникам. А сам во главе флота отправился вверх по реке.

Там, где Ижора впадает в Неву, мощи перенесли на специальную галеру. На весла сели прославленные генералы, а сам Петр — на руль. Как только галера приблизилась к пристани будущего монастыря, раздался колокольный звон и началась пушечная пальба. «Трудно себе представить, — писал датский посланник Юст Юль, — какая масса пороха изстреливается за пирами, увеселениями, при получении радостных вестей, на торжествах и при салютах... ибо в России порохом дорожат столько же, сколько песком, и вряд ли найдется в Европе государство, где бы его изготовляли в таком количестве и где бы по качеству и силе он мог сравниться со здешним...»

Теперь Петербург, наконец, обрел свою священную реликвию. Стал настоящим столичным городом.

II

Доминико Трезини, чтобы хорошо и в срок управиться с делами, очень нужны помощники и верные ученики.

Нелегко всюду поспеть, все проверить, все сделать. Даже сорок лет спустя другой иноземный зодчий, не менее энергичный Франческо Растрелли, вынужден будет написать: «...архитектору в России недостаточно сделать проект здания... нужно, чтобы он сам непрерывно присутствовал на стройке, которую он ведет, не имея ни хороших мастеров каменщиков, ни десятников (как это принято за границей), которым он мог бы доверить точное исполнение своих указаний».

Царю Петру необходимо, чтобы иноземец обучал будущих русских зодчих. Интересы совпадают. Так в дом на берегу Мойки приходят молодые люди, обязанные изучать архитектурное искусство.

Одним из первых поселился у Трезини недавний служитель губернской канцелярии Михайло Земцов. Прибыл по велению государя для лучшего изучения итальянского языка. А оказалось, что любит архитектуру и разбирается в строительном деле. Что это: случайное совпадение или прозорливость царя Петра?

Двадцатилетний Земцов постигал в подлиннике труды уже известных в России Виньолю, Палладио, Скамоцци. А учитель, общаясь с учеником, совершенствует свое знание языка русского. Среди бумаг Канцелярии от строений сохранились документы, переведенные с французского, в конце которых подпись: «Переводил архитектор Трезин».

Такой ученик — неожиданный подарок. Земцов отличается любознательностью, трудолюбием и отменными способностями, что всегда доставляет наставнику радость.

Как показали годы, оказался Михаил порядочным человеком, надежным другом, талантливым мастером. Судьба навсегда связала ученика и учителя. Уже много позже, когда Земцов стал самостоятельным зодчим, они часто продолжали действовать сообща. Вместе экзаменовали будущих архитекторов. Вместе принимали готовую работу у других строителей. Когда Земцов уехал под Ревель строить Кадриорг — дворец для Екатерины Алексеевны, Доминико Трезини самолично отобрал для него двадцать лучших петербургских каменщиков и штукатуров. А когда Трезини умер, его чертежи и модели унаследовал Михаил Земцов.

Случилось так, что бывший ученик продолжил и завершил многие дела своего бывшего учителя. А воспитанники Земцова продолжили, в свою очередь, его начинания. Возникла связь времен и поколений.

Вслед за Михаилом Земцовым поселились у Трезини присланные из Канцелярии Иван Протопопов, Григорий Несмеянов и другие. Короче, к началу изготовления макета будущего Александро-Невского монастыря у Доминико уже жило пять или шесть учеников.

Реформы Петра, конечно, переменяли систему обучения будущих зодчих. Нуждаясь в хороших работниках и надежных помощниках, царь положил много забот и труда на утверждение первым делом практически необходимого образования. Если открывали новую школу, то обязательно или навигацкую, или математическую. Чтобы выходили оттуда люди, сведущие в деле артиллерийском, морском, инженерном. Ведь надобны они государству сегодня, сейчас. О послезавтрашнем дне задумываться было недосуг. Уже в самом конце XIX столетия, размышляя об этих реформах, историк Ключевский писал: «По школе всегда можно узнать, обладает ли общество установившимся взглядом на задачи образования. Нередко приходится слышать, будто школа должна учить тому, что пригодится в жизни. Где такое мнение получает господство, там, значит, взгляд на цели образования еще не установился: ведь такое мнение подчиняет школу вкусам, господствующим в данную минуту, делает учащегося слугой или жертвой временных потребностей взрослого общества...»

Петровскому обществу надобны были мастера, умеющие строить быстро и прочно, правильно чертить планы, разумно подсчитывать потребные материалы и число рабочих людей. Именно этому следовало обучать будущих мастеров архитектуры.

Еще несколько лет назад, в конце XVII столетия, воспитание ученика являлось личным делом мастера и самого подростка. Ско-

дичивая артель, зодчий брал одного-двух мальчиков. На побегушки. Юнца поразумнее присматривались к делу, запоминали, выспрашивали у старших. С годами ученик мог стать дельным подмастерьем, а потом, глядишь, и самостоятельным мастером. Все зависело от меры терпения и сообразительности юноши.

Теперь профессиональное обучение объявили делом государственной важности. В разных городах, порой вопреки родительской воле, пабирали для отсылки в Петербург «быстрых разумом» подростков. В 1712 году Сенат принял решение из числа присланных отдать десять человек в Канцелярию от строений «для науки архитектурных и других к городовым строениям приличных дел».

По твердому убеждению царя, любого подданного можно обучить любому ремеслу и тем самым восполнить нехватку толковых мастеров. Поэтому из школы «математико-навигационных наук» к Трезини перевели еще Ивана Ключова и Никиту Дедина.

По новой методе обучение начиналось с помощью книг. И главной среди них считалась «Правило пяти ордеров архитектуры» италийского зодчего XVI столетия Джакомо Виньола. Того самого, что соорудил церковь Иль Джезу в совсем новом стиле — барокко. На русском языке эту книгу напечатали впервые в 1709 году, а в 1712-м переиздали. (Известно, что в библиотеке Петра I хранилось шесть экземпляров труда Виньола. А в собрании генерала Якова Брюса — два.)

По велению царя перевели на русский еще: «Новое крепостное строение на мокром и низком горизонте...», «Архитектура воинская, гипотетическая и еклектическая, то есть верное наставление...», «Новая манера укрепления городов, учиненная через господина Блонделя, генерала поручика войск короля французского...». Как видим, всё книги о строении крепостей и укреплений, нужные сегодня, сейчас, пока идет война со шведами.

Трезини первый, кому здесь, в России, поручено обучение будущих архитекторов. Он горд. Важность порученного дела подогревает чувство собственного достоинства. С присущей ему обязательностью Трезини приступает к занятиям. Обучать молодых людей он станет так, как некогда учили его в далекой теперь Италии.

Еще со времен Древнего Рима каждый архитектор обязан досконально знать ординацию — то есть проектирование, диспозицию — или планирование, эвритмию — гармонию, симметрию соразмерность, декорум — пристойность и, конечно, дистрибуцию — распределение, то, что древние греки называли привычным сегодня для нас словом — смета. Последнее особенно важно. Не случайно прославленный зодчий эпохи Возрождения Леон Баттиста Альберти писал в трактате «Десять книг о зодчестве»: «...вид и сумма будущего расхода, чем отнюдь не следует пренебрегать,

будут точнее известны путем определения ширины, высоты, числа, объема, формы, вида и качества отдельных вещей, их ценности и стоимости рабочих рук, и в то же время более ясно и достоверно будут известны род и количество колонн, капителей, базисов, карнизов, фронтонов, облицовки, полов, статуй и тому подобного, относящегося либо к прочности, либо к украшению здания».

Только освоив эти теоретические премудрости, ученик имеет право приступать к «рисованию чертежей». А достигнув совершенства, получает проекты учителя для «копиевания». Учеба требует внимания, усидчивости и терпения.

В маленьком деревянном домике на берегу Большой Невки, где ютилась в тесноте Канцелярия, места для занятий, конечно, не было. Посему ученики собирались по вечерам в мастерских Канцелярии: то на Московской стороне, то на Адмиралтейском острове, где позволяли условия. (Сохранились документы о выдаче свечей для нужд учения.) Услышанное вечером наутро проверяли в деле, прямо на стройках, куда приходили вместе с наставником.

Стоя на только что выведенном фундаменте будущего дома, познавали, что лучший камень для основания везут с берегов Тосны. На подмостях, рядом с каменщиками, убеждались, что самый хороший кирпич делают на заводах Канцелярии или, в крайнем случае, монастырских. А вот в Стрельне, где командует князь Юрий Щербатов, кирпич идет пористый и не выдерживает сильных морозов. Ломается. Добрую известь выжигают на реке Пудости. А лучшие живописцы для росписи изразцов трудятся на «Новых кирпичных заводах» Канцелярии.

Тех, кто лучше постигал все премудрости, через несколько лет ставили самостоятельно наблюдать за строением и работными людьми. От прилежания и аттестации начальника зависит денежное содержание ученика. Обычно три-четыре рубля в месяц. Самые способные получают пять. Столько, начиная с 1713 года, платят Михаилу Земцову. А с марта 1716-го по новому прошению учителя он уже получает 120 рублей в год.

О роли своих учеников в строении Петербурга Трезини докладывает кабинет-секретарю Алексею Макарову 18 января 1723 года:

«По его императорского величества указу определен я в Санкт-петербурхе на строение Санкт-петербурхской фортификации и прочего строения, которое написаны в шпацификации, на которых мне везде у строения быть невозможно, а ученики которые я обучал и можно им было помогать в строениях от меня взяты и посланы на другия строения его императорского величества...»

Через пять лет свидетельствует Канцелярия: «Его помощники обретаются при нем у наряду и надзиракия... каменных и плотничных и земляных работ как над казенными мастеровыми людьми так и над вольными каменщиками, плотниками и работниками которых

быают и летнее время при работах по пятисот и больше, да солдат по тысяче и по две в летнее и в зимнее время, и посылаютца в разные места в Кронштадт, в Петергоф и к другим строениям и обретаютца у помянутых строений повседневно и безотлучно и имеют немалой труд...»²

Человек раскрывается в отношениях с людьми. В первую очередь, с подчиненными и учениками. Несколько уцелевших документов позволяют взглянуть на Трезини с этой стороны.

В начале 1712 года в команду первого архитектора Санкт-Петербурга пришел новый ученик Василий Зайцев. Юноша способный. Уже в начале 20-х годов Трезини доверил ему самостоятельное строение казарм в Шлиссельбурге. И вдруг неожиданно в 1723 году Зайцев настоятельно просит Канцелярию перевести его к другому наставнику. Трезини, мол, несправедлив в своих требованиях, «от которых ево архитектурских неправых обит и от нетерпимого истязания с начала прошлого 722 году пропали и доднесь безвестно два его архитектурских ученика, а наших бывших товарищи Иван Степанов сын Баженов да Андрей Матвеев сын Шубинской».

Обвинение тяжкое. Наступает момент держать ответ самому Трезини. «Баженов и Шубинский бежали не от моих палок, но каждый из них от своего непостоянного житья и непотребных дел и неприлежания к наукам же, по непотребным делам своим опасаться наказания...»

С Баженовым и Шубинским становится ясно. Вероятно, гуляки, выпивохи, не желающие учиться. Трезини, видимо, не единожды поколачивал их. Так принято. Сам царь учил своих приближенных тяжелой дубинкой, считая это лучшим уроком.

А вот с Зайцевым дело посложнее. Архитектор требует от своих учеников и помощников четкого и добросовестного исполнения обязанностей. А Зайцев, несмотря на многократные требования, прислал из Шлиссельбурга чертеж «без меры и росписей на плане». За подобное небрежение Трезини «по своему к нему снисхождению, вместо надлежащего на теле наказания, словесно учинил в неисправностях выговор при его братье и при других». Публичная нотация обидела и уязвила самолюбивого ученика, и он ударился в кляузы. В понимании Трезини люди делятся на способных и бездарных, трудолюбивых и ленивых. Последних он не терпит. Однако для Зайцева урок, кажется, не прошел даром.

Но, может, Доминико действительно жесток и нетерпим? Может, другие иноземцы, имеющие учеников, отличаются мягкостью, добротой?

В 1722 году в Канцелярию от строений поступает донесение Григория Селезнева, ученика Иоганна Браунштейна, который с 1716 года отвечает за строение Петергофа. «...У него Браунштейна

в бытность свою не токмо чтоб тое архитектурную науку получить мог, но и которую принес из академии утратил за... его домовыми работами».

Жалоба не единственная. В 1723 году доносит Михаил Петров: «В прошлом [то есть давно прошедшем. — Ю. О.] 715 году отдан я... в науку архитектурную к архитектору Егану Браунштейну, у которого и в настоящее время обретаюсь уже тому девять лет... И в бытность я свою у него архитекта нужду немалую претерпел, а и наипаче что от жены ево, понеже она нас заставляет всякую свою работу домашнюю работать... Я у него возил сена из деревень, и печи топил, и птиц всегда кормил, и огонь на поварне раскладывал, и на чай воду грел, и кушанья варил и за него вместо хлопца везде по гостям езживал... а ежели в чем в их домашних делах несправен явился и за то она... непрестанно бранными словами укоряла и отще своему мужу наговаривала, а он по науке жены своей бивал батогами, а ежели не тем, то канатом... Того ради, доношу, чтоб меня ниже поименованного от него Браунштейна отнять и отдать в науку к другому архитектору». Ну чем не письмо Ваньки Жукова из чеховского рассказа?

А ведь И. Браунштейн не из худших. Пожалуй, даже лучше многих других иноземцев. Сохранился документ от 5 февраля 1728 года, когда, уволенный со службы, превозмогая нанесенную обиду, он просит Канцелярию позаботиться о своих учениках И. Филиппове и Г. Дмитриеве, которые за два года обучились немецкому языку и «довольно знают». Ну, а что касается жалоб учеников на учителей, то это всегда было принято. Особенно в тех случаях, когда наставник иноземец.

Однако взглянем еще раз на жалобу Петрова. Этот удивительный документ открывает нам быт состоятельного петербургского горожанина первой четверти XVIII столетия. Живут как в поместье. Свой птичник, лошади (а может, даже корова), для которых нужно завозить сено. Отдельно стоящая поварня с большим запасом дров. Обязательные чаепития, еще непривычные для простого русского человека. Столь же обязательные выезды в гости с кучером, а может, даже лакеем на облучке. И естественная, привычная порка слуг розгами или плетью. Подобный же обиход, конечно, был узаконен и в доме Трезини.

Браунштейн — уроженец Германии, где еще существует крепостное право. Правда, не столь жестокое, как в России. Но для Трезини, уроженца предгорий Альп, само понятие «рабство» неизвестно. На его родине оно отмерло несколько столетий назад, но сейчас он живет в России, уже проникся ее духом и выделяться среди прочих не желает.

Историки архитектуры считают, что средний срок обучения архитектурного ученика равнялся десяти годам. Ровно через десять

лет после прихода Михайлы Земцова в дом на Мойке Доминико Трезини писал о своем воспитаннике: «...При мне лутче его здесь иету». На следующий год Земцову присвоили звание гезеля — помощника архитектора с жалованьем 15 рублей в месяц.

А в 1724 году Земцов держал экзамен перед строгой комиссией — Бартоломео Карло Растрелли, Стефан Звитен и Доминико Трезини. (Четвертый экзаменатор — Гаэтано Киавери прислал письменный отзыв.) Испытание проводили основательно, со всяческим тщанием. И довольный учитель выдал аттестацию любимому ученику и другу: «По науке... в архитектурном художестве и в практике с трудолюбием в строениях его императорского величества ево Земцова определить архитектором».

Есть примечательная деталь, характеризующая Трезини как человека честолюбивого. После проведенных испытаний Бартоломео Карло Растрелли выносит свое суждение: определить Земцову жалованье тысячу рублей в год. Столько, сколько получает Трезини. (Сам Растрелли жалованья не получает, работает по заказам.) Наставник возмущен. Нельзя ставить его на одну доску с учеником, — и определяет жалованье 600 рублей достаточным для Земцова. В конце концов Канцелярия постановляет: платить 550 рублей.

Если бы Доминико Трезини ничего не построил в Петербурге, а только воспитал бы первого талантливого русского зодчего, то и тогда он должен остаться в памяти благодарных потомков.

Из школы Трезини вышло немало опытных помощников архитектора — гезелей: Василий Зайцев, Григорий Несмеянов, Никита Назимов, Данила Ельчанинов, Федор Окулов. Не зарыл мастер свой талант в землю. Целиком отдал на благо России — своей новой родины.

III

Многие сотни чертежей исполнил за свою жизнь Трезини. А до наших дней уцелели единицы. И только один рисунок. На палевой от времени бумаге — летящий ангел держит в руках большой крест. Внизу у креста — кугель, шар, который венчает шпиль. Под ангелом прозаическая надпись: «Фигура длиною 7 футов английских» — 2 метра 13 сантиметров.

Рисунок далеко не мастеровитый. Крест очерчен по линейке. Кугель — циркулем. И оба раскрашены желтым — под золото. Тонкие линии и обычная отмывка. Талантом рисовальщика Трезини не обладал. Но листок этот для нас важен вовсе не своими художественными достоинствами, а тем, что имеет прямое отношение к одному из лучших творений зодчего — колокольне Петропавловского собора. Рисунок этот — проект флюгера на шпиле. И приложен к донесению архитектора генерал-губернатору Пе-

тербурга светлейшему князю Меншикову, отвечавшему за все строения в городе: «...посылаю ныне рисунок ангела, который будет поставлен на верху кугеля на святой церкви Петра и Павла, по которому ныне делают из меди таком же виде, толщиною будет на 4 дюйма [10,1 см. — Ю. О.]. А ежели делать... круглую фигуру, то... от великой тягости железо будет гнуться, на котором крест поставится... 1722 г. апреля 12»³.

Доношение составлено ровно через десять лет после начала сооружения каменного собора.

В 1712 году деревянную Петропавловскую церковь разобрали и бережно перевезли на Городовой остров. Там вновь собрали, поставили на каменный фундамент и наименовали храмом апостола Матфея. Перестроенный позже в камне, храм простоял до Великой Отечественной войны (там, где теперь сквер, — между улицами Большой Пушкарской, Кронверкской и Матвеевским переулком).

Замысливая новое строение, Петр Алексеевич желал, чтобы поднялось оно выше колокольни Ивана Великого в Московском Кремле и Меншиковой башни, что возвели неподалеку от Мясницких ворот Белого города. Только убедившись, что один из проектов Трезини отвечает его желаниям, государь торопливо начертал на чертеже: «С божей помощью быть по сему».

Колокольню Ивана Великого завершили еще при Борисе Годунове. А церковь архангела Гавриила, или, как ее прозвали в народе, Меншикову башню, стали строить в самом начале XVIII столетия на пожертвования Александра Меншикова.

Возведение башни Александр Данилович доверил своему приближенному — Ивану Зарудному (кстати, дом его стоял неподалеку от стройки). Исследователь Е. Мозговая тщательно, изучая его деятельность, обнаружила много ранее не известных документов. Сам Зарудный сообщает, что «в 1701 определен к строению церковному». А в 1706 году на башне уже устанавливали часы.

На старинной гравюре И. Бликланта и П. Пикарта (1707 г.) строение изображено завершенным. Значит, Трезини мог видеть его в самый разгар работ.

В основе башни — куб высокого первого этажа. На нем четверик (четырёхугольный ярус). Потом — восьмерик. И все венчает тонкий высокий шпиль с парящим ангелом наверху. (К сожалению, в 1723 году от удара молнии церковь сторела. Десятилетия простояла в забвении. И только в конце века ее стали реставрировать. Но шпиль так и не восстановили.)

Когда сегодня любуешься Меншиковой башней, неизбежно приходит на память сравнение с колокольней Петропавловского собора. Они очень схожи — и в композиции, и в отдельных деталях. Одинаков разумный прием использования мощных волют — больших каменных завитков. Они не только украшают фасады обоих

зданий, но, сдерживая распор толстых стен в ширину, подчеркивают устремленность всего сооружения ввысь. И самое примечательное: у церкви архангела Гавриила и у Петропавловского собора с восточной стороны, там, где положено быть полукружьям апсид, вдруг прямая стена. Не по-русски, а так, как порой строили на Западе. Таких примеров в русской архитектуре XVIII века больше нет. Откуда это? Почему?

Известно, что Зарудный в Европе не был. Да и рассчитывать архитектурные конструкции не умел. Сам признаётся в донесении к Меншикову февраля третьего дня 1719 года: «В письме Вашего высокопресветлейшества... написано о каменных мастерах и подмастерьях, также о навигаторах, которые потребны для исчисления слободного Вашего дому [дворец Меншикова в Лефортове. — Ю. О.]... известие без всякого замедления к Вашему высокосветлейшеству отправим...»⁴ Дворец перестраивают. Нужны расчеты конструкций, чертежи. Но сам Зарудный без «навигатора» сделать этого не может. По меньшей мере странно для строителя такого сложного здания, как Меншикова башня.

Судя по всему, рисует Зарудный тоже неумело. И. Грабарь опубликовал в «Истории русского искусства» два его наброска. Даже по сравнению с не очень мастеровитым рисунком Трезини они лишены профессионализма. В письме 1726 года Зарудный как-то странно извещает о своих рисовальных способностях (речь идет об иконостасе для Петропавловского собора, который резали и золотили в Москве): «И против онаго письма с покорностью моею изъясняю. Обстоятельно рисунком показать невозможно понеже иконостас не плоской и в рисунок неместителен, боковые и осмеричные наугольные и не вместилися и в проспекте...»⁵

Так кто же он, дворянин Иван Зарудный, — подрядчик или архитектор-строитель? По документам известно, что он суперинтендант при Оружейной палате, имеющий смотрение за правильным писанием икон и печатанием лубочных картинок. Цензор, потеперешнему. Кроме того, велено ему следить за охранением ботика царя Петра и знаменитого готторпского глобуса. За это получал как «цензор» жалованье: 300 рублей в год и сто четвертей муки. Да прибавка за охранение — 50 рублей. Точно известно, что отвечал за сооружение триумфальных ворот к празднованию Полтавской победы и Ништадтского мира, за строение иконостасов для собора на острове Котлин, Преображенского храма в Ревеле (сохранился и по сей день) и Петропавловского собора. С 1710 года в письмах к Меншикову неизменно именуется себя «Главный над жилищами директор».

У Трезини с Зарудным общения нет. Только сухая, деловая переписка через Канцелярию генерал-губернатора: архитектор наблюдает за украшением дворца Меншикова, а Зарудный готовит

в Москве по присланным чертежам балясины и гзымсы (карнизы). Или — через Канцелярию городских дел. Ведь за строением и убранством котлинского собора наблюдает все тот же Трезини.

Но как тогда объяснить схожесть двух башен — московской и петербургской или одинаковость совершенно нетрадиционных апсид? Непонятно... Неизвестно...

Петровская эпоха оставила гигантский архив. Но чисто деловой. Почти нет писем частного, личного характера. Люди еще ощущают себя не личностями, а винтиками огромной государственной машины. Поэтому все бумаги очень конкретны, непосредственно о деле, и полное умолчание о месте человека в этом деле, о роли исполнителя. И пока не найдены новые документы, нам остается только высказывать самые разные предположения о причинах схожести Меншиковой башни и колокольни Петропавловского собора.

В тот 1712 год, когда началось сооружение собора, в Петербурге ожидали по составленному наряду 28 000 работных людей. Пришло, правда, всего 18 532 человека. Сразу же несколько сотен из них выделили для возведения храма. Предстояло копать глубокие рвы, бить сваи, класть фундамент из плитного камня и заливать известью.

В первую очередь следовало выводить стены колокольни. Уже через четыре года, 24 января 1715-го, Петр настойчиво требует, чтобы «колокольню, которая в городе, как возможно скорее отделать, дабы в будущем 716 году возможно на оной часы поставить, а церковь делать исподволь». Не религиозное благочестие, а честолюбие направляло помыслы царя. Сверкающий золотом дерзновенный шпиль обязан был как можно скорее возвестить окрест о расцвете процветании новой столицы.

Одно дело — неумные желания правителя, другое — реальные возможности. Во-первых, не хватало рабочих рук. С. Лущев приводит цифры, из которых следует, что в 1714 и 1715 годах столица получила рабочих рук почти на 40 процентов меньше потребного. Так, в 1715 году ожидали 32 253 человека, а сумели набрать всего 18 336. В России ощутимо уменьшилась численность населения. Причин несколько. Тут и война, и высокая смертность на принудительных работах. Сенат в 1714 году вынужден признать, что за 32 года (с 1678 по 1710) численность дворов в стране сократилась на 184 416 единиц. А если прикинуть, что двор — это как минимум пять человек, то получится, что население России убавилось самое малое на миллион.

Убитые, умершие, бежавшие от непосильных тягот жизни. Бежавшие куда глаза глядят — за Волгу, на Алтай, в Сибирь. «От скудости и от хлебного недороду, от конного и от скотного падежу... от мирских всяких налогов, и от неправых... поборов», — как писали сами мужики. (Половина петровской армии, около 150 тысяч

человек, занималась тем, что выколачивала из населения налоги и следила за порядком внутри страны.)

По мнению историка Н. Козловой, первый пик бегства крестьян приходится как раз на 1713—1717 годы. Второй последовал уже с 1723 по 1727 год. Тогда, как считало правительство, в бега ушло 200 тысяч человек. И еще многие тысячи староверов, не желавших служить Петру и выбравших самосожжение...

Помимо недостатка в людях, мешала постоянная нехватка разных материалов. Хотя обжиг кирпича под Петербургом наладили быстро, но поспеть за требованиями архитекторов и каменщиков никак не могли. В 1712 году, например, кирпичные подрядчики били челом государю, чтоб освободил их от поставок на будущий год, так как они еще не расплатились за два прошлых. Князь Юрий Щербатов, отвечавший за обжиг кирпича для Адмиралтейства, в 1713 году сообщал Ф. Апраксину: «Доношу милости твоей. К нам на заводы по нижеозначенное число присланы из Адмиралтейства работные люди 530 человек, а люди zelo худы и бегут... побежало по се число 80 человек». Не лучше обстояло дело и с досками. Дошло до того, что в 1719 году последовал указ: «Адмиралтейство для своих нужд имеет право разбирать... полати и лавки в домах населения».

Так царь Петр Алексеевич строил «парадиз» на берегах Невы...

Января 1716 года в 27-й день Петр Алексеевич после тяжелой болезни отъехал на лечение в Европу. Еще недавно скакал через всю Россию в одноколке, вызывая всеобщий страх. Теперь двигался чинно, со свитой и прислугой. Уже заранее посылая вперед распоряжения готовить на каждой станции шестьдесят сменных лошадей. Ехал как настоящий государь.

Многое, очень многое переменялось за прошедшие годы. После победы над шведским флотом при мысе Гангут Петр был пожалован званием вице-адмирала. Теперь получал жалованья 2240 рублей в год. И потому мог тоже позволить себе ту роскошь, которую осуждал еще не так давно. Да и Европа стала другая. Два года назад окончилась война за Испанское наследство. Началась она почти в одно время с разгромом русских войск под Нарвой. А как завершилась? «Король-солнце» Людовик XIV, который вызывал когда-то у него, Петра, восхищение, остался у разбитого корыта. Еще неизвестно, сможет ли Франция достичь прежнего величия. Он же, Петр, не только научился побеждать, а разгромил армию «непобедимого» Карла XII и твердо стал на Балтике. И теперь в Копенгагене вынуждены скрепя сердце признать его главнокомандующим четырьмя флотами — датским, голландским, английским и русским. На сей небывалый случай царь повелел выбить специальную медаль...

Одна из удивительных особенностей Петра — за большими делами никогда не забывать малых. Даже помнить их лучше других. Так и на сей раз. Отправляясь в столь важное путешествие, повелел регулярно доносить о строительстве в новой столице, и в первую очередь в крепости.

И доносили. С опаской, но — обстоятельно.

Сентября 23 дня 1716 года Трезини отправляет письмо: «Петра и Павла святых церкви колокольня... сделана вышины всего... 140 футов от земли»⁶. Часы, вопреки желанию царя, не установлены. Но есть еще время нагнать, успеть. Петр Алексеевич вернется не скоро. А дело, несмотря на трудности, все же понемногу продвигается.

Анонимный автор «Описания... столичного города Санкт-Петербурга... в 1716—1717 годах» рассказывает: «Не хочу обойти молчанием большую церковь и высокую башню, которые начали строить в крепости. Судя по модели, которую я видел, это будет нечто прекрасное, подобно чему в России пока еще найти нельзя. Башня уже готова до стропил, но необычайной высоты и хорошей каменной кладки... хороших пропорций и с высокими сводами. Ее строил итальянский архитектор Трезини».

Канцелярия доносит царю 2 августа 1717 года: «Колокольня святых церкви Петра и Павла камнем вся отделана... и шпич связывают»⁷. Значит, скоро будут ставить часы. Могут успеть к приезду монарха. Голландские мастера Андрис Форзант, Ян Герц и Юри Хиль уже возятся с механизмами, готовят к подъему наверх дорогу государеву затею. (За нее плачено в Амстердаме 45 000 рублей.) А тем временем на площади перед церковью опытный мастер Фан Болес собирает и скрепляет по частям деревянную конструкцию огромного «шпица». Но еще эти секции надо поднять наверх, поставить на место, укрепить, обить медными листами и позолотить. Усталый, измученный Трезини торопит мастеров. Он не бережет себя и не жалеет других.

Сооружение колокольни завершили в основном к осени 1720 года. Только шпиль оставался не укрытым листами золоченой меди.

Мощное прямоугольное основание как бы подчеркивает немислимую тяжесть всего сооружения. И только пилястры чуть оживляют его мрачную суровость. Да перед входом небольшой портик с восемью колоннами будто искусственно приставлен к западной стене. А две ниши по краям фасада подчеркивают толщину кладки.

Опираясь на массивное основание, поднимается кверху трехъярусная четырехугольная башня. Ее первый, нижний, этаж как бы раздался вширь под тяжестью верхних двух. Но его сдерживают по бокам мощные волюты. Своими завитками они опираются на крайние пилястры западной стороны основания.

Такие же волюты сдерживают распор второго яруса, возможный под тяжестью третьего. И снова большие каменные завитки лежат на крайних пилястрах первого яруса.

Третий ярус башни устремляется вверх. Его венчает золоченая восьмигранная крыша с четырьмя круглыми окнами в массивных белокаменных рамах. В окнах — черные циферблаты часов — главных часов государства.

Над крышей — стройный, изящный восьмигранник, прорезанный узкими вертикалями проемов. Над ним высокая, тоже восьмигранная, золотая корона. А на ней вместо традиционного креста или бриллианта — тонкая стройная башенка — основание сверкающего шпиля-иглы. И на самом верш — ангел с крестом в руке. От земли до вершины креста 112 метров. На 32 метра выше Ивана Великого. (После замены в 1858 году деревянного основания шпиля железным высота его увеличилась еще на 10 метров.)

Только августовским днем 1720 года заиграли часы на колокольне. Над Петербургом зазвучала новая, непривычная музыка. И поплыла над рекой, будоража и удивляя обывателей. 35 больших и малых колоколов начиная с половины двенадцатого разлили окрест свой мелодичный перезвон. А завершив мелодию, гулко пробили двенадцать раз. И тут же откликнулись им куранты Троицкого собора и церкви Воскресения на Васильевском острове рядом с домом князя Меншикова...

Петр Алексеевич ликовал. Сбылась еще одна мечта. И тут же изъявил желание подняться на колокольню, осмотреть механизм часов; а заодно оглядеть с высоты свой город.

Государь с приближенными прибыл в крепость утром 21 августа. Откинули ружья на караул brave часовые. Комендант, салютуя шпагой, прокричал рапорт. И тогда Трезини в своем самом лучшем камзоле шагнул навстречу царю. А тот, бросив на ходу короткое «показывай!», широко зашагал вперед.

С каждым ярусом чуть умеряя прыть, государь поднялся на самый верх. Переведя дух, оглянулся и замер в радостном восторге. Внизу овалом раскинулся большой город...

Далеко на горизонте множеством быстрых искр вспыхивали серо-синие волны. И три большие белые птицы парили над ними. Это три больших корабля шли от Котлина к устью Невы. На Васильевском острове сияла на солнце луженым железом крыша дворца светлейшего генерал-губернатора. А по берегу Большой Невы будто какой-то великан разложил в четком порядке черные коробочки уже построенных домов.

На левом берегу Невы, прямо против стен еще не достроенной Кунсткамеры, огороженный прямоугольным земляных валов и адмиралтейских строений, лежали скелеты каких-то гигантских неведомых животных — шпангоуты будущих кораблей. А высоко

над ними плыл в синем небе маленький золотой кораблик на тонком шпиге Адмиралтейства.

Солнце, стоя в зените, отражалось в больших окнах дворца Апраксина и его собственного, государева, Зимнего дома. Маленькие корбочки-кареты, влекаемые маленькими лошадьми, катились по набережной, останавливаясь порой у высоких подъездов с крутыми лестницами. За домами, поднявшимися за Мьей-рекой, пролегла как по линейке начерченная Невская прешпектива.

Государь подошел к другому окошку. И перед ним возник густой зеленый прямоугольник Летнего сада. Видно было, как в середине, над красно-сине-желтым ковром неразличимых отсюда цветов, взлетает, опадает и снова взлетает искрящаяся струя фонтана. А выше по реке в четкой сетке прямых улиц — строения Московской стороны. Дымил Литейный двор. Далеко за деревьями угадывался Александро-Невский монастырь. А между Фонтанкой и Новгородской дорогой виднелись казармы драгунских полков.

Переход к следующему окошку — и новая панорама. Пивоварня и госпиталь на Выборгской стороне. Дорогие сердцу «Красные хоромцы» на Городовом острове. Спиной к ним, точно братья, плечом к плечу мазанковые дома Коллегий. Просторная Троицкая площадь с большой деревянной церковью посередине. Гостиный двор с муравьиной суетой сотен и сотен человечков вокруг него. А за ним к северу казармы пехотных полков.

Раскрасневшийся, взволнованный Петр Алексеевич перебежал от проема к проему, радостно восклицая: «Парадиз! Истинный парадиз!» А спутники его, точно дети, старались разглядеть свой дом, свой участок, чтобы обязательно показать его теснившимся соседям.

И никого не волновало, что эти дома и дворцы, поднявшиеся на болотистой земле, тряслись и роняли черепицу с крыш, когда мимо них проезжали тяжелые возы и кареты. Толпившиеся вокруг Петра были возбуждены нежданно родившимся ощущением, что именно они и есть участники свершившегося чуда. Чуда рождения такого города в такие короткие годы. Города, который уже зажил своей собственной жизнью.

Довольный царь с чувством обнял молчавшего Трезини. Однако никакой награды архитектору не последовало. В поощрениях государь был скуп. Награждал только за ратные подвиги и особые деяния, принесшие славу государству. А честное и мастеровитое исполнение своей работы считал естественной обязанностью каждого гражданина...

Хотя Петр Алексеевич и мечтал видеть свою столицу похожей на Амстердам, Петербург все же резко отличался от всех европейских городов. Во Франции, Германии, Голландии города строились столетиями. Крепостные стены, некогда столь необходимые для

лициты, огораживали их старинные центры и диктовали ширину улиц, размеры площадей. Петербург не знал подобных искусственных границ. Он рос, ничем не ограничивая протяженность зданий и размах своих проспектов. И эта возможность придала его внешнему облику уникальные черты логичной стройности и единообразия. В этом его главное отличие от прочих европейских городов. В этом секрет его вечной красоты, волнующей нас и сегодня...

После завершения колокольни сам храм достраивали, доделывали и украшали еще десять лет. В 1728 году только начинали каменную, штукатурную и живописную работу. И тянули ее вплоть до 1733 года. Не спешили. Нужды не было.

Исправно посещая воскресные службы, строго соблюдая все обряды, Петр Алексеевич относился к церкви как муж государственный. Не как партикулярный человек.

Вольтер в «Истории Петра I» приводит занимательный факт: «В любопытных мемуарах одного офицера, весьма любимого Петром Великим, находится сообщение, что однажды, когда государю читали главу из английского «Зрителя», содержащую параллель между ним и Людовиком XIV, он, прослушав, сказал: „Я не думаю, что заслужил, чтобы мне отдавали преимущество перед этим монархом. Я довольно счастлив уже и тем, что превзошел его в одном существенном вопросе: я принудил моих церковников жить в мире и повиновении, а Людовик XIV позволил подчинить себя“».

Говоря о подчинении церкви, Петр имел в виду отмену звания патриарха и создание Синода. Существует предание: по учреждении Синода духовенство стало просить царя о назначении патриарха. Тогда Петр обнажил кортик и, ударив себя в грудь, сказал: «Вот вам патриарх». Государь не мог забыть, что церковники, в первую голову, стали одними из самых яростных противников его нововведений. Именно они породили и успешно распространяли легенду о «царе-антихристе» (сегодня историкам известно более ста подобных сочинений). А крестьянские протесты против ужесточения крепостного гнета обязательно принимали религиозную окраску.

Однако для нас важно сейчас другое. Государственное отношение к церкви как к учреждению, подчиненному светской власти, нашло свое отражение и во внешнем облике новых храмов. В первую очередь петербургских. Припомним хотя бы утвержденный поначалу царем трезиниевский проект собора Александро-Невского монастыря, когда архитектор нарушил многовековые традиции и наметил вход в храм с восточной стороны. Столь же нетрадиционны очень важные для равнинного Петербурга совсем не православные острые шпили на храмах юной столицы. И конечно, непривычным для русского взора предстал Петропавловский собор.

«Композиция собора, — пишет историк искусства В. Шилков, — нарушавшая традиционно-канонические требования русского церковного зодчества, строилась на основе трехнефного базиликального плана. Алтари приделов помещались в прямоугольной пристройке. В этом сказалось руководство работами иностранца».

Уточним: не «руководство», а создание проекта. В основу замысла «своего» собора Трезини положил хорошо знакомые ему западные храмы с их «зальным» пространством. (Через три десятилетия, когда внешняя суть западноевропейской культуры станет привычной для каждого русского дворянина, вновь начнется борьба с иноземным влиянием во имя утверждения своего, исконно национального. И тогда дочь Петра, императрица Елизавета, заставит архитектора Растрелли переделать проект собора Смольного монастыря в соответствии с традициями православной церковной архитектуры.)

Большие, вовсе не церковные, а дворцовые окна прорезают северную и южную стены храма. Их строгие обрамления с треугольными фронтонами подчеркивают торжественность всей постройки. Между окнами — пилястры. Их устремленность вверх сдерживает двойной карниз. Своеобразная зрительная пауза между стеной и высокой крышей с переломом. Ее венчал восьмигранный барабан с большим гладким куполом. К сожалению, после пожара 1756 года внешний вид собора несколько изменился. Обычной, двускатной стала крыша. Купол обрел барочный изыск: люкарны в пышных рамах, затейливые гирлянды — гурты. Изменился немного и облик колокольни. На десять метров вырос ее шпиль...

Не исключено, что Петр, замышляя строение каменного Петропавловского собора, уже тогда думал превратить его в усыпальницу для себя и членов своей семьи. Раньше или позже, но у каждого человека наступает момент, когда он начинает задумываться, где будет похоронен. Собор удивительно хорошо подходил для этой роли. Самое внушительное каменное здание в городе. И стоит в центре крепости, откуда виден весь Петербург. Еще не начинали возводить стены храма, а уже в 1715 году под полом колокольни похоронили Софью-Шарлотту-Крестину, жену царевича Алексея, на следующий год — царицу Марфу Матвеевну (вдову царя Федора Алексеевича). А в 1718-м нашел здесь вечное успокоение царевич Алексей Петрович.

Сам Петр так и не увидел собор законченным. В феврале 1725 года его гроб поставили в небольшой деревянной церкви, временно возведенной внутри каменных стен. К этому времени в Петропавловском соборе были похоронены двое его сыновей и четыре дочки от Екатерины Алексеевны. (У Петра от Екатерины было восемь детей. Выжили только две дочки, родившиеся до 1710 года. Старшая — Анна — умерла двадцати лет, после родов.

Его сын — будущий государь Петр III. Выжила и Елизавета, ставшая в 1741 году русской императрицей.)

Как ни удивительно, но забота о гробницах петровских детей тоже легла на плечи Доминико Трезини. В 1730 году ему приказано составить на надгробиях обветшавшие бархат и позументы. Сохранился реестр, поданный архитектором гоф-интенданту, с указанием мер гробниц и, соответственно, потребности 44 метров 37 сантиметров бархата и 94 метров 92 сантиметра позумента. Чем только не приходится заниматься художнику в России ради хлеба насущного...

Только через два года после смерти Петра Первого завершили великолепный иконостас для собора. Резали и золотили его в Москве под наблюдением Ивана Зарудного.

И снова возникает историческая загадка.

Повеление готовить иконостас отдано еще в 1722 году. Зарудный исправно доносит, сколько липовых досок и чурбаков заготовлено для предстоящей работы. Потом сообщает, какие мастера будут резать, какие левкасить и золотить. Казалось бы, всем ясно и понятно, какой вид надлежит придать иконостасу и как его украсить. Но сохранилось письмо 1726 года, способное нарушить покой исследователей и породить недоуменные вопросы:

Зарудный — кабинет-секретарю Макарову:

«Высокопочтенный господин

Господин генерал мазор Алексей Васильевич
мой милостивый государь.

Письмо 8 числа марта получил, в котором писано: Ея императорское величество указала ныне в Петропавловскую церковь иконы писать по той же мере как делается иконостас в Москве... Понеже здесь такой меры не имеетца, того ради, купно с архитектором Еропкиным сочинить обстоятельный чертеж всего иконостаса петропавловского, и назнача в которые места каким надлежит быть иконам и по какой мере, для отсылки сюда отдать немедленно...»⁸

Казалось бы, по всем срокам иконостас готов и находится в доме Зарудного, где шла вся работа. Но из письма явствует, что по-прежнему неизвестно, какой величины и в какие места писать иконы. И почему молодой архитектор Еропкин, сидя в Петербурге, должен составлять чертеж иконостаса, который, почти готовый, лежит в Москве? Непонятно. И останется неясным, пока окончательно не прояснятся жизнь и деяния Ивана Зарудного...

Лишь в 1727 году во многих ящиках с великим бережением готовый иконостас перевезли в Петербург. Увы, уже без Зарудного, который внезапно скончался 19 марта того же года. А иконы, как установил К. Малиновский, писали уже в самом Петербурге с 1727 по 1729 год Андрей Меркульев «с товарищи»⁹.

Иконостас напоминает пышную триумфальную арку. И не случайно. По наблюдению Е. Мозговой, он — своеобразный памятник победы над шведами. «В нем четко намечены линии „войны“ и „мира“, так, что каждой фигуре на иконе справа соответствует левая... Все это прослеживается в мельчайших деталях поярусно и создает целостную систему».

Золотым огнем загораются под лучами солнца или при свете запаленных свечей коринфские колонны, десятки больших и малых скульптур, вычурные рамы икон, точенные из дерева шнуры с пышными, тяжелыми кистями. Все очень нарядно и совсем не похоже на строгие иконостасы в соборах Московского Кремля или прославленных благочестием монастырей.

И совсем неожиданно, непривычно: сквозь широкий проем в центре иконостаса, там, где должны быть глухие царские врата, виден открытый для взоров алтарь. А за ним плоская, прямая восточная стена храма. И нет никаких закруглений традиционных апсид. Это тоже одна из новаций, примененных Доминико Трезини при строении Петропавловского собора.

Восточная сторона храма смотрит на главные крепостные ворота. И человек, ступивший на землю фортеции, сразу же видит эту стену. И по ней начинает судить о величии и предназначении собора. Вот почему Трезини сделал ее совсем необычной.

Гладкая прямая стена. В центре величественный портал обрамляет фальшивую дверь. По бокам портала ниши для статуй. Над ним круглое окно в пышной раме — люкарна. А над стеной, закрывая до половины барабан купола, почти квадратный аттик — стенка над карнизом. Мощные усложненные волюты как бы связывают его с храмом и сдерживают движение ввысь. (Это стремление подчеркнуто полукруглым завершением аттика, которое опирается на резко выступающие карнизы.) Атик украшен статуями и барельефом (они погибли при пожаре, и место старого барельефа заняла яркая фреска). Все повторяет композицию ворот, рождая единство ансамбля: триумфальная арка и собор — памятник победы. А всё вместе — мемориал славы, какого не бывало еще на Руси.

Камер-юнкер Ф. Берхгольд в 1721 году: «Крепостная церковь... самая большая и красивая в Петербурге; при ней высокая колокольня в новом стиле, крытая медными, ярко вызолоченными листами, которые необыкновенно хороши при ярком солнечном свете... Куранты на колокольне так же велики и хороши, как Амстердамские, и стоили, говорят, 55 000 рублей. На них играют каждое утро от 11 до 12 часов, кроме того каждые полчаса и час они играют еще сами собой, приводимые в движение большой железной машиною с медным валом...»

И. Грабарь в 1960 году: «Лучшей частью собора является монументальная, выразительная по силуэту колокольня, компози-

ционно объединяющая разбросанную по берегам Невы городскую застройку».

Искусствовед Л. Алешина в 1980 году: «Центральное место в панораме Петербурга как целого принадлежит Петропавловской крепости с Петропавловским собором в ее сердцевине. Шпиль многоярусной колокольни... вздымаясь над островом с его невысокими постройками, над широким разливом реки, до сих пор остается одной из доминант природно-городской среды Ленинграда».

Архитекторы и художники знают, как необычайно трудно создать символ города.

Творение Трезини — колокольня Петропавловского собора с ее сияющим шпилем — остается главной отличительной приметой Петербурга — Ленинграда.

IV

Доношения, рапорты, прошения Доминико Трезини в пухлых томах бумаг Канцелярии городских дел перемежаются письмами за подписью самого генерал-губернатора Александра Даниловича Меншикова.

Светлейший князь требует у Канцелярии отпустить «взаимно» [то есть заимообразно. — Ю. О.] кирпич, извест, бутовый камень. Даже копры для битья свай. Требований поступает все больше и больше. Наконец, страшась возможных ревизий, Доминико в 1719 году составляет реестр, сколько и каких материалов отдано взаймы на строение дома Меншикова¹⁰. Вьюжным декабрьским утром продрогший чиновник стучится в дом к светлейшему. Ему милостиво разрешают обогреться у печи, а расторопный слуга несет пакет с реестром наверх. В кабинет к самому.

Томительно тянется время ожидания. Чиновник уже давно отогрелся. Даже расстегнул свою шубу, подбитую «рыбьим мехом». Наконец-то спускается человек князя. Один из секретарей, Петр Новиков. Брезгливо возвращая реестр, заявляет: «Ему от его светлости не повелено таких ведомостей принимать...» Грустно поплетется через завьюженный Петербург чиновник, размышляя с ужасом, какой гнев начальника канцелярии обрушится на его голову. А светлейший тем временем уже и думать забыл о реестре. Он не собирался и не собирается отдавать взятое «взаимно».

Молодые, энергичные сподвижники Петра, проявлявшие храбрость на полях сражений, дорожившие честью при штурме крепостей и фрегатов, ощутив в своих руках государственную власть, решили обогатиться любыми путями. Не брезговали ничем. Тащили все, что плохо лежит. Крали кирпич и бриллианты, мелкие подряды и крупные поставки армии, целые волости и маленькие деревушки. Главное — обогатиться. Сейчас, сегодня. Про черный

день. Для детей и внуков. На ворованные деньги, не стесняясь, строили великолепные дворцы и загородные дома, устраивали кутежи, с нарочитой роскошью украшали свои яхты и галеры.

Первый гром над стяжателями грянул в 1714 году. Вскрылась грандиозная афера. Ближайшие помощники Петра заключали подряды на поставку продовольствия в Петербург и в армию по завышенным ценам. А чтобы скрыть причастность к грязному делу, подряды заключали не на себя, а на подставных лиц. Барыши оказались сказочными. Только на поставках муки Меншиков, как говорили, заработал около 150 тысяч рублей.

Замешанными в аферах оказались адмирал Федор Апраксин, канцлер Гавриил Головкин, любимец царя Александр Кикин, начальник Канцелярии городских дел Ульян Сенявин и многие другие. Сурово наказали только средних и мелких преступников, а главные отделались легким испугом.

Ульяна Акимовича Сенявина, например, сняли с должности и определили помощником нового начальника Канцелярии. Им стал князь Алексей Черкасский. Через семь десятилетий историк Михаил Щербатов так писал о князе: «Человек весьма посредственный разумом своим, ленив, незнающ в делах и, одним словом, таскающий, а не носящий свое имя и гордящийся единым своим богатством...» Характеристика достаточно образная, и можно легко представить себе человека, которому подчинен теперь зодчий.

Утруждать себя, принимать решения князь не любит. И по-прежнему дела вершат Сенявин и Трезини. Правда, подпись Ульяна Акимовича под документами Канцелярии в эти годы не встречается. Зато Черкасский обращается к Петру со всякой ерундой, вплоть до вопросов: «...Улица на большую реку 7 сажень широка довольно?...» И царь отвечает: «Улицу оставить 7 сажень». Начальник Канцелярии городских дел боится себя. Каждое свое действие хочет объяснить велением Петра. За инициативу, если она не понравится государю, могут и наказать. А за точное исполнение высочайших указаний кары не последует.

Такое поведение начальствующего лица, конечно, затрудняет жизнь Трезини. Но архитектор не опускает рук, не падает духом. Он работает честно и с увлечением. Просто очень любит свое дело и стремительно растущий Петербург. И государь отвечает архитектору признанием его деловитости и уважением.

10 октября 1717 года, прервав свое путешествие по Европе, Петр Алексеевич приезжает в Петербург. Идет следствие об измене царевича Алексея. Но даже в эти тяжкие месяцы государь находит время для встреч с Трезини. Не с начальником Канцелярии городских дел, а с архитектором.

М. Иогансен сумела по архивным документам восстановить хронику этих встреч.

27 марта 1718 года Петр вызвал к себе Александра Меншикова вместе с Доминико Трезини «и по разговорах изволили смотреть учиненных разных строениям априсов».

8 мая «прибыл его царское величество [к Меншикову. — Ю. О.] и смотря принесенные архитектором Трезиним чертежей по довольных разговорах купно отъехали к князю Голицыну».

23 сентября царь вместе с Меншиковым — «купно отъехали во французскую слободу, где изволил смотреть работы... и бавясь [бавить — длить, задерживать, мешкать. — Ю. О.] там купно прибыли в дом [Меншикова. — Ю. О.]... по полудни встав е.ц.в. мало меникав купно с его светлостью отъехал к скотному его светлости двору, где смотря места прибыл к архитектору Трезину и бавясь с час вернулись в дом».

23 октября «государь прибыл в 12 часов к князю Меншикову и, откушавши у него, посетил архитекта Трезина и провел у него несколько часов в рассмотрении планов и чертежей».

Для стремительного, нетерпеливого Петра часовая беседа — очень много. И четыре продолжительные встречи (только те, о которых мы знаем) за год — знак особого признания заслуг архитектора. И Трезини успешно пользуется расположением царя.

Через два с половиной месяца после того, как Петр посетил дом архитектора, кабинет-секретарь царя получает прошение:

«Державнейший царь государь всемилостивый работаю я у Вашего величества у городовых и других строений архитектором. А Вашего величества жалования определено мне по тысяче рублей на год. И оное жалование на прошлый 1718 год получил я. А на нынешний 1719 того жалования мне не выдано.

Всемилоостивейший государь прошу Вашего величества да повелит Ваше державство оное жалование на сей 1719 год мне выдать.

Вашего Величества нижайший раб
архитект *Андрей Трезин*

января 8 день 1719». ¹¹

Жалованье в Канцелярии выдают три раза в год, по истечении трети. Архитектор просит нарушить порядок и выдать вперед. Государь милостиво разрешает. Кабинет-секретарь отписывает в Канцелярию городовых дел: выдать сейчас две трети жалованья, а оставшуюся треть — в сентябре. Князь Черкасский подписывает постановление по Канцелярии. Архитектор получает деньги раньше срока, когда другие ожидают его месяцами.

Кажется, это последняя бумага касательно Трезини, подписанная Андреем Черкасским. Вскорости за честность и послушание он назначен губернатором Сибири. Вместо проворовавшегося князя Матвея Гагарина. Однако и сам князь Черкасский, один из богатей-

ших людей России, пребывая на посту обер-комиссара Канцелярии городских дел, не постеснялся выстроить себе из государственных материалов дворец на Стрелке Васильевского острова.

Строил его Трезини. Сохранился чертеж фундамента, выполненный Григорием Несмеяновым, учеником архитектора. Огромное двухэтажное строение шириною 27,7 м и длиной 42,6 м. На первом этаже площадью в 1180 кв. м размещалось двадцать покоев. Столько же, видимо, было и на втором.

Впрочем, в новом дворце князь блаженствовал недолго. Через какое-то время после получения новой должности пришлось ему покинуть Петербург. А летом 1726 года тот дворец Трезини вынужден «для лутчаго виду и пространства площади разобрать и тот камень и кирпич употреблять в строение Камор Аудиэнции и Сена-та...»¹².

К этому времени обер-комиссаром Канцелярии от строений (так теперь стали именовать бывшую Канцелярию городских дел) стал уже снова прощенный царем Сенявин. И Трезини начинает строить для него поместительный двухэтажный дом на 1-й линии Васильевского острова (ближе к Малой Неве). Все возвращается на круги своя, и жизнь течет по единожды заведенному порядку.

V

По верным приметам, первый снег должен лечь на Прасковью, 27 октября. А в 1715 году он к этому дню уже недели полторы как лежал. 26 октября, как сказано в «Журнале...», «его величество гулял в санях по Васильевскому острову».

От таких прогулок приближенные царя редко ожидали хорошего. Кто знает, что на сей раз придет государю в голову. Вон в прошлом, 714 году, в пятый день мая поехал гулять на Выборгскую сторону. А чем кончилось? Сначала определил место для себя. И тут же приказал, чтобы вокруг другие строились. Наверное, правильно приказал: место на Выборгской стороне повыше, чем у Адмиралтейства, и при наводнении не так заливаает. Но бросать обжитое и начинать все сначала... А завтра придет царю в голову новая мысль. Так и скакать все время, точно блоха? Или в сентябре того же года поехал вдоль Фонтанки гулять и тут же приказал солдатам очищать берега от кустарника и леса. Значит, задумал что-то...

О том, чем завершилась прогулка по Васильевскому острову, сообщает анонимный автор описания Петербурга в 1716—1717 годах: «Этот большой и, можно сказать, лучший остров его царское величество первоначально подарил князю Меншикову, который его и занял и живет там со своими слугами.

Но позднее е.ц.в. передумал и, чувствуя большую благосклонность к этому месту, чего первоначально, возможно, и не

было, решил, что здесь должен быть регулярный город Петербург, застроенный в строгом порядке. Для этого он повелел сделать различные чертежи [проекты.— Ю. О.] нового города, считаясь с местностью острова, пока один из них, соответствовавший его замыслу, ему не понравился; он его апробировал и утвердил своей подписью...

Как я убедился из чертежа, со временем там будет такой большой город, какого по величине нет в Европе...»

Четвертого ноября, через восемь дней после прогулки, последовало высочайшее распоряжение: селить по регламенту на Васильевском острове купцов. (Значит, не умерла еще мечта основать на Котлине столицу для самых знатных и самых зажиточных людей государства.) А строить там купцам только каменные и фахверковые дома. Проект нового центра Петербурга государь поручил исполнить Доминико Трезини.

Никто сегодня не ведает, сколько вариантов чертил архитектор, но окончательный план застройки Васильевского острова государь самолично утвердил 1 января 1716 года. Чертеж хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве — во дворце, где некогда жил гуляка и весельчак Франц Лефорт, первый друг и наставник Петра. Это он пробудил в быстром уме царственного юноши интерес к западной культуре, к регулярной армии и будущему могучему флоту. Лефорт умер за полтора года до начала Северной войны и за четыре — до основания Петербурга. А сегодня в этом же доме, где веселился и плясал Петр, можно разглядывать утвержденные царем-победителем планы новой российской столицы. Так смыкаются эпохи.

Васильевский остров, согласно желанию царя и плану Трезини, должен был походить на Котлин. Почти повторять его. Те же военно-лагерные прямоугольники жилых кварталов. Черные параллели каналов от Большой до Малой Невы. Пересекающие их дороги и водяные пути с востока на запад. На восточной стороне, во всю протяженность с юга на север, сад его светлости генерал-губернатора Петербурга князя Александра Меншикова. На северо-западной стороне — огромный парк для всех обывателей. И такой же, только меньше размером, на юго-западной стороне. Свободен от построек только лишь маленький пятачок Стрелки, единственной площадки для народных торжеств и гуляний. Все ясно, четко и подчинено строгим и точным правилам.

Если попытаться проследить за издаваемыми Петром указами, то можно постичь некую закономерность. С позиции царя-преобразователя все, что имеет отношение к старому быту, старой жизни, давним традициям, все это — «неправильно», «нерегулярно». Правильность возможна только в регламентации, «регулярности», в твердом порядке, установленном самим Петром. Поэтому главная,

государственная задача — втиснуть всю «неправильную» жизнь в жесткие рамки задуманного образца.

Это неодолимое стремление привести к единообразию быт, частную жизнь, работу первым, пожалуй, понял Пушкин-историк. В повести о собственном прадеде он показал Россию глазами арапа, только что вернувшегося из Франции. Страна предстала перед ним «огромной мастерской, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом».

Планы застройки Котлина и Васильевского острова — наглядный пример подобных стремлений. Порядок, царящий в городе и стране, есть свидетельство культуры. И не суть важно, каким путем достигнут этот порядок. Главное, чтобы дома в новой столице были одинаковы и стояли в ряд, как гвардия на параде.

Во имя регламентации сегодня порой ломали то, что делали вчера. Иностраннный посланник с удивлением и ужасом рассказывает, как знатный вельможа Левенвольд [он жил на Московской стороне.— Ю. О.] сначала вымостил булыжником улицу перед своим домом, потом заплатил в полицию деньги за посадку деревьев, а через несколько дней был извещен: по новой планировке улицы дом надлежит снести. В тяжких муках рождался город, своим внешним видом обязанный походить на европейский.

Обличье Петербурга — дело государственной важности. И Петр считает себя вправе давать советы архитектору, указывать, требовать. Это легко еще и потому, что зодчий, художник не является для царя и его окружения самоценной личностью. Он просто очень способный ремесленник или, в лучшем случае, военный инженер. А тем и другим можно и должно командовать. Это убеждение продолжало жить и в последующих поколениях. Вовсе не случайно, к примеру, сын петровского генерал-фельдмаршала Шереметева Петр Борисович в момент постройки усадьбы Кусково под Москвой велел изобразить на гравюре себя именно с архитектурным чертежом и циркулем в руках. Кстати, эти символы деятельного созидания на благо общества встречались довольно часто на портретах второй половины XVIII столетия.

Очень хотелось Петру, чтобы новая столица встала вровень с европейскими или даже превзошла их. Ради этого зазывает из Берлина архитектора Шлютера, нанимает в Париже скульптора Растрелли. И наконец, в июне 1716 года приглашает в Россию прославленного французского зодчего Жана Батиста Леблана.

Петр I — Александру Меншикову: «Сей мастер из лучших и прямо диковинкою есть... К тому же не ленив, добрый и умный человек... И для того объяви всем архитекторам, чтобы все дела, которые вновь начинать будут, чтоб без его подписи на чертежах не строили, так же и старое, что можно еще исправить».

Во вторник 5 августа 1716 года Жан Батист Леблон прибыл в Петербург. Ему сразу же пожалован чин генерал-архитектора и пять тысяч рублей жалованья в год.

Возникает вопрос: почему для строения Петербурга царь сразу же не пригласил Леблona или какого-нибудь другого знаменитого европейского зодчего? Почему доверил великое дело безвестному тоссинцу?

В год освобождения невского устья Россия для большинства жителей Запада оставалась *terra incognita*, о которой передавали из уст в уста невероятные, фантастические рассказы. И какой прославленный архитектор мог рискнуть, отбросив уже привычные славу и богатство при дворе своего правителя, поехать на службу к новому государю, известному пока только поражением под Нарвой? И даже позже, после Полтавы, когда известие о мощи России тревожной волной прокатилось по европейским странам, даже тогда нужно было обладать безрассудной смелостью, чтобы решиться на возведение огромного столичного города среди болот, вдали от центра страны, обязанной через трудности снабжать его всем необходимым, включая строительные материалы. Только молодой, никому не известный архитектор, лишенный страха что-нибудь потерять, но полный надежд все обрести, мог согласиться на столь отважный поступок, требующий не мгновения, а десятилетий жизни. Доминико Трезини оказался именно таким человеком.

Не будем забывать, что прославленный Андреас Шлютер приехал в Россию после смерти своего покровителя Фридриха I, когда его сын Фридрих Вильгельм I уволил многих художников. А Жан Батист Леблон прославился у себя на родине больше как интересный теоретик, чем практик.

Француз с женой, сыном и прислугой поселился на левом берегу Мойки, в доме, который снял у генерала Депре. Запоздавшие прохожие могли видеть, как допоздна светились два крайних окна. Там находилась рабочая комната генерал-архитектора. Загруженный поручениями Петра сверх меры, он жаловался генерал-губернатору и самому царю, что «имеет дел больше, нежели можно снести», и для исполнения оных «использует без остатка дни и ночи».

Список работ, одновременно исполняемых Леблоном, действительно огромен. Дворец и парк в Петергофе, Стрельнинский дворец, постройки в Летнем саду, дворец адмирала Федора Апраксина, мост в Нарве и, конечно, генеральный план всего города с центром на Васильевском острове. Как хотел Петр.

Увы, требовательный и честный француз намного опережал время страны, куда приехал работать. Он предлагал новую планировку внутренних помещений дворцов и встречал непонимание. Только десятилетия спустя Франческо Растрелли сумеет блистательно продолжить его уроки. Леблон настаивал на совершенно

новом убранстве дворцовых покоев — строгими и вместе с тем нарядными деревянными панелями, а русские вельможи требовали аляповатой пышности, позолоты, лепнины, росписи. Они твердо знали: чем богаче, тем красивее. Француз считал, что особняки должны стоять отступя от улицы, укрытые деревьями, чтобы городской шум не мешал владельцам. Это привело царя в ярость. Нарушалась вся идея его любимой регулярности. Генерал-архитектор первым в России соорудил в Летнем дворце и в петергофском Монплезире водопровод на кухне и промывные нужники. (В Париже подобные устройства сделали только два года спустя в Бурбонском дворце.) Над Леблонем посмеивались: «Чудит!» И сооружать у себя такие отхожие места отказывались.

Честность архитектора стала причиной немилости и у государя. Через два месяца после приезда на берега Невы он подал генерал-губернатору записку: «Общие замечания о нерегулярности и худом сочинении, которое практикуется в строениях, повсеместно производимых в Санктпетербурге». Первая и очень серьезная оплошность. Леблон осмелился затронуть профессиональную гордость всех столичных зодчих. Что тут началось! Темпераментный Бартоломео Растрелли даже подговорил своих подмастерьев побить француза палками.

Злоба собратьев по делу — это еще полбеды. Леблон вызвал яростный гнев светлейшего князя. Он, отвечающий перед царем за строение Петербурга, не жалел сил своих, душу вкладывал, а какой-то французик посмел все охаять. Такое оскорбление Меншиков простить не мог. Он докажет, кто сильнее: генерал-губернатор или генерал-архитектор. Действовать быстро и решительно Александр Данилович умел. Проворные курьеры помчали в Европу, к царю, донесение князя: архитектор Леблон нерасторопен, задерживает, опаздывает... На руку Меншикову и характер француза: нетерпимый, насмешливый, порой высокомерный. Все жалуются. Даже прибывший с ним декоратор и резчик Пино доносит: трудно все время терпеть «излюбленные насмешки» Леблона.

Кажется, только Трезини умеет ладить с ним. Не впутываясь в интриги, не влезая в склоки, он спокойно занимается своими делами. А если к нему обращаются за советом или помощью, не отказывает. Вместе с тем Доминико понимает, что ему есть чему поучиться у Леблона. Живут они рядом, и добрососедские отношения всегда лучше вражды. А для Леблона полезны советы петербургского «долгожителя».

Мария Трезини охотно раскрывает Марии Леблон маленькие хозяйственные тайны. Муку и крупу лучше всего покупать в начале зимы, когда большой привоз. А вот весной и осенью все дороже. Завоза нет. Тогда же следует покупать дичь: рябчиков, глухарей, тетерок. Зимой большого глухаря можно купить за восемь копеек.

А если брать сразу несколько десятков, то можно и дешевле. Впрочем, дичь надоедает. Надо обязательно иметь своих гусей и кур. Рыбы здесь очень много, но самая вкусная называется хариус.

Зимой рано утром и поздно вечером старайтесь не выходить из дома. Волки забегают в город. Стаями по тридцать и больше голов. Рвут собак, нападают на лошадей и даже на людей. Не так давно напали на стражника у Летнего дворца. К нему бросился второй на помощь, и его загрызли. А совсем недавно на Васильевском, близ дворца князя, волки утром напали на молодую женщину...

Мужчины пьют вино, говорят о делах. В этом климате можно строить только летом. Полгода пропадает зря. Весной и осенью, когда идут дожди, совсем плохо. Дороги раскисают: ни проехать, ни пройти. Этой весной, например, сообщает Доминико, пришлось разломать десяток старых барок, чтобы настелить на Васильевском дорожки к дворцу князя... Да и с материалами очень трудно. Не хватает кирпича, леса. А работники готовы украсть даже самую маленькую дощечку...

У Леблona много вопросов. Царь поручил ему подготовить план строения всего Петербурга. Кто же лучше кавалера Трезини может ему помочь. Что-то посоветовать, подсказать...

Наконец, в январе 1717 года Леблон завершает свой проект застройки Петербурга. Отправляя его в Европу, где царь лечится, зодчий диктует переводчику, чтобы тот в правой нижней части написал: «За скорым отъездом курьера я не успел сам сделать план ситуации Санкт-Петербургской и принужден был регламентировать по планам, которые я получил от господина Трезини...»

Отдать свои чертежи, свой труд можно только человеку, которого ты уважаешь и к которому хорошо относишься. Трезини прекрасно понимает, сколь талантлив Леблон и как он нужен Петербургу. Нет, не своим характером и манерой поведения, а полетом мысли, архитектурской фантазией, мастерством. У такого зодчего надобно учиться. Ему следует воздавать должное.

Пока курьеры скачут через всю Европу, Леблон в нетерпении ожидает высочайшего одобрения. А Трезини по-прежнему занят повседневной работой — исполняет наказ царя. День за днем он следит, как размечают направление будущих каналов на Васильевском острове, как расчищают участки под будущие дома, рубят просеки, копают канавы для осушения земли. Он верит в необходимость своего дела и потому исправно отправляет его.

Замысливая будущий Петербург, француз мечтал о создании идеального города. Красота, удобство и польза должны слиться в нем воедино. Мощная стена с бастионами опояшет столицу, защитив Адмиралтейскую сторону, уже застроенную часть Городового острова и Васильевский — главный в будущем городе. Здесь будут созданы три большие красивые площади, три общественных

центра. Один — открытый в сторону моря. Вокруг него поднимутся здания государственных учреждений: Сенат, коллегии, городская ратуша. А в центре — памятник Петру. Вторая площадь — там, где будет стоять дворец государя. И наконец, третья, неподалеку от дворца Меншикова, — центр наук и искусств.

Госпитали, кладбища, богадельни — все, что омрачает или портит общую картину, — все вынесено за городскую стену. Только красивые дома, сады, фонтаны, прообраз будущих стадионов — площадки для экзерциции молодым людям, «через которые бы удержать их от непотребства», — остаются в городе.

Петербург между тем уже живет своей жизнью, разметавшись вверх по Неве и за Мойку. Вельможи обжили свои великолепные дворцы и вовсе не собираются покидать их. А многие из этих дворцов, среди них Летние дома Петра и Екатерины, оказались на плане Леблona за городской стеной. И нужна ли вообще эта стена, когда шведы далеко отогнаны и на севере, и на западе...

Многие в Петербурге с нетерпением ожидают: что скажет Петр Алексеевич, увидя план Леблona. Тогда определится их судьба и судьба города. Решения царя приходится ждать долго. Расстояния огромные. Скорости маленькие. До Москвы добираются на седьмые сутки. А до Архангельска — на восьмые. В далекий сибирский Тобольск государев указ везут семьдесят суток. О важных событиях из Европы узнают через месяц или более. И решения принимают неспешные, не сиюминутные, а с расчетом на далекое будущее. Пока скажут гонцы, многое в мире может измениться.

Ответ из Голландии пришел только в начале мая. Письмо подписано 29 марта: «О строении на Васильевском острове. Велеть ныне строить дома по берегу против первого чертежа, который мы в бытность нашу в Петербурге подписали...» План Леблona отвергнут. Победил трудолюбивый Трезини. А может, тайно сыграл свою роль Меншиков, невзлюбивший француза?

Андрей Нартов, талантливый механик, один из ближайших помощников Петра, в 1727 году написал свои воспоминания, среди которых есть очень важная для нас история. О том, как царь после возвращения из-за границы отправился на Васильевский остров: «Его величество, взяв с собой прибывшего из Парижа, в службу принятого, славного архитектора и инженера Леблona... поехал в шлюпке на Васильевский остров, который довольно уже был построен и каналы были прорыты; обходя сей остров, размеривая места и показывая архитектору план, спрашивал: что при таких погрешностях делать надлежит. Леблон, пожалв плечами, доносил: „Все срыть, государь, сломать, строить вновь и другие вырыть каналы“. На что его величество с великим неудовольствием сказал: „И я думал тожь“. Государь возвратился потом во дворец, развернул паки плап, видел, что по оному не исполнено, и что ошибки

невозвратные, призвал князя Меншикова, которому в отсутствие государево над сим главное смотрение поручено было, и с гневом грозно говорил: „Василия Корчмина батареи лучше распоряжены были на острове, нежели под твоим смотрением нынешнее тут строение. От того был успех, а от сего уыток невозвратный. Ты безграмотный ни счета, ни меры не знаешь. Черт тебя побери и с островом!“ При сем подступил к Меншикову, охватил его за грудь, потряс его столь сильно, что чуть было душа из него не выскочила, и вытолкнул потом вон. Все думали, что князь Меншиков через сию вину лишится милости; однако государь после пришел в себя, кротко говорил: „Я виноват сам, да поздно; сие дело не Меншикова; он — не строитель, а разоритель городов“.

Из этого предания можно уяснить, что царь не посчитал Трезини виновным в содеянном. Увидел: по плану «не исполнено». Виноват Меншиков. Прорытые каналы оказались уже и мельче назначенной меры. Может, светлейший решил сделать против плана подешевле, а разницу — себе в карман. Сколько раз еще потом будет изрядно бит царем за свою немыслимую жадность. Но и ответ Леблону не понравился Петру.

Была у парижского зодчего неприятная манера: всех поучать — что и как делать. То убеждал в необходимости по-новому спланировать любимый государев Летний сад. Потом указывал, что в Стрельнинском дворце все следует переиначить. Теперь настаивает на перестройке всего города по-новому. По его плану. А какой государь спокойно может перенести поучения? Не лежала у Петра душа к Леблону. Не исключено, что кое-что из меншиковских нашептываний осталось в памяти царя. Признания и любви государя француз завоевать не сумел.

Огорчения, рожденные крушением надежд, непосильная работа, суровый климат основательно подорвали здоровье Леблону. Возможно, что было еще одно, более страшное столкновение с Петром. Якоб Штелин записал чей-то рассказ, что царь изрядно поучил француза дубинкой. Но теперь не узнаешь, какова доля правды в этом сообщении. В феврале 1719 года Жан Батист Леблон неожиданно умер в возрасте сорока лет.

Вдова просит у царя денег на похороны. Второго марта следует решение: «Для погребения сего Леблону в зачет его жалованья [видимо, еще не выплаченного. — Ю. О.] выдать двести рублей»¹³. Сумма немалая, но пособие вдове не дано. Многие месяцы безуспешно просит она разрешения уехать на родину. Петр не очень хочет отпускать вдову. Только через два года, наконец, дает милостивое согласие. Мария Леблон вместе с сыном и верными слугами отъезжает в Париж.

Эти события произойдут чуть позже. И тогда, возможно, Трезини задумается о своей судьбе, о будущем своих детей. А пока,

гордый доверием царя, он продолжает старательно исполнять порученное дело.

VI

Петербург и сегодня бережно хранит приметы градостроительной деятельности Доминико Трезини.

Одна из них — район от верховьев Фонтанки к востоку с его четкими, прямыми линиями теперешних улиц Воинова, Каляева, Чайковского, Петра Лаврова, Пестеля. Еще в 1712 году государь повелел архитектору сделать чертеж, по которому «на Первой линии [теперь набережная Кутузова. — Ю. О.] строить каменное или мазанки, назади деревянное». Чтобы выглядел берег Невы нарядным и представительным.

Здесь возела свой дворец Наталия Алексеевна, любимая сестра царя. После ее кончины в 1716 году сюда переехали мастерские Канцелярии городских дел¹⁴ (сама Канцелярия разместилась в этом доме только после смерти Трезини). Рядом поднялся фахверковый дом Алексея Петровича. После смерти царевича он пустовал пять лет, пока не разместилась в нем Берг-коллегия. На «Первой линии» проживал командующий артиллерией Яков Брюс и поселился со всем семейством Растрелли. Не исключено, что Доминико Трезини участвовал не только в планировке, но и в строении здесь многих домов. Припомним указ государя: «А каким манером дома строить брать чертежи от архитектора...» Других, кроме Трезини, в ту пору в Петербурге не было.

Вторая примета — графическая сетка проспектов и линий Васильевского острова. Пожалуй, по размаху строительства, по затраченным силам, масштабам замыслов это главный труд в жизни Трезини. Значительнее, чем Петропавловская крепость. Хотя последняя потребовала от зодчего всей его жизни.

Четыре долгих года велись тяжелые планировочные работы. С рассвета солдатские роты и нестройные толпы подкопщиков расходились по заранее отведенным местам. И тогда возникал над островом особый гул, слышный далеко окрест: скрип, лягз, перестук, буханье. Насильно пригнанные мужики рыли каналы, вдоль которых стоять домам, осушали промокшую землю, рубили просеки-проспекты, корчевали хилый, но цепкий болотный лес. Расчищали площадки для будущих строений. Причем не просто отмеряли участки, а с особым условием. Самим царем установленным.

Февраля в 12-й день 1719 года опубликован указ, чтобы в Санкт-Петербурге на Васильевском острове возводить каменные и деревянные дома по числу имеющихся у владельца крестьянских дворов, а купечеству по размеру платежа десятой деньги (тоже одна из форм регламентации). По сему указу каждый дворянин, у которого в поместьях свыше 450 крестьянских дворов, обязан

поставить вдоль Невы двухэтажный каменный дом длиною в 10 сажен. У кого дворов поменьше, тот строит дом на берегу одного из каналов. Для купцов рубль налога приравнен к одному крестьянскому дому.

19 марта того же года новый указ. Сильное послабление дворянам. Дом в 10 сажен строить только тем, у кого от 700 до 1000 крестьянских дворов. Остальным соответственно — длиною 8 и даже 5 сажен. На каждом отмеренном участке следует ставить определенное жилье, внешнее обличье коего утверждено государем. Трезини и Леблон начертили проекты «образцовых» (или, как теперь говорят, «типовых») домов. Для тех, кто победнее или среднего достатка, рисовал Трезини. Проект для «именитых» разрабатывал француз.

Строительство «по образцам» обладает определенными достоинствами. Во-первых, значительно уменьшается потребность в чертежах и расчетах, что очень важно при отсутствии должного числа специалистов. Во-вторых, всегда можно точно подсчитать надобное количество камня, кирпича, извести, леса и глины. И строителям легче, когда есть образец для подражания. В-третьих, правительство может контролировать внешний облик улиц и регламент всего города. Это особенно удобно для государства, где все подлежит контролю, а большая часть средств уходит на нужды армии.

Сохранились гравюры с изображением типовых домов, одобренных к строению. На одной из них небольшое одноэтажное строение в четыре окна и входной дверью с левой стороны. По обеим сторонам ворота с барочными завитушками наверху — единственное украшение жилища малоимущих.

Для людей среднего достатка дом тоже одноэтажный, но с мезонином в три окна. По центру, под мезонином, парадная дверь в огромном портале. По обе стороны от нее по семь окон в белокаменных рамах. С левой стороны дома — ворота во двор. Они напоминают очень скромную триумфальную арку.

За основу дома для «именитых» Леблон избрал наружный фасад отеля Бове в Париже, построенного Антуаном Лепортом в 1660 году. Крыша с переломом украшена люкарнами. Углы здания обработаны в руст — будто сложены из массивных каменных блоков, что придает всему строению массивный и значительный облик. В центре входная дверь. С каждой стороны ее по три пары больших окон, расположенных друг над другом. Фигурные консоли поддерживают балкон над парадным входом. Выйти на него можно из просторного зала через стеклянную дверь с закругленным верхом. Настоящий европейский дом.

«Типовой» проект не обязателен для точного подражания. В одном из пояснений к чертежам говорится: «Ежели кто пожелает дом себе лутче сего построить, оному надлежит у архитектора

Тресина истребовать рисунку, какого сам похочет». Обязателен только принцип застройки: вдоль берега Невы каменные дома должны быть не ниже двух этажей и стоять вплотную друг к другу. Чтобы с проплывающих кораблей виден был настоящий богатый город. А по улицам — линиям — строения деревянные и фахверковые. Они могут стоять на расстоянии друг от друга. Но между ними для красоты обязательно или фасонные ворота, или ограды с архитектурными украшениями.

Несмотря на указы, проекты «образцовых» домов лежат у архитекторов без движения. Продолжают пустовать очищенные для строений участки. Тяжкий труд зодчего и согнанных трудовых людей пропадает втуне. Никто не хочет бросать уже обжитые места, ломать устоявшийся быт и перебираться на новую, пропитанную сыростью землю. Очередная попытка царя преобразовать привычную жизнь по замысленному им образцу терпит неудачу. Нельзя только указами и постановлениями изменить в одночасье веками воспитанную психологию человека.

Разъяренный Петр в январе 1721 года издает очередной, на сей раз жестокий указ: на домах ослушников, не желающих переезжать на Васильевский остров, ломать в апреле крыши и не разрешать крыть заново. Среди подлежащих наказанию — князь П. Голицын, командующий артиллерией Я. Брюс, богатейшие купцы Строгановы и многие другие.

В апреле 1722 года Доминико Трезини доносит Меншикову: из 3295 участков на острове роздано 400, а строить начали только на 257-ми.

Следующее донесение от декабря того же года: за восемь месяцев роздан еще 161 участок, а строиться за это время начало всего 113 человек.

Указы продолжают сыпаться как из рога изобилия. Но исполняют их нехотя, с недовольством. Очередной градостроительный замысел Петра разваливается на глазах. И это естественно. Нельзя создавать столицу, отделенную от всей страны широкой рекой, через которую вдобавок запрещено наводить мосты. И наверное, проживи государь еще несколько лет, он сам отказался бы от своего плана. Но пока, 5 января 1724 года, следует самое жестокое повеление: «О строении домов в Санкт Петербурге на Васильевском острове... Дабы каждый дом пришел в отделку под кровлю в пребудущем 1726 году, а ежели чей дом не будет отделан в 1726 году и у таких преослушников указу, отписать по половине их деревень безповоротно...» На сей раз, кажется, увильнуть нельзя. Кому охота лишаться половины состояния. Но судьба распорядилась иначе. В январе 1725 года Петр умер.

Теперь этот Васильевский остров стал никому не нужен. Можно опять жить спокойно. 11 марта 1725 года камер-юнкер Берхгольц

сделал в дневнике запись: «Мы осматривали Васильевский остров, который по предложению покойного императора со временем должен был составить собственный город Санкт-Петербург. Там воздвигнуто уже большое количество прекрасных каменных домов, особенно вдоль по берегу Невы, и этот ряд строений необыкновенно живописно бросается в глаза, когда едешь вверх по реке из Кронштадта. Но большая часть этих домов внутри еще не отделана. Каждому из здешних вельмож, получивших приказание там строиться, дан был план, по которому и возводился фасад дома; внутренним же устройством всякий мог располагать как хотел. Улицы хотя уже проведены, но до сих пор, кроме больших, идущих по берегу, еще мало застроены; только там и сям стоят отдельные дома, но и они со временем большей частью будут снесены. Кроме князя Меншикова и некоторых других, еще немногие из здешних вельмож живут на этом острове, потому что почти все владельцы его имеют дома и в других местах города».

Нельзя сегодня осуждать Петра за этот план. Он действовал из лучших побуждений, мечтая возвести самый красивый, самый совершенный город. А задумываться о пригодности выбранного места, о будущих последствиях не мог, не умел. Ведь не был строителем-профессионалом.

Васильевский остров — одно из самых низких мест в Петербурге. При любом подъеме воды в Неве его заливает. Но у Петра свое, несколько необычное отношение к наводнениям. С одной стороны, его восхищает мощь разбушевавшейся морской стихии, которую покорит его молодой флот. С другой — он веселится, наблюдая ужас и отчаяние людей. Из письма Петра 11 сентября 1706 года о приключившемся разгуле Невы: «У меня в хоромах была сверху тому 24 дюйм, а по городу и на другой стороне по улице свободно ездил на лотках; однакож недолго держалась, меньше 3-х часов. И зело был утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа сидели, не токмо мужики, но и бабы». Подобное ерничество — следствие твердой убежденности царя в правоте своих желаний и полного небрежения мнением народным. Однако народ по-своему отвечал на зубоскальство государя. Он прочно связал смерть основателя города, падение и ссылку первого генерал-губернатора Меншикова с крупными наводнениями 1724 и 1729 годов: то бог прислал волну за душами «антихристов».

Проходили десятилетия, и после каждого крупного наводнения все сильнее укреплялось мнение о неправильности места, выбранного для Петербурга. Карамзин в «Записке о древней и новой России», сочиненной в 1811 году для Александра I, писал: «Утаим ли от себя еще одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае Государства, среди

зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток... Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупях...»

Поэт А. Измайлов в письме своему племяннику П. Яковлеву в ноябре 1824 года восклицал: «Ах! Петр Великий! Петр Великий! Зачем построил ты столицу на таком низком месте? Взгляни на Петербургскую сторону, на Галерную гавань и полюбуйся! Что? А? Молчит, не отвечает и слова: видно, что виноват.»

Московский профессор и цензор Н. Крылов оставил воспоминания, как в 40-е годы XIX века ехал в коляске с самим Л. Дубельтом, начальником III отделения: «Проезжая... мимо монумента Петра Великого, Дубельт, закутанный в шинель и прижавшись к углу коляски, как будто про себя говорит: „Вот бы кого надо высечь, это Петра Великого за его глупую выходку: Петербург построить на болоте“». Оставим в стороне жандармское суждение: провинился — высечь. Оно еще добродушно — ведь мог сослать или упрятать в каземат. Для нас интересно другое: проходят десятилетия, но продолжает жить недовольство решением Петра, его выбором места для новой столицы. И не только среди простого люда, но и среди тех, чья обязанность блюсти интересы власти. Увы, даже высказанное недовольство уже ничто изменить не в силах. Город живет, ширится, процветает по своим собственным законам. Можно, конечно, искать способы оградить его от нагонной волны — возвести плотины, прорыть специальные каналы. Впрочем, и эти планы могут принести свои беды. К примеру, изменение природных условий, что еще страшнее. И тогда от бессилья, от противной неизвестности рождаются странные и страшные пророчества: «Вот пробыют часы, петух закричит, и все: и город, и река, и белоглазые люди исчезнут и обратятся в ровное водяное пространство, отражая желтизну ночного стеклянного неба...»

Опытный инженер-строитель, Трезини понимал, сколь опрометчиво решение Петра и какие беды принесет оно в будущем. Город, без сомнения, следовало возводить, отступив от топких берегов. Ну хотя бы в излучине реки, где поставили Смоляной двор для Адмиралтейства, или на высоком берегу против Кроншлота и Котлина на месте небольшой мызы. (В 1714 году здесь начали строить Петергофский дворец.) Но царь пожелал увидеть свой город в самом устье Невы: пусть знают иноземцы, что русская столица не хуже Амстердама. Есть у нее свой поместительный порт, своя большая верфь. (Потом Петр Алексеевич спохватится, что его парусники начинают быстро гнить в пресной речной воде, да будет поздно.) Поспешность решений государя Трезини осуждал, но предпочитал молчать. Не резон раздражать царя Петра.

Архитектор отдавал себе отчет, что ни в какой другой европейской стране, ни при каком другом правителе он не сможет достичь

такого положения, как в теперешней России, при Петре Алексеевиче. Зодчему оставалось только требовать от других и строить самому жилые дома на высоком цоколе. Старинные гравюры и рисунки хранят изображения фасадов первых петербургских домов. У каждого очень высокое крыльцо с двумя входами по бокам. Хоть так стремился Доминико Трезини уберечь жилые покои от воды.

VII

Юный Петербург страдал не только от наводнений, но и от пожаров. Приходилось мириться с яростью невских волн и пламенем, пожирившим деревянные дома.

Только никак не могли обыватели привыкнуть к пожарам «шутейным». Неизвестно, в какой год, неизвестно, в какой день — то первого апреля, а то тридцатого — около полуночи позади императорского сада или у Литейного двора могли взлететь к небу языки пламени. В тот же миг начинали бить барабаны, тарыхтеть трещотки ночных сторожей, гудеть колокола на ближних церквях. Раздавался истошный крик: «Пожар! Пожар!»

Переполошенный город приходил в движение. Сонные горожане выскакивали на улицы. Кто, схватив топор или багор, бежал в сторону огня. Кто суетливо начинал наливать воду в свои бочки. Захлебывались в плаче дети. Причитали старухи.

Когда взбудораженные, перепуганные обыватели сбегались к бушующему пламени, то натыкались на цепь солдат. Гвардейцы с ухмылкой показывали на огромный костер и вежливо поздравляли с праздником — первым или тридцатым апреля. В стороне царь с царицей держались за бока от смеха. Шутка удалась. Подданные на деле осознавали государев юмор.

Петр Алексеевич воспринимал огонь по-особому, с каким-то языческим чувством. В дни праздников все церкви, подьезды домов, ворота увешивали фонарями. В каждом окне обязаны были гореть свечи. И не одна, а несколько. Да еще вдоль участка следовало расставить горящие плошки. Иллюминация радовала государя. А уж если где настоящий пожар случится, царь мигом туда скачет. И всегда стремится прибыть первым. Первым же лезет разбирать, растаскивать горящий дом.

Надобно заметить, что из любви к Петербургу государь наладил великолепную пожарную службу. По сигналу тревоги — набат или барабанная дробь — жители обязаны были бежать тушить огонь. В 1716 году Петр установил правило, что от каждых ста петербургских домов 70 человек должны являться на пожар, 30 из них приносят топоры, 20 — ведра, 10 — вилы и крюки, а 10 — две лестницы. По пушечному выстрелу являлись на пожар и солдаты. Там, где можно, подплывал специальный корабль «с насосами,

которые вгоняют воду в длинный кожаный рукав... снабженный на конце металлическим шприцем».

Автор описания Петербурга в 1717 году рассказывает о городских пожарах:

«Как только это случится, уже видно, как со всех сторон спешат к месту пожара несколько сот и даже тысяч плотников... с топорами в руках. Они бегут так быстро, точно у них головы горят, ибо они, так же, как и солдаты, суровыми наказаниями приучены быть на месте немедленно.

Однако его царское величество, если оно в городе, обычно прибегает на пожар первым... в организованном порядке ломаются дома по обе стороны уже горящих строений. А так как тем временем прибывают большие пожарные трубы, то с чрезвычайной быстротой не только гасится огонь, но уже загоревшиеся дома частично спасаются, хоть и не полностью.

Его царское величество бывает обычно среди рабочих, там, где это нужнее всего... и так усердно работает, что смотрящих на это мороз продирает по коже».

Хорошо налаженная служба борьбы с огнем помогла ликвидировать большой пожар 5 января 1718 года. Загорелось на Троицкой площади в здании Коллегий. В том самом, что возводили по плану Трезини. Загорелось в самой середине, где размещались Сенат и Военная коллегия. А вот палаты по бокам удалось отстоять.

Меньше чем через два года все восстановили и начали внутреннюю отделку. Интересен указ 1 февраля 1720 года об украшении зала для приема иностранных «министров» (послов): «В Камор-Аудиенции сделать балдахин бархотный с позументом и с бахромою золотою и под тем балдахином приступ о трех ступенях... а креслы двой с алмазы и каменьями и ковры... взять из Москвы...» Уже осенью того же года царь принимал в этой зале польское посольство. Государь сидел на золоченом троне, обитом малиновым бархатом. Зеленый чехол балдахина перекликался с зеленым бархатом на стенах. Темно-зеленые занавесы с золотыми кистями и позументами закрывали входные двери. Прямо перед тронем три больших окна глядели на Троицкую площадь, три других — на широкую Неву и пожелтевшую листву Летнего сада за рекой.

На Троицкой площади суетился народ. Растревоженным ульем гудела толпа у Гостиного двора. О чем-то спорили подвыпившие гуляки у питейного дома. Возчики с надсадным криком пытались вытолкнуть засевшую в грязи телегу с поклажей. Суетно и неказисто. Непригодна Троицкая для большого плаца Петербурга.

Еще осенью 1718 года Петр Алексеевич говорил с Трезини о будущей главной площади столицы. Чтобы была просторная, нарядная и величественная. И коль скоро решено возвести город на Васильевском острове, то лучшего места, чем Стрелка, не найти...

На первый взгляд всего-навсего мыс, разделяющий Неву на Большую и Малую. Но с этого мыса открывается удивительная панорама: прямо перед тобой крепость, левее — Городовой остров, справа — Адмиралтейство. Единным взглядом можно увидеть Зимний и Летний дворцы. И далеко уходит широкая Нева, изогнувшаяся у Выборгской стороны. Стрелка связывает воедино город, разветвавшийся по обеим сторонам реки. Здесь естественный центр Петербурга.

Когда город только рождался, когда старались быстрее укрепить фортецию и обнести валами Адмиралтейство, на Стрелке поставили пять ветряных мельниц — пилить доски. Вид их радостен: как в любимой Голландии. Потом на южном берегу (где теперь Зоологический институт) поднялся дворец Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича, женщины разумной и уважаемой. Одновременно заложили «каменный дом библиотеки и кунст каморы» по чертежам Георга Иоганна Маттарнови. На северной стороне поставил свой дом московский губернатор К. Нарышкин. А потом, выполняя указ о заселении Васильевского острова, стали возводить на Стрелке свои хоромы князь Черкасский, Строгановы, вице-губернатор Петербурга С. Клокачев, генеральша Полонская и другие. Правда, строили, как хотели, не соблюдая регламента.

Главная площадь столицы — дело государственное. И создавать ее следует, сообразуясь со всеми административными начинаниями. Таково требование государя. Именно теперь, когда военные действия не отвлекают внимания, Петр Алексеевич всерьез решил заняться преобразованием России. Если за первые десять лет войны он издал 500 указов, а за вторые — 1238, то почти столько же обнародовано за последующие пять лет, вплоть до дня смерти 28 января 1725 года. Вероятно, торопила болезнь. Хотел оставить после себя разумный порядок.

По замыслу Петра, на главной площади приморской столицы обязаны размещаться высшие государственные учреждения и торговый порт. Трезини следовало найти удачное решение этих пожеланий царя.

Еще 12 декабря 1718 года очередным указом старые российские приказы преобразованы в коллегии — по шведскому образцу. Сначала объявили о девяти коллегиях. Позже, после очередных реформ, образовали десятую. В 1721 году Петр учредил Синод — высший орган управления делами церкви. Теперь в стране одиннадцать равноправных главных учреждений.

Помимо здания Коллегий, на Стрелке предстояло возвести Таможню, Мытный двор — склады и амбары для товаров. Государь настойчиво добивается, чтобы вся торговля с Европой, столь необходимая России, шла через Петербург. Более удобным и дешевым путем. Его указы достигают успеха. Если в 1720 году в Архангельск

пришло 142 корабля, а в Петербург — 75, то уже в 1722-м Архангельск принял только 50 иностранных судов, а Петербург — 119.

Поднимавшееся на южном берегу здание Кунсткамеры превращало Стрелку в триединый центр столицы — административный, торговый, научный.

Основная идея архитектору ясна, и уже в мае 1720 года Трезини приступил к изготовлению деревянной модели главной городской площади. Поначалу трудятся всего два столяра. Но на следующий год работают четыре. Наконец все готово, и в декабре 1721-го Канцелярия выплачивает мастерам жалованье: по рублю на человека.

Но еще 26 июня архитектор требует материалы для огораживания будущей площади на Васильевском острове¹⁵. Забор помешает любопытствующим разгуливать по стройке и, конечно, поможет лучше охранять кирпич и доски. Они в Петербурге почти на вес золота.

Помимо деревянной модели, следует приготовить чертежи. Много чертежей. И зодчий не жалеет своих помощников. Наконец все исполнено. В середине февраля 1722 года Доминико Трезини собирается в путь. Надобно ехать к государю, который вновь поправляет свое здоровье на Олонце, на «Марциальных водах».

Поездка не простая. Каждого, кто прибывает к нему, государь обязательно заставляет тоже лечиться и сам наблюдает за соблюдением лекарьских требований. И не дай бог как-нибудь увильнуть.

Одевшись потеплее, увернувшись в огромный тулуп и бережно уложив чертежи, Трезини отправляется в путь.

«Марциальные воды» лежат в 50 верстах от Петровского завода. (В 1777 году его назовут городом Петрозаводском.) Случилось так, что летом 1714-го крестьянин Иван Ребров, «болевший сердечной болезнью и едва волочивший ноги», обнаружил источник, воды которого после трехдневного пользования принесли ему облегчение. Прознав о том, Петр тут же повелел всем ездить туда лечить «жестокую болезнь, а именно: цынготную, ипохондрию, желчь, бессильство желудка, рвоту, понос, почечную, каменную, ежели песок или малые камни... от эпилепсии, выгоняют глисты... и... прочих болезней... И для того его царское величество, милосердуя к своим подданным, яко отец, надлежащие регулы о употреблении оных вод докторам... написать всемилостивейше указал...» Можно только смутно представить, какие муки принял архитектор по настоянию царственного лекаря.

В перерывах меж принятием вод решали дела. Обычно во время прогулок. Ибо правила лекарьские требовали: «В ту пору, когда те воды кто пьет... надобно, сколько можно ходить, чтоб движением хождения действу вод помогать...» Нагулявшись и обсудив дела, отправлялись обедать. «А перед обедом,— как записано в лекарьских правилах,— чарку водки тем, которые обвыкли, или которым

смутится, выпить позволяется, а особливо анисовой, а за обедом рюмки три вина бургунского, или рейнвейну, или легкого вина французского...»

План строений на Стрелке, видимо, обсуждали долго и тщательно. О том свидетельствует доношение Трезини князю Меншикову: «...бывши у марциальных вод февраля 28 дня, его императорскому величеству докладывал о строении на Васильевском острове Мытного двора и кладовых амбаров и коллегиев, на которое изволил его императорское величество указать взять у меня Алексею Васильевичу Макарову к Москве план большому плацу, где и означено строение, и меморию, по которой его императорское величество хотел посоветоваться... с вашей великоконяжескою светлостью, и от туда из Москвы прислать мне резолюцию...»

Говорили, видимо, еще о крепости. Как там идут работы, что следует в ближайшее время сделать. В будущем, 1723 году исполнится двадцать лет как заложили фортецию. И семнадцать из них безотлучно находится при крепости Доминико Трезини. Архитектор поднес государю рисунок памятной медали в честь юбилея. На одной стороне Санкт-Петербургская фортеция, на другой — портрет государя. Петру Алексеевичу рисунок понравился. За обедом велел секретарю Алексею Макарову взять сей чертежик с собой в Москву. Там показать Якову Брюсу, и ежели тот никаких ошибок в рисунке фортеции не увидит, то послать чертеж в Нюрнберг. Пусть изготовят две пробные медали...

Обласканный царем, Доминико Трезини вернулся в Петербург, где ждали кипы разных бумаг и дела. Дела на стройках.

Апреля 12 дня 1722 года план главной городской площади утвержден государем. Можно приступить к большому строительству. Деревянная модель не дождала до наших дней, но обнаруженные в Центральном государственном архиве древних актов несколько чертежей позволяют восстановить облик замысленного ансамбля.

Широкий судоходный канал, протянувшийся с юга на север, соединяет Большую и Малую Неву и отделяет Стрелку от всего острова. Лицом на восток, спиной к острову протянулись вдоль канала здания государственных учреждений. С севера площадь обрамляют каменные здания Гостиного и Мытного дворов. С юга — Кунсткамера, дворец Прасковьи Федоровны, где после 1725 года разместится Академия наук, и глядящие на площадь дома профессоров.

Через весь остров с запада на восток от Галерной гавани, сооружение которой началось в 1722 году по чертежу Д. Трезини в устье Черной речки (теперешняя Шкиперская протока), протянется по линии теперешнего Большого проспекта большой судоходный канал. Он пересечет другой «пограничный» канал позади

Коллегий и образует прямоугольный водоем. Потом ограничит с севера линию Коллегий и завершится небольшой гаванью, на восточной стороне которой — величественная церковь. Ее высокая, стройная колокольня, видимая еще с моря, отражается в зеркале водоема.

Здания Коллегий — трехэтажные. Строения, огибающие площадь с севера и юга, — двухэтажные. Во имя единства все здания украшены одинаковыми архитектурными элементами: белыми наличниками окон, белыми пилястрами. Первые этажи превращены в просторные галереи на массивных рустованных пилонках. Там, где возможно, под их сводами следует разместить торговые лавки. А там, где это покажется неприличным, например в домах ученых, оставить место для променада в плохую погоду. Вся площадь должна смотреться как единое величественное и нарядное красно-белое строение. Радостное и в пасмурную, и в солнечную погоду.

Проект удачен. Площадь как бы сама открывает объятия широкой реке, многопушечным фрегатам на волнах Невы, четкой и суровой горизонтали крепостных стен, устремленному ввысь золоченому шпилю. А замыкает всю панораму протяженное двухэтажное здание госпиталя на Выборгской стороне. Его боковые ризалиты увенчаны невысокими куполами с круглыми окнами в узорчатых рамах. В центре еще должен подняться мощный купол больничной церкви. Все строго, скромно и вместе с тем величественно. Достоинство столичного города...

Первую больницу для увечных солдат и матросов государь повелел еще в 1706 году построить в Москве, в Лефортове. Два длинных деревянных дома, а между ними церковь. Вскоре после Полтавы такой же госпиталь начали сооружать и на берегу Невы. В «Описании Санктпетербурга и Кроншлота в 1710 и 1711 годах» говорится: «На Финляндской стороне... там, где от реки отходит правый ея рукав, построено тоже немало домов... два длинных госпиталя для солдат». Композиция, видимо, повторяет московскую: одноэтажные флигеля и церковь посерединке. Но уже в 1715 году, как записано в «Журнале, или Поденной записке... Петра Великого», велено «строить госпиталь каменный на Выборгской стороне». А строение одного поручено Доминико Трезини. В придачу ко всем прочим многочисленным делам: крепость, Александро-Невский монастырь, Котлиц, Васильевский остров, фахверковые здания Коллегий и Гостиного двора.

В сентябре 1726 года Трезини отписывает царю, что «госпиталь по обе стороны церкви плотническую работу сделали, а в середине церковь делают»¹⁶.

В августе 1718 года: «В одной половине наружные стены кирпичем заклали, в другой половине фундамент подвели, начинают стены наружные из кирпича закладывать»¹⁷.

В июле 1722 года по доношению архитектора Трезини «велено к строению каменной госпитали, которая на Выборгской стороне, на помазку внутри потолков и стен, также и снаружи отпустить припасов»¹⁸.

К весне 1724 года дело близится к окончательному завершению: «...В нижнем и верхнем жильях в палатах и сенях полы намощены и выстраганы гладко и чисто...»¹⁹

Но вот что примечательно: в 1722 году в Москве на месте деревянного госпиталя начинают строить новый, каменный, в два этажа. В Стокгольме хранятся его чертежи и планы. Разглядывая их, поражаешься, как совпадают размеры и компоновка объемов петербургского и московского строений. Два крыла. Каждое на 45 осей. Одно — для матросов. Другое — для солдат. Чуть выступающие флигеля на концах. И церковь в середине. Е. Мозговая, изучая архивные дела, пришла к твердому выводу, что госпиталь в Лефортове проектировал Николай Бидлоо, приглашенный в Россию придворным врачом к Петру I. Этот удивительный человек сочинял музыку, чертил проекты домов, садов, триумфальных арок и фонтанов, устраивал театральные представления, хорошо рисовал и писал медицинские трактаты. Его жизнь заслуживает подробного описания. А может, Бидлоо воспользовался готовым проектом Трезини? Достаточно было только повеления государя, и на берегах Яузы вырос близнец здания, поднявшегося вдоль Большой Невки...

Летом 1723 года Стрелка походила на огромный муравейник. Рыли траншеи, били сваи, везли камень, кирпич, известь, ровняли площадь. Государь ликовал. Возвращалась молодость — так было на Заячьем в первые месяцы строения фортеции.

Одновременно начали сооружение Коллегий и Мытного двора. Его огромная трапеция должна была улечься между каналом, протянувшимся сзади зданий Коллегий, и дворцом К. Нарышкина, стоявшим на северо-восточном берегу Стрелки. В Мытном дворе Трезини собирался устроить склады товаров. А купеческим лавкам, как мы уже рассказывали, предстояло разместиться в галереях по трем сторонам площади.

Еще в январе 1723 года архитектор доносит царю через кабинет-секретаря:

«Из... вышеупомянутых Коллегий зачато строить на 4 номере Военная, фундамент выбучен ровно с землею, и 7 номер Каморколлегия, сваи под фундаментом набиты и припасы плитный камень, кирпич и известь приготовлены.

...И по моему разсуждению лучше зачинать строить Коллегии три или четыре или сколько его величество изволит, и строить вдруг, рядом, а не через места, понеже меньше материалу и кошту станет».

Последняя фраза предназначена непосредственно рачительному государю, знающему счет деньгам.

Кажется, все идет по плану и настоящим летом работы будут не просто продолжены, а значительно расширены. Правда, сам архитектор молит с отчаянием: «Определен я... на строение Санкт-Петербуржской фортификации и протчего строения... на которых мне веде у строения быть невозможно, а ученики которые я обучал, и можно им было помогать в строениях, от меня взяты и посланы на другие строения...» Но и государь, и Ульян Акимович Сенявин хорошо знают, что Трезини, несмотря на все проблемы, с работой справится.

И вдруг неожиданно, когда наступила самая горячая пора для работ, царь Петр Алексеевич трижды — в июне, июле и потом в ноябре — объявляет между архитекторами соискательство на лучшее здание для Коллегий. Участвуют Г. Киавери, Н. Гербель, фан Звиттен, сам Трезини и Б. Растрелли. Царь ставит условия: «Все равные арнаменты как лучше убрать мочно, а каморов прибавить или убавить по величине всегда мочно... только бы снаружи все были равною долготою». Другими словами: все здания должны быть одинаковы, украшения на них самые лучшие, а комнаты внутри Коллегий размещать так, чтобы было больше пользы для дела. Условия разумного хозяина, не желающего выделять кого-либо из президентов Коллегий, дабы не разжигать обид и ссор. И все же, зачем понадобилось царю устраивать это «соревновательство» среди зодчих — понять нельзя. В конце концов Петр все равно дважды признал план Трезини лучшим. Он дешевле всех прочих и не уступает в строгости и величии.

Рисунок храма для Стрелки, по мнению государя, никому не удался. И Петр решил обратиться за помощью к шведскому королевскому архитектору Н. Тессину-младшему. (К этому моменту прошло уже почти два года со дня заключения мира.) В декабре 1723-го Тессин прислал ответ: пространное объяснение на 26 больших листах и чертежи. В послании обстоятельно, со знанием дела рассказано, какие храмы были в древности, какие великие соборы существуют в Европе сейчас и каким должен быть главный храм русской столицы. А чертежи оказались повторением планов Стокгольмского собора, построенного Тессином в 1708 году. Конечно, такое строение не годилось для Петербурга. Оно всегда казалось бы случайным чужеземцем. К счастью, предложение шведа осталось неосуществленным и храм на Стрелке так никогда и не был построен.

Позже, в годы правления императрицы Елизаветы, возникла мысль поставить на этом месте памятник Петру Великому, созданный Бартоломео Растрелли. Но тем дело и кончилось. Еще полстолетия статуя хранилась в сарае, пока император Павел I не устано-

вил ее перед своим новым замком с горделивой надписью: «Прадеду — правнук». О замысле Елизаветы напоминает лишь план Петербурга, вычерченный адъюнктом Академии наук Трускотом. В левом нижнем углу плана изображено здание «Двенадцати коллегий» и перед ним на барочном пьедестале высится конная фигура Петра...

«Соревновательство» архитекторов и переписка с Тессинем не остановили работ на площади. Мытный двор на берегу Малой Невы и Кунсткамеру на южном берегу Стрелки сооружала Канцелярия от строений. А дома Коллегий каждая из них возводила своими силами и на свой кошт.

Архивные документы позволяют нам заглянуть на строительную «кухню» и познать некоторые специальные «тайны». Например, какие применялись инструменты и материалы и сколько их требовалось для начала работы.

Доношение архитекта Доминико Трезини в Коллегию иностранных дел:

«Минувшего ноября 28 дня 1723 года прислан ко мне нижеподписавшемуся по оной коллегии его императорского величества указ, по которому велено прислать известие, что к пребудущему лету нынешним зимним путем надлежит заготовить каких материалов и припасов по рознь на строение фундамента и погреба со сводами первого апартамента [то есть первого этажа.— Ю. О.].

На который е. и. в. указ покорно сим доношу. На вышеупомянутое строение Иностранной Коллегии, а именно кладка фундамента первого апартамента, в котором будут спереди от площади голяреи, а позади с канальной стороны быть назначены погреба со сводами, а над теми погребами будут каморы для архивов. На которое строение сколько надобно материалов и припасу при доношении приложен реестр.

А в строении всех Коллегий мера единая длиною по пятнадцать сажен... и чертежи нарисованные присланы будут.

1723. О чем доносит Санктпетербургской
декабря 3 дня. фортификации архитектор *Dominico*».

Реестр ²⁰

Потребно для строения Коллегии Иностранных дел

Плиточного камня для фундамента	40 сажен
Кирпича железного вида	170 000
красного	220 000
белого	124 820
Бревен длиною 3 сажени шириною 6 вершков	418

Железа на связи и на решетки, на подставы	300 пуд
Гвоздей одностесных и двостесных	11 200
Досок топорных	1 200
Досок длинных толщиной в два дюйма	900
Тоже толщиной в 1 и 1 ¹ / ₂ дюйма	200
Железных земляных лопат	380
Носилок	120
Тележек с колесами	210
Ушатов	110
Шаек	240
Кирок	90
Топоров	60
Стали на наварку инструментов	7 пуд
Насосов	19
Мотыг	100
Песку крупного	36 саж. кубич.
Канатов	2 спуска

Каким большим опытом надобно было обладать архитекторам той поры, чтобы предусмотреть все необходимые мелочи вплоть до ушатов, шаек и канатов. Сколько часов следовало затратить на исчисление потребного количества гвоздей, досок, топоров и насосов для откачивания воды. Но вместе с тем не следует забывать, что составление такого обстоятельного реестра являлось обязательным. Расчет Трезини пригоден для зданий всех Коллегий.

Высшие учреждения страны призваны действовать согласованно, в нерушимом единстве. И дома́ их должны стоять плотно прижавшись друг к другу, как братья-близнецы, плечом к плечу. Сама идея такого протяженного единого строения из нескольких домов не нова. Живя в Копенгагене, Доминико Трезини хорошо изучил здание тамошней биржи. Архитекторы Лоурен Стенвинкель и Ганс Стенвинкель-младший возвели ее в 1625 году по такому же принципу: восемь совершенно одинаковых домов вытянулись в ряд под одной крышей. (Правда, в Петербурге одно из строений, которое торцом обращено к Большой Неве, чуть длиннее прочих. Это двенадцатое помещение — для Аудиенц-камеры, где принимали иноземных послов.) По такой же примерно системе были поставлены здания Приказов в Московском Кремле, где Доминико Трезини отвечал на расспросы подьячих.

Построившись в линию, двенадцать «братьев» растянули свой фронт на 383 метра, почти упираясь левым флангом в будущий

Мытный двор. У каждого здания свой парадный вход. Своя крыша. Высокая, четырехскатная с переломом. Очень типичная для первой четверти XVIII столетия (такие можно и сегодня встретить в Прибалтике на старых домах). Не просто защита здания от непогоды, а украшение, придающее дому дополнительную величавость. Нужно внимательно разглядеть только одну Коллегию, чтобы все узнать про остальные.

Первый этаж здания — галерея, где вместо колонн массивные рустованные пилоны — широкие прямоугольные столбы. Крайние — чуть шире остальных, и в них ниши для статуй.

Второй и третий этажи гладкие. Лишь пилястры между окнами. По углам пилястры сдвоены. Они — как строгая рама зрительных границ архитектурного произведения. Каждое здание на одиннадцать осей — протяженностью в одиннадцать окон. Центральная часть в три окна чуть выступает вперед. Это ризалит. Будто неведомая сила, стремясь подчеркнуть парадность входа, выталкивает его.

«Движение» стены вперед или назад от главной линии фасада — один из характернейших признаков стиля барокко. В первую половину XVIII столетия архитекторы, работавшие в России, очень часто использовали этот прием. Ризалиты сооружали в центре здания. Делали их по краям домов, чтобы нарушить скучную прямолинейность фасада. В некоторых очень длинных дворцах число ризалитов доходило до пяти.

Вход в Коллегию всегда в центре здания. Над ним нависает балкон второго этажа с красивой кованой решеткой. А на крыше, над ризалитом, — нарядный фронто́н криволинейных очертаний, как требовал стиль барокко. Середину фронтона — тимпан — украшает лепное изображение эмблемы Коллегии. А на скатах возлежат высеченные из белого камня мифологические фигуры.

С западной стороны, со стороны дворца Меншикова, ко всем двенадцати зданиям пристроили длинную крытую двухэтажную галерею. На первом этаже, там, где удастся, решено поместить небольшие торговые лавки (а у Коллегии иностранных дел вместо торговых заведений — кладовые для архивов). Второй этаж служил удобству чиновников на случай непогоды, чтобы быстрее переходить из одной Коллегии в другую. Благодаря этой пристройке все дома с западной стороны смотрелись как одно гигантское строение, но, увы, более однообразное и потому чуть скучное.

Невиданная до тех пор длина постройки, завораживающий ритм ризалитов и фронтонов, пилястр и пилонов, насыщенное отношение красного цвета с белым — все придавало «Двенадцати коллегиям» внушительный, торжественный вид и порождало изумление современников.

В 1730 году к востоку от зданий Коллегий прорыли канал, чтобы прямо из Невы, не огибая Стрелки, подвозить товары к Гостиному

двору. Канал облегчил жизнь многим старшим чинам Коллегий — они могли от подъезда собственного дома добираться до дверей присутственного места, не сталкиваясь с «простым» людом.

На восточном берегу нового канала, ближе к Большой Неве и симметрично церкви, которой предстояло еще подняться на краю водоема, установили высокий квадратный столб с главкой и маленьким шпилем. Здесь, у столба, глашатаи объявляли новые указы. Здесь же проводили гражданские казни: секли виновных в назидание верноподданным. И нередко в газете первой половины столетия, выходявшей на русском и немецком языках, появлялись объявления: «На Васильевском острове, противу коллегий чинена будет экзекуция...»

Проходили десятилетия. Менялись правители, вкусы, привычки. Совершенствовались нравы. Для Сената подыскали другой дом — на Адмиралтейской стороне, поближе к Зимнему дворцу, к новому центру города. Здание Двенадцати коллегий перестраивали, переделывали. Особенно сильно в 1834 году, когда отдали его Петербургскому университету. Старые фронтоны уступили место новым — простым и строгим. Заложили галереи. Из двенадцати входов оставили только один — в центре. Перед зданием подсыпали земли и разбили сад, что сразу нарушило все пропорции.

Уже в 1725 году решили переделать Мытный двор в Гостиный, а таможенную и пакгаузы для товаров передвинуть подальше на запад по берегу Малой Невы. Рисунок этого длинного одноэтажного строения хранится в архиве. Кажется, это единственный дошедший до наших дней чертеж с подписью автора. Длинный и скучный фасад Трезини оживляет ризалитами и въездными воротами — суровыми, торжественными и чуть напоминающими крепостные. Но и это здание тоже не стали строить.

Через 240 лет историк архитектуры М. Иогансен, воздавая должное зодчему, написала: «Хотя весь замысел Трезини реализован не был, тем не менее возведенные по его проектам постройки на протяжении XVIII века не только определили облик Стрелки, но оказали явное влияние на планировку и архитектурное решение отдельных возводимых построек. Так, модулем планировки площади на Стрелке 1760-х годов, предложенной А. Квасовым, было расстояние в 15 сажен — размер «корпуса» коллегий, а за эталон высоты была взята высота этого же здания. Несомненно, что мотив аркады... оказал влияние на облик двух построек, возведенных вдоль северной границы площади по проектам Кваренги... Все... свидетельствует о большом значении этой работы Трезини не только для петровского Петербурга, но и последующего времени... По своему значению и масштабу данная работа должна быть, несомненно, поставлена в ряд важнейших творческих замыслов не только Трезини, но и вообще русской архитектуры того времени».

Думал ли зодчий вечерами, когда при свете сальных свечей чертил планы, или днем, стоя на подмостях рядом с каменщиками, что вместе с растущими стенами высших государственных учреждений поднимается неповторимый памятник лично ему, Доминико Трезини? Вряд ли.

Днем все помыслы были о кирпиче и рабочих, об извести, песке, инструменте. А вечерами, когда, казалось, наступали желанные часы отдыха, одолевали, вероятно, горестные раздумья о тяготах жизни. Как сам он писал в эти годы: «С моей фамилией имею немалое оскудение и нужду».

VIII

Генерал-губернатор, фельдмаршал, кавалер многих орденов, светлейший князь Меншиков пробуждался в пять утра. Одевшись, отправлялся в домашнюю молельню служить заутреню. Обязательно с певчими. Александр Данилович уважал доброе хоровое пение.

К шести утра съезжались президенты Коллегий, важные савонники. Иногда жаловал сам Петр Алексеевич. В шесть начинался фриштык. За едой решали дела на день. Все серьезное обсуждали за обедом. В полдень. Кое-что обговаривали вечерами в ассамблее, за шахматами или картами. За столом рождались будущие указы, находили окончательные решения. Так было удобно и привычно. Жизнь государства регламентировалась не законами, а людьми.

После завтрака, часов в семь — начале восьмого, генерал-губернатор выезжал в город. Если государь отъезжал из Петербурга, вся власть оставалась в руках Александра Даниловича. Когда, к примеру, Петр в 1716 году отправился в Европу, голландский резидент де Би донес своему правительству: «Здесь ходят слухи, что... прислано князю Меншикову полномочие на управление всеми государственными делами в отсутствие его царского величества». Слухи не подтвердились. Полномочия присланы не были. Но донесение голландского резидента — отзыв мнений, бытовавших среди иностранцев, и отражает роль Александра Даниловича в жизни Петербурга.

«Поденная записка», дневник действий и указаний генерал-губернатора, который вели по образу и подобию «Записки» царской, позволяет проследить, как много внимания уделял он строительной молодой столице. По меткому замечанию одного историка, «не забивалось ни одного гвоздя без ведома царя, а в его отсутствие — Меншикова».

«...В 1717 году февраля 2-го генерал-губернатор с генерал-адмиралом графом Апраксиным прибыли к архитектору графу Растреллию...

февраля 8-го был у архитекторов Растреллия и Матарнови...

февраля 15-го ездил осматривать городское строение [то есть крепость. — Ю. О.];

февраля 17-го имел беседу с архитектором Леблоном».

В дни, когда недужилось, Меншиков слушал доношения архитекторов и руководителей работ в своем кабинете.

Через вестибюль, где вечно толпились гребцы с княжеской галеры, солдаты охраны, слуги в зеленых с красным кафтанах, по широкой лестнице следовало подняться на площадку второго этажа. Затем налево, через прихожую, отделанную до половины деревянными панелями, посетитель проходил в переднюю, где работали секретари. И уже с их ведома — в предспальню. Заведенная по европейской моде комната снизу обшита деревянными панелями, а дальше стены выложены изразцовыми плитками, как принято в Голландии. По белым квадратам плывут синие корабли, гуляют синие почтенные бюргеры, машут крыльями синие ветряные мельницы. Чисто, красиво, совсем не похоже на обычные русские дома. Порой здесь губернатор обедал или ужинал с нужными людьми, играл в шахматы, а по утрам слушал доклады секретарей и чиновников. Сюда не единожды приходил Доминико Трезини.

Отношения между простолюдином, поднявшимся до вершин государственной власти, и безотказным строителем, приехавшим в Россию ради хлеба насущного, были добрыми. Каждый по-своему был полезен другому. Зодчему нужен могущественный и доброжелательный покровитель. Генерал-губернатору необходим трудолюбивый, исполнительный мастер, знающий всестройки столицы со дня их зачинания. Такой человек лучше других, с полным знанием дела может подсказать, что и как отписывать царю в очередном доношении о строении Санкт-Петербурга. А подобные доношения государь, когда отъезжает из столицы, желает получать регулярно. Лучшего помощника, чем Трезини, для такого дела желать трудно. В 1720 году, например, Доминико предписано исполнить следующие работы:

1. Больверк царского величества и другие места в крепости.
2. Строение церкви Петра и Павла там же.
3. Шпигель для колокольной церкви Петра и Павла.
4. Подъемный мост при фортеции.
5. Установка на крепостных воротах большого двуглавого орла.
6. Строение каменного госпиталя.
7. Большой пороховой погреб на Васильевском острове.
8. Над старыми государевыми хоромами [«Красные хоромы»]. — Ю. О., что на Городовом острове, сделать сарай с крышей.
9. На острове против Екатерингофа строить государевы хоромы и бить под них сваи (Подзорный дворец).
10. В казармах форта Кроншлот поставить новые печи и оконные рамы.

11. На острове Котлин ставить магазины [амбары. — Ю. О.]»²¹.

Помимо этого Трезини следит за строениями на Васильевском острове, размечает участки для будущих домов, обучает многочисленных учеников. А вечерами находит время, чтобы рисовать планы главной площади столицы на Стрелке и загородных домов по берегам Фонтанки.

Зная о многих делах Трезини, генерал-губернатор убежден, что все крупные постройки в городе ведет именно он, и только он. Так, в 1722 году Меншиков обращается к архитектору с нетерпеливым упреком, почему, мол, нет должного радения к сооружению Кунсткамеры. И Трезини вынужден с обидой ответить: «Строение каменной библиотеки и кунст каморы приказано после смерти Матерновия достраивать архитектору Гербелю, а не мне...»

Конечно, доверие губернатора, его убежденность в мастерстве и возможностях тешат сердце Трезини. Но вместе с тем затрудняют жизнь, отнимают последние крохи свободного времени.

Светлейший любит «дачу». Взятку, по теперешним понятиям. Деньгами, собственными портретами, подарками, на крайний случай — каким-либо одолжением. И возможностей не упускает. За каждую мелочь требует отплаты. В марте 1722 года архитектор обращается к Александру Даниловичу с просьбой:

«Светлейший князь

Премилостивый государь мой и патрон

...Будучи у Марциальных вод, без позволения Вашей светлости о прибавлении жалованья его императорскому величеству не доучал, чего ради ныне с покорностью вашу высококняжескую светлость прошу, улуча благополучное время, о сем его величеству предложить, понеже и кроме бога, и государя великого императора, и вашей великокняжеской светлости в моей нужде иного протектора себе не имею...»²²

Просит о прибавлении жалованья не сам, не через прямого начальника Ульяна Сенявина, а через Меншикова. Надеюсь, что так надежнее, что государь не захочет отказать генерал-губернатору — своему любимцу.

Меншиков, видимо, соглашается исполнить просьбу, но взамен ждет от архитектора услуги. И через шесть дней после подачи прошения Трезини вновь пишет светлейшему:

«Светлейший князь.

Премилостивый государь мой.

Вашей высококняжеской светлости дражайшее мне писание получил, в котором соблаговолите писать, чтоб на каменном вашего высококняжеской светлости строении с мастером Готфридом надлежит делать советы.

Над которым строением должен я, вашего великокняжеской светлости строением, со всякой ревностью и добрым сердцем с оным мастером Готфридом что надлежит предлагать и как оное бы лутче и регулярно было и вашей светлости угодно, вспомогать со всяким прилежанием всегда готов...

Марта 26 1722 г.»²³.

В лавине неотложных и первоочередных служебных дел Трезини должен улучшить свободные минуты, чтобы исполнить просьбу князя. Причем не надеясь на вознаграждение. Ведь не случайно свои хлопоты на строении дворца Меншикова архитектор не включает в перечень работ. Кстати, и прибавки жалованья светлейший у государя тоже не исхлопотал.

Хотя исполнение княжеских поручений требует немало сил, 27 сентября того же 1722 года Трезини снова доносит губернатору: «...живописец, который приехал из Италии с господином Савою Рагузинским, в доме вашей высококняжеской светлости в каморе плафон и 2 стены живопись на фреско написал и другие две стены пишет, и в октябре месяце он обещал совсем отделать, которая работа очень изрядна»²⁴.

Докладывает обстоятельно, подробно, вникая в каждую мелочь. Будто за строение и убранство дворца генерал-губернатора отвечает он, Трезини, а не княжеский архитектор Иоганн Готфрид Шедель. Несколькими годами позже Доминико, уже не скрывая, сам руководит всеми работами в меншиковском доме. Перестраивает покои, украшает их фресками, ремонтирует старый деревянный дом, стоящий за спиной каменного. Короче, делает все то, что обязан выполнять Шедель. Тот самый, которого в письме Трезини называет за просто Готфрид.

Чем объяснить такое свойское отношение? Может, небрежением к способностям Шеделя, к его мизерному вкладу в строение дворца Александра Даниловича...

Иоганн Готфрид Шедель так пишет о себе в челобитной: «...принят я на службу в Вансбеке [близ Гамбурга.— Ю. О.] по капитуляции в 713 году за мастера палатного каменного строения... и по прибытии моем в Санкт Питербурх до 716 года из губернской канцелярии я все жалованье сполна получал... а понеже я брал оное жалованье помянутого князя Меншикова в год по триста рублев...»²⁵

Все последние труды Иоганна Готфрида Шеделя, а умер он в 1752 году, свидетельствуют, что он был очень способным каменщиком и совсем плохим архитектором. Естественно, что светлейший князь понимал это и в письмах к Шеделю наказывал во всем слушаться советов Трезини.

Шеделя такое положение устраивало. Не случайно уже в 1714 году он вызвал в Петербург своего брата Иоганна Христофора

с семьей. По указу Петра, «через князя Меншикова» с ним «сочинили» контракт и отправили на остров Котлин к строению дома его императорского величества²⁶. Также в подчинение к Доминико Трезини, который отвечал за все работы на острове и нарисовал чертеж будущего царского дворца.

Получается, что Трезини встречался с братьями Шедель чуть ли не с первых дней их пребывания в Петербурге. Не исключено, что взял их под свою опеку, подружился с ними, сблизился. И потому в письме к Меншикову он называет старшего брата Готфридом, как старого знакомца и человека, близко стоящего к князю. Дружеские отношения были. Совсем не случайно через десять лет после приезда Христофора Шеделя в Россию Трезини стремится улучшить его жизнь.

«Указом его величества императора и самодержца всероссийского из Сената, Канцелярии от строений в подписанном... доношении написано, по его императорского величества именному указу 721 года сентября 27 дня строитца от Камор коллегии на Васильевском острове Мытный двор, также и амбары, и погребы для поклажи всяких товаров казенные, по показанию архитектора Трезина, который объявляет, что ему у того строения за другими делами безотлучно быть невозможно, и требует к тому строению каменного дела мастера иноземца...

Яган Христофор Шедель... пребывал у строения казенных каменных палат в Кронштадте, а жалованья по контракту получал денег по триста пятьдесят рублей, муки по двадцати четвертей, пива по ставосьмидесяти ведер, дров по двенадцати сажень, свечей сальных по три пуд и за квартиру без платы...

И по вопросу Коллегии архитектор Трезини объявил, что он Шедель тому мастерству достаточен, и заобучен, и будет у того строения безотлучно, а он Трезини будет надзирать...

И по Его Императорского величества приказу правительствующий Сенат ноября 23 дня 724 г. приказали вышеупомянутого... Шеделя к строению на Васильевском острове Мытного двора и амбаров и погребов... определить. Жалованья ему давать по чetyреста рублей в год...»²⁷

Листы серо-голубой бумаги ручного отлива — с неровными краями — способны повествовать, какими путями успевал Трезини вести одновременно большое число работ. И еще могут рассказать о быте Петербурга первой трети XVIII столетия.

Иоганн Кристоф Шедель — мастер не ахти какой. Он живет скромнее многих обитающих в Петербурге иноземцев, но лучше всех русских мастеров. Его жалованье выше, чем получает талантливый Земцов. Помимо денег Шеделю выдают 20 четвертей муки, или, на сегодняшние меры, 4198 кг; пива — 2214 л; свечей — 49 кг и дров — 116 м². На общую сумму в 50 рублей. Оплата натурой —

следствие трудностей с продуктами в столице. Муку и крупу везли в новый город издалека, чуть ли не со всей России. Очевидец, к примеру, свидетельствует: «Если бы из Новгорода, Пскова, Москвы и даже Казанского царства не доставляли сюда продовольствие, особенно муку, что все перевозится зимой на многих тысячах саней за 200 — 300 миль, а летом водой через реку Волхов и Ладожское озеро, также через Онежское озеро и реку Свирь (тоже через Ладожское озеро), то не только бы Петербург, но и эта часть страны вымерли бы от голода». Не случайно царь назначил в Петербурге специального провиантмейстера, ведавшего приемом и разделением съестных припасов.

Все это огромное количество муки, пива, дров следовало где-то хранить. В каких-то сараях, амбарах, погребах. И дома обростали многочисленными хозяйственными пристройками. Жилье строили по законам новой архитектуры, а жили дедовским привычным укладом — усадьбой. С землей под сад, огород, птичник, сарай. У самого Петра хозяйственный двор в Летнем саду вдоль Фонтанки занимал места во много раз больше, чем Летний дворец. Своя усадьба была и при Летнем доме царицы. Даже на Васильевском острове, по замыслу Петра — центре будущей регулярной столицы, Трезини нарезал прямоугольные участки, с учетом будущего огорода, места для амбаров и кладовых. А светлейший князь просто растянул свою усадьбу вместе с цветником и садом от Большой до Малой Невы. Через весь остров. Чего здесь только не было: и свои бани, и хлебопекарня, и кузница, и медоварня.

Еще в 1727 году Доминико Трезини строит для своего «патрона», как он называл Александра Даниловича, немало хозяйственных зданий.

«...Во дворе князя Меншикова построена каменная поварня и хлебня длиною на 14, шириною 4 $\frac{1}{2}$ сажени, вышиною в один апартament...

...В сад под виноград ящик из брусьев длиною 49 сажен, вышиною задняя в 6, передняя в 4 венца.

...На каменных оранжереях положены вновь брусья и старые брусья подкреплены.

...Перед тем деревянным домом зделаны поварни; деревянная первая длиною 10 сажень, шириною 3 $\frac{1}{2}$ сажени, другая длиною 14 сажен, шириною на 3 $\frac{1}{2}$ сажени...

...На дровяной двор из старого строения изба, баня с предбанником, угольный амбар — кузница изба новая с перерубом, перенесены и поставлены.

...Две конюшни длиною обе на 18 $\frac{1}{2}$ сажен поперек на 5 сажен в которых столпов 46 построены вновь...»²⁸

Пройдет много, много десятилетий, прежде чем петровский Петербург из города регулярно выстроенных усадеб, окруженных

шабами, сараями, лачугами, превратится в чудо архитектуры, не имеющее по красоте и величию сходного в Европе.

А что касается отношений между генерал-губернатором и Тренини, его многодельной службы патрону, то, в конце концов, она принесет зодчему неприятности и утомительные хлопоты. Впрочем, речь об этом впереди.

IX

Тридцатого августа 1721 года наконец завершилась Северная война. Со Швецией заключен долгожданный мир. Торжествуя, Петр Алексеевич писал русскому послу в Париже князю В. Долгорукому: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно: но наша школа трехкратное время была [т. е. 21 год.— Ю. О.], однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно». Имел право торжествовать — «троевременную школу» завершили с успехом благодаря его усилиям, его настойчивости.

1097 дней продолжались трудные переговоры. Шведы, чувствуя на своей спине поддержку Англии, выдвигают самые немыслимые требования. Например, отдать за взятый русскими войсками Выборг равноценную землю. Царь накладывает резолюцию: «У нас таких земель нет». Неожиданно шведские министры требуют включить в договор, что они милостиво отдают русским Петербург. Петр раздраженно извещает своих дипломатов: «Что же в проекте шведских министров упомянуто об уступках их, что уступают нам Петербург, и вам надлежит при заключении объявить, что о Петербурге упоминать не надлежит, ибо оно при их владении не было».

Переговоры со шведами ведут мудрый Яков Брюс и хитрый интриган Генрих Иоганн Остерман, выклянчивший у царя по этому случаю титул барона. А чтобы сделать шведов сговорчивей, генерал-майор Петр Ласси, ирландец по происхождению, высаживает недалеко от Стокгольма десант пять тысяч человек. Русские солдаты и казаки сжигают три города, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 крестьянскими дворами. И шведские министры вынуждены уступить.

Тем временем сам Петр в нетерпении мечется по побережью. Из Петербурга в Ревель, оттуда в Ригу, снова в Петербург. Затем в Выборг. Ждет, ждет столь надобный ему мирный договор. Замучивая гребцов, загоняя лошадей, мчатся к нему курьеры с донесениями о каждом дне переговоров. Царь извещает Меншикова, чтобы начал в столице исподволь готовиться к великому празднику. А Брюсу и Остерману шлет строгий наказ: «...Известие мне первому привезть в Петербург, понеже не чаю, кто б более моего в сей войне трудился, и для того с сим никому являться не велите, кроме меня».

Наконец третьего сентября очередной курьер, гвардии капрал Обрезков, настигает царя по дороге на Выборг, в Дубках. При нем и текст договора, в спешке даже не переведенный на русский язык. Петр велит повернуть назад, в столицу. От радости не спит всю ночь, но находит в себе достаточно сил, чтобы никому не сказать о полученном известии. Война, начавшаяся двадцать один год назад поражением под Нарвой, завершилась утверждением на балтийских берегах, приобретением Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии и рождением новой столицы в устье Невы.

Около десяти часов утра 4 сентября с пушечной стрельбой вошла в Неву бригантина. На носу ее стоял ликующий Петр, выкрикивая известие о мире.

Свидетельствует очевидец — камер-юнкер Ф. Берхгольц: «Началась пушечная пальба в крепости и в Адмиралтействе и спустя час продолжалась снова. В это время царь находился в церкви святой Троицы, где свершалось благодарственное молебствие... Между тем на всех улицах до поздней ночи объявляли о мире при звуках литавр и труб. Литавры были покрыты белою тафтою, и трубачи и следовавшие за ними всадники имели белые шарфы или повязки через плечо и держали белое знамя с изображением двойной масляной ветви с лавровым венком наверху. На всадниках были старые заржавленные железные шлемы, а на трубачах старые коричневые кафтаны, что все вместе отличалось какой-то особенностью».

Меншиков сумел хорошо подготовить торжества. Царю понравилась символика герольдов: белая тафта мира наряднее и приятнее проржавевших, ненужных теперь воинских доспехов.

Пока на улицах и площадях народу возвещали о наступившем покое, в цветных шатрах, раскинутых в саду светлейшего, шел великий пир. Царь веселился как ребенок: пел, танцевал на столе. Так и не скинув матросского костюма, искусно выбивал дробь на барабане. (Кстати, подобными музыкальными занятиями увлекались и внук Петра, император Петр III, и праправнук — император Николай I.)

Десятого сентября начался маскарад, длившийся целую неделю. С утра до позднего вечера тысячи человек в причудливых костюмах и масках вышагивали и ездили по городу из дома в дом. Сваливались, мертвецки пьяные, прямо на улицах, а протрезвев, продолжали коловращение.

Больше месяца длилось ликование. Днем на площади выкатывали бочки с пивом и вином, что еще больше подогревало народную радость. А вечерами у всех домов зажигали десятки и сотни плошек и вспыхивали разные фейерверки.

Торжества завершились 22 октября. В тот день в Троицком соборе Феофан Прокопович прочитал проповедь о всех знаменитых

дениях Петра. Затем старейший их всех сенаторов канцлер Гавриил Головкин произнес речь: «Да благоволите от нас, в знак малого нашего признания толиких отеческих... показанных благодеяний, титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского принять». Сенаторы прокричали трижды «Виват!». За ними повторил этот крик народ. Зазвонили колокола, раздались залпы сотен пушек крепости, Адмиралтейства и 125 галер, приведенных в Неву. По словам очевидца, «все казалось объято пламенем и можно подумать, что земля и небо готовы разрушиться».

Петр ответил собравшимся, по замечанию А. Пушкина, «речью гораздо более приличной и рассудительной, чем все это торжество». И титул принял. Тем самым Россия объявляла себя одной из крупнейших европейских держав. Ведь до этого дня существовала только одна Священная Римская империя со столицей в Вене. Ништадтский мир породил вторую.

Доминико Трезини, конечно, присутствовал на всех торжествах. Обязан был. И это не домысел, не предположение.

Праздничные торжества объявлены были ежегодными. В дневнике камер-юнкера Ф. Берхгольца имеется запись от 30 августа 1723 года:

«Начался восьмидневный маскарад в честь годовщины Ништадтского мира. Распорядок утверждал сам государь. Участвовало в маскараде немногим больше 200 человек. Все важные и приближенные персоны. Государь сам указал, в каком платье кому быть и под каким номером кому идти:

«№ 1. В кавалерском св. Георгия. Ундер-маршалу машкарада, президенту Мануфактур-коллегии Василию Новосильцову.

№ 2. Певчие в однорядках и халдейском. 30 человек.

№ 3. В аббатском. Маршал маскарада — Меншиков.

№ 4. В платье гамбургских бурмистров. Генерал-адмирал Федор Апраксин, президент Юстиц-коллегии Петр Апраксин, обершенк Андрей Апраксин...

№ 7. В старинном немецком. Генерал-прокурор Ягужинский, тайный советник барон Остерман...

№ 18. В рудокопном. Обер-директор от строения Ульян Сенявин. Берх-коллегии советник Алексей Зыбин... а всего 9 человек...

№ 22. В швейцарском. Генерал-маэор от артиллерии Гинштер, архитектор Трезини...

№ 49. Барabanчики. Петр Алексеевич Михайлов, Иван Иванович Бутурлин, Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, Никита Трубецкой...»

Здесь следует на время прервать записки очевидца. Трудно повествовать слитно, когда большое скопление еще не расшифрованных сведений и фактов может позволить какому-нибудь из них ускользнуть от нашего внимания.

В списке участников маскарада только один архитектор — Трезини. Хотя в Петербурге исправно трудятся многие прославленные мастера. Например, Бартоломео Растрелли, который именно в этот год отливает великолепный бюст Петра-победителя. Или австриец Николо Гербель, который с 1 сентября 1719 года числится на должности в Канцелярии от строений, итальянец Гаэтано Киавери, прибывший в Россию в августе 1720-го...

Всего в маскарадной процессии 58 номеров. Сам царь шагает почти в конце. За ним идут только дамы во главе с Екатериной. Но это уже игра. А вот Трезини стоит ближе к началу. К тем, кто фактически определяет внутреннюю и внешнюю жизнь государства. Для архитектора — высокая честь. Не случайно Берхгольц отмечает, что в маскараде участвуют только «важные и приближенные персоны».

Петр хорошо понимает, что верного слугу необходимо поощрять и выделять. Например, его исключительностью среди прочих. Тогда слуга будет надежнее и станет еще ревностней относиться к своему делу.

Снова обратимся к дневнику камер-юнкера. Царь не только установил порядок ряженных. Он тщательно разработал весь церемониал праздника. Чтобы не дай бог кто-нибудь не проявил самостоятельности. Все действия должны заранее быть известны. В первый день собирались в 3 часа дня у австрии «Четырех фрегатов» (на Троицкой площади, неподалеку от моста в крепость), обходили площадь. Оттуда на галерах ехали по гостям. На второй день — в Летнем саду в 3 часа дня и там веселились до 12 ночи. Третий день торжествовали во дворце Федора Апраксина, втором по величине доме Петербурга. На четвертый и пятый дни собирались опять у австрии и оттуда — к Меншикову на Васильевский остров. Шестой день отдыхали. На седьмой день веселье в Летнем дворце и саду Екатерины. Последний, восьмой день вновь встречались на Троицкой площади и разъезжались по разным домам в гости. «Пили, — пишет Берхгольц, — с пальбой и шумством».

Страсть к регламентации праздников становится у русских правителей наследственной. Екатерина II собственноручно пишет правила, что и как следует делать на ее вечерах в Эрмитаже. Николай I идет еще дальше. Он считает необходимым руководить постановкой балета «Бунт в серале». В архиве Министерства двора сохранилась написанная под диктовку царя диспозиция движений кордебалета на сцене. Согласно этому документу, танцовщицам предписывались следующие действия: «№ 1. Фронт в конце сцены спиною к зрителям. № 2. Заходят направо, левое плечо вперед, идут мимо левых кулисов, где, сделав левое плечо вперед, идут до конца сцены... № 11. Из каре деплояда, фронтом вперед к авансцене. № 12. Делают на караул».

Устанавливая порядок праздничного шествия и весь ход торжества, Петр тем самым утверждал надобный ему образ мышления и нормы поведения подданных.

В праздниках, как и в работе, царь не считался с желаниями и возможностями подчиненных. Посему и всякие торжества превращались его капризом в тяжкую обязанность. Надо было обладать поистине железным здоровьем, чтобы выдержать недельный пьяный загул.

Трудно поверить, что трудолюбивому, обремененному десятками различных дел Трезини такая утомительная и в общем ничемная неделя веселья доставляла удовольствие. Но зодчий понимал, что, оказавшись в числе самого близкого окружения государя, он уже не может и не должен выходить из этого круга под страхом лишения многих, пусть порой небольших, благ и даже куска хлеба. Посему терпел и безропотно участвовал во всех действиях. Соблюдал негласный закон жизни в новой России.

ПОЛКОВНИК ФОРТИФИКАЦИИ

I

Александр Меншиков, Федор Апраксин, Петр Шафиров, Яков Брюс построили дворцы великолепные. Пышностью, размером, внутренним убранством они прямо вопили о силе и богатстве своих владельцев. И хотя мотовства государь не терпел, но с роскошными дворцами мирился: славное украшение столицы.

Сам Петр Алексеевич свой царский Зимний дворец строил и перedelывал трижды. Жаждал показать всем пример скромности и бережливости. О том, что в конце концов все работы обойдутся во много раз дороже, не задумывался. Утешал себя, что платить не сразу, а в несколько приемов казне легче. И видимость разумного отношения к деньгам соблюдена.

Первый каменный Зимний дворец, возведенный Трезини, к осени 1715 года уже показался тесным. Подросли дочери. Большим стал штат придворных дам при Екатерине и царевнах. А 29 октября родился долгожданный сын — Петр Петрович. Будущий наследник российского престола, как надеялся государь, но, увы, скончавшийся в младенчестве. И тогда Петр повелел архитектору Маттарнови возвести новый Зимний дворец. Третий по счету (припомним: первый — деревянный, второй — каменный, который Трезини завершил в 1711 году). Чтоб был поместительнее старого и стоял ближе к Неве.

Почему же столь важное дело поручено именно Георгу Иоганну Маттарнови, приехавшему в Петербург вместе со Шлютером в 1714 году, а не верному, испытанному Доминико Трезини? Не исключено, что Шлютер оставил какой-нибудь набросок будущего дома. А может, царь не хотел отрывать Трезини от более важных дел — трудоемких работ на Васильевском острове, строения колокольни Петропавловского собора и Александро-Невского монастыря? Возможно, что обе причины повлияли на решение государя.

В начале весны 1716 года начали бить сваи под новое здание и укреплять невиский берег.

История этого третьего (или второго каменного) Зимнего дома почти два столетия хранила немало загадок. Виновницей их рождения оказалась Екатерина II. Императрица пожелала на месте старых петровских хором увидеть собственный придворный театр. И в 1783 году Джакомо Кваренги, итальянский архитектор из Бергамо, начал строительство. Серьезных исследований здания в XIX веке никто не проводил, и посему в конце столетия кое-кто из историков даже высказывал предположение: Кваренги разрушил дворец Петра и на его месте воздвиг Эрмитажный театр.

Лишь в 1979 году археолог Е. Баженова, проводя раскопки в подвалах театра, в одном из помещений открыла тяжелые массивные своды цокольного этажа дворца царя Петра. Раскопки позволили частично уточнить первоначальный план, но вовсе не поколебали устоявшееся мнение: Кваренги снес Зимний дом до цоколя.

Через шесть лет, в 1985 году, было принято решение провести полную реконструкцию и реставрацию Эрмитажного театра. Подготовительные исследования поручили уже упоминавшемуся Григорию Владимировичу Михайлову вместе с Валерием Константиновичем Галочкиным и Ирэнной Владимировной Бурковской.

Огромная картотека подробных выписок из всех архивных дел — зримое свидетельство начального периода работы. И только после этого последовали закладка шурфов — прямоугольных раскопов глубиной подчас свыше двух метров, зондирование стен, — снятие всех слоев штукатурки, изучение и анализ кладки по размерам кирпича и манере работы. И вот тогда-то начались ошеломляющие открытия.

Благодаря многотрудным и напряженным исследованиям Г. Михайлова и В. Галочкина стало понятным, что дворец Петра по проекту Маттарнови строился в несколько приемов.

В коллекции Эрмитажа сохранился чертеж — фасад первой очереди дворца со стороны Невы и план государевой усадьбы. Два этажа на высоком цоколе. В ширину на восемь окон. Центральная часть в четыре окна выступает вперед и увенчана небольшим треугольным фронтоном. Цоколь обработан в руст. А через второй и третий этажи вытянулись пилястры. Крыша высокая, с перело-

мом. Короче, похож дворец на проект дома для именитых, предложенный Леблонном. Строгий, скромный, изящный.

На плане видно, что слева, если глядеть от Невы, протянулся в глубину участка хозяйственный флигель. Справа специальный переход ведет к небольшому почти квадратному в плане строению: шесть комнат на высоком цоколе. Это личные покои государя. Здесь в тишине, вдали от дворцовой суеты, Петр работал, здесь он и скончался. Далее за царскими палатами — небольшой французский сад, который завершается гаванью. По другую сторону водоема — вместительное строение для хранения прогулочных судов. Оно как бы отделяет участок от первого каменного Зимнего дома.

Чтобы государь мог прибывать к себе во дворец по воде, в 1718 году от Мойки до Невы начали рыть канал — теперешнюю Зимнюю канавку. В августе 22 дня того же года князь Черкасский доносил Петру: «В верхних больших палатах штукатурную работу отделяют. На канале подле Зимнего дома плотину досками обшили. На малых палатах другие палаты сделаны»¹. Незадолго до окончания строительства Петру показалось, что шести личных покоев ему недостаточно, и он велит поднять свой дом еще на один этаж. Трудно архитектору работать с заказчиком, который все время вносит изменения, заставляет что-то переделывать и перестраивать.

Наконец дом готов. Однако завершить его внутреннее убранство Маттарнови не успел. Он скончался в ноябре 1719 года. Отделку стен и потолков бело-синей голландской плиткой в шести государевых покоях (как это сегодня можно увидеть в уцелевшем Меншиковском дворце) выполнили мастера уже под наблюдением отца и сына Растрелли. 27 декабря 1720-го в новом Зимнем доме состоялась первая ассамблея.

Впрочем, с этим строением все было ясно и раньше. Е. Баженова своими раскопками только подтвердила место, где он стоял: на углу Зимней канавки и Невы. А вот дальше снова все непонятно, все рождало недоуменные вопросы. Во-первых: зачем нужно было заказывать новый дом Маттарнови, когда он своими размерами не превышал строение Трезини? Во-вторых: какой же Зимний дворец изображен на рисунке Марселиуса, который находится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде? И в-третьих: что же строил Доминико Трезини в новом Зимнем доме в начале 20-х годов и в 1726 году? А ведь по документам известно, что строил.

Почти два с половиной столетия историки считали, что именно в зале второго этажа первого дворца Маттарнови установили гроб с телом Петра. Но в 1978 году молодой исследователь В. Матвеев, внимательно изучая гравюру А. Ростовцева и С. Коровина с изображением «погребальной залы» (единственный ее уцелевший оттиск

хранится в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР, а изображено на нем траурное убранство дворцовой залы, исполненное другом Трезини, скульптором Н. Пино), обратил внимание на то, что зала (на гравюре нарисована масштабная линейка) никак не вписывается в план дворца Маттарнови (план, к счастью, имеет тоже масштабную шкалу). Значит, к моменту смерти Петра должен был существовать какой-то другой каменный дворец.

Проводя свои исследования, Г. Михайлов и В. Галочкин обратили внимание на то, что в Зимнем доме Маттарнови стена служебных построек, обращенная на восток, к дому Склаева и Летнему саду, совершенно глухая. Без единого окна. Точно хозяин усадьбы желал отгородиться от какой-то возможной суеты и шума. Указ царя от 8 июня 1719 года объяснил эту странную особенность: архитектуру Маттарнови велено продолжить строение дворца вдоль Невы. Но мы хорошо знаем, что автор проекта не сумел выполнить это повеление. Смерть оборвала его деятельность. И вот тогда-то царственный кум вновь призывает Трезини. Трудолюбивому Доминико поручено возглавить прерванное строительство. Строение дворца стало теперь не личным делом, а частью большой политики.

Возведение его велось с большим поспешанием. В мае 1722 года Трезини запрашивает 150 тысяч кирпичей для дома его императорского величества². В том же году осенью хлопочет о выдаче денег резчикам по камню, работающим на строении Зимнего дворца³.

Изучая кладку, архитекторы-реставраторы пришли к выводу, что работы начались с возведения будущего просторного парадного вестибюля. И лишь когда все здание до восточного ризалита было готово, его соединили с домом Маттарнови. От гудения этой стройки и старался заслониться государь прочной стеной.

Повидав королевские дворцы Лондона, Парижа, Версаля, Петр осознал необходимость собственной величественной резиденции, достойной положения уже прославленного европейского монарха.

Запись из дневника камер-юнкера Ф. Берхгольца от 14 октября 1723 года: «Его величество [Карл Фридрих Шлезвиг-Гольштейн-Готторский. — Ю. О.] осматривал комнаты в императорском доме, которые вообще не очень малы, однакож необыкновенно красивы и теплы; есть там также большая великолепная зала, но она еще не совсем готова». (Та самая зала, где позже поставят гроб с телом императора.)

Скорее всего, сооружение нового дворца было окончательно завершено к лету 1724 года. Окрашенное золотистой охрой с белыми архитектурными деталями, здание протянулось на шестьдесят восемь метров вдоль Невы. Его разлет вширь справа сдерживает Зимний дом, возведенный Маттарнови, а слева точно такой же дом, поставленный Трезини. Между ними — центральный объем двор-

ца. Его нарядный ризалит в три окна подчеркнуто декорирован трехчетвертными колоннами на высоких пьедесталах. Колонны держат на себе тяжесть пышно украшенного аттика с императорской короной наверху. Вознесенная над дворцом, она завершает нарастающее движение от высоких крыш боковых корпусов к центру.

Применение колонн — явное доказательство того, что проект дворца исполнил Маттарнови. Трезини колонн не признавал. Насмотревшись датской архитектуры, этой верной последовательницы архитектуры голландской, Доминико во всех своих строениях использовал только пилястры. Порой, во имя достижения объема, сдвигал их, накладывая одну на другую, как это можно видеть на Петропавловском соборе. Совсем не случайно искусствовед А. Некрасов в свое время очень образно назвал трезиниевский период строительства Петербурга «пилястровым».

Итак, в начале 20-х годов Доминико Трезини достраивал по проекту Г.-И. Маттарнови второй каменный дворец Петра Первого. А что же тогда делал архитектор в 1726 году? Ведь существует документ: «...в 5-м часу [20 мая 1726 года. — Ю. О.] ее императорское величество изволила в Зимнем своем Доме заложить новые палаты». Что за палаты, какие, где?

Многие десятилетия историки утверждали, что это дата закладки большого дома. Теперь-то мы знаем, что это не так. Но все же какое строение заложил Трезини в 1726 году? Ответ сокрыт в доношении Михаила Земцова и Ивана Мордвинова. Составляя в 1728 году перечень работ Д. Трезини, они в первом пункте запишут: «При Зимнем доме старое по каналу и во дворе строение разобрано и вновь строение Зимнего дому по чертежу кругом двора на 149 сажень сверж погребов в два апартамента. А изнутри с нижнего и верхнего галерею построено и покрыто железными листами. Подле того Зимнего дому в построенных от улицы бывшего двора Склаева в каменных палатах длиною на девяти саженьх, поперек на семи саженьх и 5 футах вышиною в два апартамента»⁴.

Разберемся в этом доношении. Начнем с конца, с «бывшего двора Склаева». Да, того самого корабельного мастера Феодосия Склаева, который почти за двадцать лет до сего исправно доносил Петру о строении самого первого, еще деревянного Зимнего дома. Теперь же на его земле первый архитектор Петербурга возвел протяженный двухэтажный каменный дом. Вероятно, для дворцовых служб.

Обратимся к началу доношения: «...старое по каналу и во дворе строение разобрано...» О самом дворце, смотрящем на Неву, ни слова. Это понятно. Он недавно возведен, и нет нужды его перестраивать. А вот служебных построек не хватает. Двор Екатерины веселится безудержно. Только на его потребности, как сообщают

иностранцы, в 1726 году израсходовано 650 тысяч рублей. (Для сравнения укажем, что на все строения в Петербурге в 1725 году отпущено 1 300 000 рублей.) Растет число слуг. Без конца надобны новые покои и хозяйственные помещения. Вот почему Трезини перестраивает старые и возводит новые флигеля.

Окончательно разобраться, что же именно сооружал Трезини во дворце в 1726 году и позже, позволяют открытия архитекторов и план первого этажа Зимнего дома, составленный, правда, уже при императрице Елизавете Петровне. (Позже, в 1749 и в 1764 годах, дворец претерпел два больших ремонта с перестройкой внутри.)

Протяженный дворец, зарисованный Марселиусом в 20-е годы, легко «прочитывается» на «елизаветинском» плане: боковые ризалиты, корпуса между ними, выделенная центральная часть. А в план очень четко «вписывается» своими размерами большая «погребальная зала». Она располагалась как раз на втором этаже над парадным вестибюлем. Значит, прав оказался В. Матвеев, доказавший с помощью математических расчетов, что покой, где стоял гроб с телом Петра, находились не в доме, возведенном Маттарнови, а в большом дворце, протянувшемся вдоль Невы. Завершение строительных работ главного здания дворца подтверждает и более поздний рисунок его, хранящийся сейчас в Стокгольме. На листе немецкая надпись: «Это старый Зимний дворец, который был построен покойным императором Петром Великим, где и жило его императорское величество до конца жизни в зимнее время, но который ныне занят придворными служителями».

Войдя во дворец с набережной, посетитель оказывался в просторном — 11 метров шириной — вестибюле. Справа из этих больших сеней широкая дубовая лестница вела на второй этаж, в парадную залу, а прямо открывался выход во внутренний двор.

Двор был вымощен голландским кирпичом, разбиты цветники. Вдоль Зимней канавки, Немецкой улицы (ныне ул. Халтурина) и бывшей усадьбы Скальева, ограничивая пространство двора, встали покоем двухэтажные здания с открытыми внутри галереями на первом и втором этажах, чтобы в непогоду безбоязненно переходить из одного помещения в другое. Именно эти служебные корпуса и начал строить Доминико 20 мая 1726 года.

Прием галерей, открытых внутрь двора, для Петербурга уже не нов. К началу 20-х годов подобные двухэтажные корпуса с галереями на первом и втором этажах обрамляли внутренний двор дворца Меншикова после пристройки к нему боковых флигелей. Только там, у генерал-губернатора, галереи были деревянные, богато украшенные резьбой и позолотой (сказалось желание князя подчеркнуть свое положение). В Зимнем доме галереи каменные на массивных столбах. В треугольных пространствах между арками круглые филенки в рамах, будто специально оставленные места для

будущих керамических барельефов. Сей декоративный прием еще неведом Петербургу.

Интересно, что Трезини, возводя новые здания вокруг двора, не считался с проектом Маттарнови и вывел свои строения на метр десять сантиметров выше дворца. Может, мечтал, что со временем поручат ему перестроить дворец и тогда все будет одной высоты?

Все стало ясно благодаря открытиям Г. Михайлова, В. Галочкина, И. Бураковской. Они дали окончательный ответ: Кваренги только разобрал большую часть набережного корпуса, а сени и многие жилые покои западной (жилой) части дворца, Большие сени и служебные помещения на первом этаже центральной части использовал для своего здания. Исследователям не только удалось расшифровать стародавнюю загадку, но и подарить городу частично сохранившийся памятник архитектуры первой трети XVIII столетия.

А о каком же разобранном старом строении все-таки идет речь в доношении? Да о первом каменном доме Петра, возведенном самим Трезини! С 1723 года по 1726-й в нем заседал Сенат, но для него уже возвели здание на Васильевском острове, а старый дворец затеснял двор, мешал, портил вид, и его без сожаления разрушили. Однако на этом работы Доминико в императорском Зимнем доме не закончились.

Анна Иоанновна, став императрицей, немедленно повелела отремонтировать и расширить дом Петра. И вновь Трезини возвращается на берег Зимней канавки. Теперь он пристраивает новые покои с тыльной стороны дворца — в его юго-западной части. Благодаря этому «толщина» расширенного здания вырастает с восьми метров (таким дворец был по замыслу Маттарнови) почти до двадцати. И далеко выступавший дворовый ризалит оказывается после достройки внутри Зимнего дома. (Все это теперь можно увидеть воочию благодаря самозабвенному труду Г. Михайлова и В. Галочкина.) Но Анна Иоанновна так и не поселилась в приготовленном для нее доме. Гордыня и честолюбие самовлюбленной императрицы оказались сильнее разума. Она захотела жить в новом дворце, сооруженном специально для нее отцом и сыном Растрелли.

Воссоздав всю историю поэтапного сооружения второго каменного Зимнего дома, архитекторы неожиданно для себя обнаружили, что со стороны Зимней канавки под слоями позднейшей штукатурки сохранилась значительная часть фасада петровского дворца. Около двадцати метров! Фундамент из плиточного камня, цокольный этаж с небольшим окошком, забранным решеткой, окна первого и второго этажей, украшенные фигурными наличниками. Хорошо различимы стесанные Кваренги двести лет назад выступающие архитектурные детали — основания и завершения. Освободились от толстого слоя извести прямоугольные филенки над

окнами первого этажа. И если призвать на помощь чуть-чуть фантазии, то можно представить себе внешний облик дворца целиком. Это уже не скромный дом именитого горожанина, а настоящая резиденция правителя молодого, но могущественного государства. И поспорить с ней по красоте и величию может разве только дворец генерал-адмирала русского флота Ф. Апраксина около Адмиралтейства (не случайно Анна Иоанновна повелела Растрелли пристроить свой дворец именно к дому адмирала). Резко выделяясь среди прочих окружающих строений своей золотистой окраской и побеленными архитектурными деталями, нарядный Зимний дом императора Петра стал несомненным центром левого берега Невы. Ибо не было вокруг жилых строений протяженней его. Здесь же было средоточие государственной власти: жил император и заседал Сенат.

По мощенной булыжником Первой Набережной улице (теперь Дворцовая набережная) громыхали многочисленные кареты, скакали гонцы, маршировали солдаты гвардейских полков. И, как во все времена во всех государствах, любопытные мальчишки сбегались смотреть на смену дворцового караула. Раскрашенные, раззолоченные галеры причаливали к невской пристани. Придерживая шляпу, чтобы сердитый морской ветер не сорвал ее с головы, и бьющую по икрам шпагу, именитые гости торопились во дворец. По Зимней канавке сновали многочисленные лодки с хозяйственными грузами. А в гаванце покачивалась на ленивой волне государева яхта, всегда готовая отправиться в путь.

Зимой под самый праздник крещения, когда ударяли особо лютые морозы, перед дворцом на Неве рубили широкую прорубь — иордань. Над прорубью устанавливали резанный из дерева, раззолоченный вычурный шатер-иордань, сделанный по рисунку Трезини⁵. Его загодя привозили с Петербургской стороны, где он хранился в специальном сарае неподалеку от входа в крепость. С утра вокруг иордани выстраивались полки. Преображенский полк в зеленых шинелях. Семеновский — в синих. Гренадеры в кожаных, похожих на древние шлемы шапках с большим металлическим гербом спереди. Перед каждым батальоном свои музыканты — гобоисты и валторнисты. У иордани стояли в праздничных, шитых серебром и золотом одеждах многочисленные служители церкви. Наконец появлялся Петр с Екатериной в окружении свиты. И начиналась торжественная церемония водосвятия...

Любимые гвардейские полки — главная опора и сила государя. Они — его глаза, уши и твердая рука. Бравым преображенцам и семеновцам доверяет Петр расследование важнейших антиправительственных дел, ревизию переписи мужского населения, взимание налогов, даже наблюдение за действиями сенаторов.

Свидетельствует французский посланник в России: «...царь неоднократно выражал гвардейским офицерам исключительное доверие и поручал комиссии из них важнейшие государственные дела. Удивительно видеть, что члены Сената встают со своих мест перед поручиком и относятся к нему с подобострастием».

Гвардейские полки, приведенные Меншиковым и генералом Бутурлиным ко дворцу в ночь на 28 января 1725 года, возвели на русский престол первую женщину-императрицу — Екатерину I.

Новая правительница, «походная жена-солдатка» Петра Великого, как назвал ее В. Ключевский, навсегда осталась благодарна своим верным преображенцам и семеновцам. Не единожды газета сообщала читателям, что государыня «немалое имеет попечение о воинских делах, и в прочем, что принадлежит к удовольствию полков».

Осознав свою силу, brave гвардейцы через шестнадцать лет сделают новый переворот — в пользу Елизаветы, дочери Петра. А в июне 1762 года отдадут русский трон немецкой принцессе, будущей Екатерине II. Наконец, в мартовскую ночь 1801 года гвардейские офицеры убьют императора Павла Петровича...

Впрочем, судя по уцелевшим документам, Доминико Трезини политикой не интересовался. Его никогда не привлекали разговоры людей, мечтавших достичь вершин могущества. Ему были безразличны хитросплетения интриг тех, кто мечтал удержаться на этих вершинах. Интерес представляло только дело: архитектурская работа.

Трезини был свидетелем, как перед фэхверковым зданием Юстиц-коллегии на Троицкой площади еще в июле 1721 года повесили сибирского губернатора Матвея Гагарина. Первым обвинил его в казнокрадстве в 1714 году главный государственный доноситель — обер-фискал Алексей Нестеров. А в декабре 1722 года казнили самого Нестерова. Тогда же лишили всего состояния и сослали в Сибирь вице-президента Коллегии иностранных дел барона Петра Шафирова. Неоднократно ходил в синяках после царской дубинки сам светлейший князь Александр Меншиков. И тогда особенно ясно становилось, что богатство, чины, положение — достоинство временное, неустойчивое. А вот строения, которые он, Трезини, возводит, — вечны. И далекие потомки будут чаще вспоминать о тех десятилетиях не по действиям вельмож и власть имущих, а благодаря уцелевшим величественным памятникам, по чудо-городу, поднимающемуся на топких берегах Невы. И он, Трезини, отдал свои силы и почти всю свою жизнь, чтобы это чудо свершилось.

Сейчас архитектор был радостен и горд. Новый Зимний дворец стал не только частью Петербурга, а его украшением. Причем одним из лучших. С его появлением четче определилось лицо горо-

да. Его главная площадь — Стрелка, обращенная на восток, на невский простор. Справа — горизонталь Зимнего дворца. Слева такая же горизонталь крепости. А на востоке, у изгиба реки, вытянутый прямоугольник Госпиталя. Он как бы замыкает панораму. Вокруг этих главенствующих строений — дворцы, дома, различные здания. Город Санкт-Петербург.

Не будем скрывать, что появилась и чисто житейская причина для радости. Задабривая верных слуг покойного мужа, Екатерина не забыла и царского кума — архитектора Трезини. Поводом для императорского благодеяния послужило доношение Ульяна Сенявина:

«Высокоучрежденному Правительствующему Сенату Канцелярия от строений доносит, а о чем тому следуют пункты

I. В оной Канцелярии иноземцы архитекты и мастера требуют прибавочного жалованья и об отпуске в отечество их; також и русские архитекты и подмастерья по достоинствам архитекторов иноземцев об определении им жалованья, а Канцелярия от строений оного без повелительного указа из высокоправительствующего сената учинить не может, а кто оные имяны и которых иноземцев мастеров по рассмотрению Канцелярии от строений надлежит отпустить от служб... при сем доношении сообщен реестр со мнением канцелярии...

Сентября 29 дня
1725 года

У. Сенявин

Реестр

...Андрей Трезин которому дается жалованья в год по 1000 рублей. Бьет челом, что служит он с 1703 года у строения Санкт-Петербургской фортификации и протчих многих работ, несколько учеников русских обучил, кои у строения обретаются действительно и иные произошли архитектами, и вновь еще обучает, а жалованьем определенным ему, пробавление с домашними своими в пищах и одеждах имеет с нуждою, к тому же необходимая нужда лошадей содержать для дальних положенных на него работ... И просит о награждение прибавочного жалованья, дабы получа Ея Императорского Величества высокую милость, врученное дело мог исполнять со всякою ревностью и прилежанием беспечально.

А по мнению Канцелярии от строений.

Оному архитектору Трезину за долговременную службу и за многие труды при строении Санкт-Петербургской фортификации, и на Васильевском острове, и в протчих местах, и за обучение учеников надлежит определить жалованья с прежним его окладом по тысяче по семисот рублей на год».

Сенат заседает в новопостроенном Зимнем дворце. И решающий голос у светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, «патрона и благодетеля» архитектора. Поэтому уже через пять дней следует решение: «По указу Ея Императорского Величества Правительствующий Сенат приказали по доношению и мнению Канцелярии от строений жалованья с прежним их оклады давать в год, а именно архитекам Андрею Трезину, Гайтану Киавери по тысяче по пяти сот рублей...»

Наконец-то долгожданная и столь надобная прибавка. Чтобы получить ее, понадобилась смерть человека, почти родственника, которому служил не за страх, а за совесть двадцать с лишним лет.

Говорят, что беда никогда не приходит одна. Но порой так случается и с радостью. Прошло три месяца, и вдруг новая милость императрицы (а может, Александра Даниловича Меншикова): зодчему присвоено высокое воинское звание. Точно стремятся умиловить перед новым заказом. Правда, канцелярские служители не любят утруждать себя спешкой. О решении государыни его извещают только 28 февраля 1726 года: «Генваря 1 дня пожаловала архитекта цивилии и милитарии Андрея Трезина за его труд и прилежность в полковники фортификации в ранге инженер-полковника...»⁶ По табели о рангах, установленной Петром, это соответствовало VI классу и давало право на титул «ваше высокоблагородие» и российское потомственное дворянство.

Теперь, наконец-то, Трезини получает мундир. Красный кафтан без лацканов, с красным воротником и такого же цвета высокими обшлагами. Красные штаны. Черная пуховая шляпа с золотым галуном. Белые шелковые чулки с черными тупоносыми башмаками. Или высокие сапоги с раструбами и шпорами. И обязательно шпага. Трезини горд. Мундир — желанное для многих свидетельство принадлежности к правящему классу. Признание заслуг, которого с надеждой ожидал долгие годы. Великая радость, но все окрашено горечью тайного разочарования. Трезини имеет полное право сказать о себе слова, которые через сорок лет запишет другой итальянский зодчий — Ф.-Б. Растрелли, проработавший в России всю жизнь: «Архитектор на службе не имеет ничего кроме своего жалованья, без какого-либо другого вознаграждения, всегда допустимого в других странах; но пуще того, архитектора здесь ценят только тогда, когда в нем нуждаются».

Через год — новая милость. Марта в 21-й день 1727-го повелено «полковнику фортификации и архитеку господину Трезину жалованья с прежним его окладом по 1700 рублей на год»⁷. Указ подписан императрицей. Но скорее всего, это всевластный Александр Данилович Меншиков оплачивает за счет государственной казны работу зодчего в своем дворце. А государыня не может ни в чем отказать своему старому и верному любимцу.

Екатерина скончалась 6 мая 1727 года в девятом часу пополудни. Правителем России на следующий день стал двенадцатилетний Петр II. А еще через две недели властолюбивый Александр Меншиков перевез юного императора к себе во дворец на Васильевский остров.

В честь такого события остров тут же переименован в Преображенский. А еще через несколько дней решено возвести новый императорский дом вдоль берега Невы между зданиями Двенадцати коллегий и дворцом светлейшего князя.

Строение поручили все тому же Доминико Трезини.

Осиротел старый Зимний дворец. А дом как живое существо: отнял у него хозяина — и слабеет сопротивляемость невзгодам. Начинает быстро дряхлеть и ветшать. Но заботливого хозяина со смертью Петра потеряла вся «недостроенная храмина», как назвал тогда Меншиков всю Россию.

В начале января 1728 года юный император вместе с приближенными и государственными учреждениями выехал в Москву, чтобы больше никогда не возвратиться в Петербург. Тяжко и неуютно стало жить в новой столице. Царили неустроенность и безлюдье. Не слышно стало грохота карет на мостовых. Улицы поросли травой. Затихли шумные стройки. И чудилось, что погрузился город в тяжкий беспробудный сон. Летними ночами хозяйничали в нем одичавшие собаки, а зимними — оголодавшие волки. Сенат вынужден приказать новому петербургскому генерал-губернатору Б.-Х. Миниху «иметь смотрение, дабы как на Васильевском, так и на протчих островах до раззорения домов и растаскивать строения не допускать». Точно сбывалось страшное пророчество: «Петербургу быть пусту!» Но сегодня мы знаем, что пророчество не сбылось. Искусством других зодчих — Растрелли, Ринальди, Кваренги, Росси — Санкт-Петербург превратился в «полночных стран красу и диво».

А Зимний дворец, творение Трезини, увы, не дожил в целости до наших дней. Сначала Анна Иоанновна поселила в нем своих служителей, итальянских певцов, часовщика. Затем Елизавета Петровна отдала отцовский дом лейб-компанцам. Так стали называть гренадерскую роту Преображенского полка. Ту самую, что в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года вытащила из теплых постелей малолетнего Иоанна Антоновича, Анну Леопольдовну, ее мужа и, отправив их в крепость, посадила на российский трон дочь Петра. За сию услугу лейб-компанцам пожаловали особое знамя, особую форму. Участников переворота, как водится, щедро наградили, недворян возвели в потомственное дворянство. Командиром роты стала сама императрица, присвоив себе звание капитана. Со смертью Елизаветы следующий правитель распустил лейб-компанию. Во дворце вновь поселились музыканты и служители.

Наконец, в начале 80-х годов Джакомо Кваренги возводит прямо на одряхлевшем дворце великолепный театр. Следы деятельности Доминико Трезини основательно укрыты от потомков.

У Истории нет любимцев и пасынков. Она бесстрашна. И как бы ни пытались люди укрыть некоторые свои или чужие деяния, История все равно готова поведать настойчивым и терпеливым любяе сокреты и тайны. Сегодня уже не существует загадок строения петровского Зимнего дворца. Известен и автор проекта, и мастер, воплотивший его в жизнь.

Одно из самых заветных желаний Петра — величественный и нарядный город на берегу Балтийского моря, — утвердившееся и навечно воплощенное в камне, сегодня нежданно вновь открылось нам еще новой гранью. А одна из значительных работ Доминико Трезини, пусть фрагментарно, но уже навсегда вошла в нашу жизнь.

II

В городе, который только родился, где быт еще не устоялся, и отсутствие мостов через широкую Неву и многочисленные речушки затрудняют общение людей, поселившихся на разных островах, следует определить, где проживал архитектор со своими домочадцами. Мало того что уточнение этого места представляет для нас исторический интерес. Оно позволяет уяснить и его социальные и соседские связи.

Мы уже знаем, что первоначально Доминико Трезини поселился в доме на левом берегу Мойки. Однако с ростом семьи, с появлением многочисленных учеников, вероятно, тесно стало первоначальное жилище.

Известно, что осенью 1717 года, едва вернувшись из Европы, Петр Алексеевич повелел Трезини построить на берегу Большой Невы, на Васильевском острове, «образцовый» дом для зажиточных. И самому поселиться в нем для всеобщего примера, сколь угодно и красиво такое жилье. Место для дома царь указал на углу 12-й линии.

Дом Трезини построил, но, видимо, так и не поселился в нем. В 1725 году архитектор доносил в Канцелярию: «В прошлом 1721 году сентября 19 дня, по именному его благословенной и вечнодостойной памяти императорского величества указу, велено мне на Васильевском острове построить каменные палаты вместо взятого от меня образцового дому, который отдан барону Остерману...»⁸ Значит, в 1721 году царь Петр, желая наградить Остермана за верную службу при заключении Ништадтского мира, подарил ему «образцовый» дом, построенный архитектором для себя. Вряд ли Петр I стал бы жаловать барону уже обжитой дом...

Однако государь милостив. Отобрав готовые хоромы, он приказывает: «...Построить ему Трезину из казны... каменный дом галанским манером... в 2 кирпича, и для того к оному строению в заблаговременье приготовить кирпича, извести и прочих материалов, а летним временем 722 года определить каменщиков и прочих мастеровых людей... дабы ни за чем тому строению остановки не было»⁹. Наблюдение за всеми работами поручено фан Свитену. Но, как говорится, милует царь, да не жалует псарь. Чиновники без личной заинтересованности не спешат исполнить порученное дело.

Только 19 июля 1723 года Канцелярия заключила договор с подрядчиком. Сохранился протокол «О битье свай под палаты архитекта Трезина крестьянину Лукьяну Максимову и зажжении в том подряде свечи»¹⁰. Помимо даты начала строительства протокол раскрывает еще одну забавную подробность: как заключали подряд. Сначала в газете и на городских площадях объявляли о сдаче какой-нибудь работы подрядчику и назначали день заключения договора. В этот день с утра в контору Канцелярии стекались желающие принять на себя обязательства и заключить соглашение. В определенный час начинался торг. Как только первый подрядчик объявлял публично свои условия, служители Канцелярии зажигали большую свечу. Гореть она должна была ровно сутки. За это время каждый мог назвать свои условия, свою сумму. Когда свеча тухла, торг прекращался. А бумаги подписывали с тем, кто просил сумму поменьше.

Итак, только через два года после повеления царя начали бить сваи под фундамент. Томительно долго тянется дело. Трезини, вероятно, просит своего бывшего ученика Михаила Земцова взять строение дома в свои руки.

Второго сентября 1725 года Земцов доносит в Канцелярию:

«В минувшем июне месяце прислан ис Канцелярии от строений с указом каменного дела подрядчик Никита Ситной, который договорился в оной Канцелярии строить каменные палаты... архитектору Трезину...

...Подрядчик Ситной, нанятыми своими вольными каменщиками... минувшего августа с 1 и по сего сентября по 1 число утребовал в строение вышеозначенных палат сверх погребов от второго аппарата в наличные стены и внутренние простенки 190 тысяч кирпича...»¹¹

В 1726 году тому же Ситному платят за кладку еще 94 тысячи кирпичей. В июне этого же года Земцов просит отпустить не хватающие для строения материалы. Дело постепенно движется. Наконец, 19 августа 1727 года в Канцелярии по доношению Земцова составляют смету: стоимость плотничьих и квадраторных работ¹². А еще через неделю следует строгое решение о достройке дома архитекта Трезина. Прошло уже как-никак шесть лет. Но наступа-

от сырая осень, зима, и работы опять приостановлены. В это время года штукатурку на здание не кладут. «Понеже... от мокроты и моруза... строению делается трата».

В Центральном государственном военно-историческом архиве хранится огромный рисованный план Санкт-Петербурга, исполненный в 1738 году. Указаны участки всех строений. А сбоку и внизу — легенды: перечни номеров и фамилии владельцев. На углу 5-й линии и набережной Большой Невы показано строение под № 38. Принадлежит оно полковнице Трезини. Место почетное. На участке № 36 стоит дом князя Долгорукова. Под № 37 значится Морская аптека. Далее за домом полковницы в сторону устья Невы 39-й участок отдан барону Черкасскому, а на 41-м поставил свои хоромы князь Алексей Голицын. Значит, архитектор поселился в теперешнем доме № 21 по Университетской набережной? Так считали почти два столетия, и никто не подвергал это сомнению.

Но вот в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 4 июня 1733 года, то есть еще при жизни архитектора, напечатано очень примечательное сообщение о продаже двора генерала Бона «во 2 линее близ господина полковника Трезина». Двор приобрела Академия наук для своих служителей. Там была «определена казенная квартира» и Михайле Ломоносову по возвращении его из Германии в 1741 году (ныне дом 43 по 2-й линии Васильевского острова). Получается, что полковник Трезини жил на 2-й линии ближе к Малой Неве, неподалеку от острога, который разместился на самом берегу реки? А как же дом на 5-й линии? Не могла же газета, публикуя объявление о продаже, так грубо ошибиться?

На плане 1738 года дом на 2-й линии помечен как владение «архитекта Осипа Трезина». Второй Трезини в Петербурге?

Осип — он же Карло Джузеппе Трезини — родился в 1697 году в селении Ла Коста в четверти часа езды от Астаны. 14 марта 1719 года он обвенчался с Марией Трезини, второй дочерью Доминико. Видимо, в той же церкви, где венчался отец Марии с ее матерью Джованной ди Вейтис. Вероятно, очень скоро Карло Джузеппе вместе с молодой женой отправляется к тестю в далекий и таинственный Петербург. Джузеппе очень надеется на помощь родственника.

Документы свидетельствуют, что с 17 июня по 13 октября 1722 года Карло Джузеппе уже состоит при своем тесте «для надзирания при достройке бывшего князя Гагарина палат»¹³. Дальше провал. Незвестность. Но в 1727 году Джузеппе Трезини уже числится архитектором при Коллегии иностранных дел. Скорее всего, не без помощи тестя, который строил здание этой Коллегии. Такое родство сулило определенные выгоды. Опытный Доминико мог вовремя подсказать, посоветовать, поддержать. И будущее подтвердило расчет Джузеппе при выборе жены и тестя.

Карло Джузеппе Трезини назовут владельцем участка только в 1738 году, через четыре года после смерти Доминико. А где же жила семья Трезини до этого?

Припомним записи о посещении в 1718 году дома Трезини государем Петром Алексеевичем: «...его царское величество... купно с его светлостью [А. Меншиковым. — Ю. О.] отъехал к скотному его светлости двору, где смотря места прибыл к архитектору Трезину...» В это время даже разговоров о покоях на 5-й линии не велось. Еще продолжали строить для архитектора «образцовый» дом на 12-й линии, позднее отданный Остерману. А вот участок на 2-й линии как раз находится неподалеку от скотных дворов светлейшего князя. И Петру Алексеевичу заглянуть к архитектору было по пути. Получается, что уже в 1718 году Доминико Трезини со всем семейством жил на Васильевском острове.

Удивительное место архивы. Их по праву можно называть хранилищем памяти народной. За толстыми стенами, за тяжелыми дверями хранят они многие сотни и сотни бумажных листов. Официальные донесения и личные письма, чертежи и сметы, случайные записки и подробные отчеты, свидетельства очевидцев и казенные справки. Для человека стороннего, непосвященного — ничемный бумажный хлам. Для специалиста-исследователя — неоценимые сокровища. В коробках, папках укрытые ветхими переплетами бумажные листы терпеливо ожидают своего часа. Но вот, наконец, ложатся они на стол ученого в светлом и уютном читальном зале. И происходит чудо. Бумаги начинают говорить. Они торопятся, дополняют и перебивают друг друга. То случайное упоминание, то намек или косвенное свидетельство, а то и очень подробный рассказ. И перед исследователем постепенно вырисовывается отчетливая картина случайно или преднамеренно забытого события. Так палеонтологи по отдельной косточке восстанавливают облик чудовища, жившего миллионы лет назад. Пока существуют архивы, живет надежда, что со временем все тайны истории будут раскрыты.

Просматривая страницу за страницей распухшие канцелярские книги первой половины XVIII столетия, К. Малиновский обнаружил два важных для нас документа.

Первый написан через пять лет после смерти Доминико Трезини. «Сего 739 году маяя 3 день доношением архитектора Осипа Трезина представил, в прошлом 724 году бывшей от фортификации полковник и архитектор Андрей Трезин перевез 2 каморы с сенми... и поставил подле своего двора состоящем на Васильевском острове во 2 линии для делания чертежей и моделям казенным работам... А справкой из Комиссии о Санктпетербургском строении показано... на Васильевском острове в 2 линии при дворе полковницы Марии Трезинной казенные покои...»¹⁴

Сколько любопытных подробностей! Значит, Доминико Трезини действительно проживал на 2-й линии. А после его смерти дом числился за вдовой. Осип Трезини с женой Марией скорее всего поселился у тестя сразу же по приезде в Петербург. Видимо, к 1738 году, к моменту составления подробного плана города, он был единственным работающим мужчиной в семье. Потому и усадьбу записали на его имя.

Дом на 5-й линии, построенный по указу царя, тоже числился за Доминико. Но, видимо, он там никогда не жил. Тому есть доказательства. Все свои архитектурские работы — подготовку чертежей, моделей, занятия с учениками — Доминико проводил в двух специально поставленных во дворе покоях. Эти «каморы» с 1724 года так и стояли на 2-й линии, и никто их на берег Большой Невы во двор дома № 38 не перевозил.

Второй документ не менее интересен:

«...В прошлом 1750 году в Январе месяце по прибытии моем, в силу высочайшего ея императорского величества... указа, ко присутствию в святейшем правительствующем Синоде из Москвы в Санктпетербург, для способнейшего моего с... находящимися при мне священнодуховными лицами и светскими служителями жительства, куплено мною... двор бывшего архитектора Трезини на Васильевском острове во второй линии с довольно пространном каменным и деревянным зданием...

июля 31 дня

1751

Платон

Архиепископ Московский»¹⁵.

Видимо, к этому времени вдова Доминико Трезини умерла, а Осип решил продать участок тестя и переехать в дом поменьше, подешевле — не так уж много он зарабатывал.

Теперь мы знаем, что первый строитель Петербурга не захотел жить за Мойкой. Не стал дожидаться, когда Невская прешпектива станет местом для знатных людей. Не случайно там начали строить свой дома и Леблон, и первый русский живописец Иван Никитин. А позже на прешпективе поселились Михаил Земцов и Франческо Бартоломео Растрелли. Доминико Трезини избрал Васильевский остров.

В. О. Михневич, автор старинного путеводителя по Петербургу, сообщает, что первые линии Васильевского острова заселялись иностранцами и поэтому назывались Французской слободой. Как свидетельствуют документы, служивший в слободе пастор Бонавентура жил «в доме французского мастера Пино, да городского мастера Трезина для учения детей»¹⁶. Так мы узнаем еще одного соседа архитектора, с которым он поддерживал хорошие отношения. Родители, чьи дети занимаются у одного наставника, как правило, меж собой дружат. Правда, в 1726 году, после смерти царя Петра,

талантливый декоратор Никола Пино покинул Россию. Он вернулся в Париж, где прославился как один из создателей грациозного, прихотливого рокайльного орнамента.

Примечательно, что, хорошо зная русский язык и прожив в Петербурге многие годы, Трезини все же предпочел поселиться среди выходцев из Европы. Рядом с близкими ему по духу резчиками по дереву, декораторами, живописцами, строителями, основавшими аккуратную Французскую слободу.

III

Новоиспеченные Петром князья и графы из российского дворянства не очень рвались к власти. Устав от бешеного темпа, заданного царем-реформатором, они наконец-то получили возможность в тишине и покое насладиться всеми благами обретенного богатства и положения. И охотно уступили деловые хлопоты и ежедневные монотонные служебные заботы полунцим, оголодавшим немцам.

Кормило государственной власти исподволь забрал в свои руки сын пастора из Вестфалии Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих) Остерман. Посол Испании при петербургском дворе дюк Лирийский и Бервикский дал ему такую характеристику: «Он имел все нужные способности, чтобы быть хорошим министром... но был коварен в высочайшей степени, и религии в нем было мало, или, лучше, никакой; он был скуп, но не любил взятки. В величайшей степени обладал искусством притворяться...»

Генерал-губернатором Петербурга и всей Ингерманландии, главным директором всех российских крепостей, а затем и президентом Военной коллегии (должности, которые недавно занимал Меншиков) стал сын военного инженера из Ольденбурга Христофор Антонович (Бурхард Кристоф) Миних. После службы во Франции и при мелких немецких князьках он в 1721 году приехал в Россию и сразу же получил должность генерал-инженера. Тот же испанский посол сообщает о нем: «...самолюбив до чрезвычайности, весьма тщеславен, а честолюбие его выходило из пределов. Он был лжив, двоедушен, казался каждому другом, а на самом деле не был ничьим... Несносен в обращении со своими подчиненными».

Однако в уме и знании инженерного дела отказать ему нельзя. Немало сделал Миних для строения Ладожского канала и шлюза по реке Тосна. А в 1727 году предложил интересный план защиты Петербурга от наводнений. Планом почему-то не воспользовались. Но на чертеже, уцелевшем до наших дней, хорошо заметна трехлучевая система центра города. Прием, и сегодня рождающий восхищение: от здания Адмиралтейства, от горящей на солнце иглы разлетаются три проспекта — уже существовавший Невский, буду-

щая Гороховая улица (ныне улица Дзержинского) и Вознесенский проспект (ныне проспект Майорова).

К этому человеку попадает в частичное подчинение Доминико Трезини.

Новые слуги малолетнего императора с опаской и презрением относятся к людям прошлого царствования. Особенно к тем, кто еще несколько месяцев назад был приближенным ненавистного Меншикова. Трезини в их числе. Правда, опыт, мастерство, трудолюбие зодчего еще нужны. Хотя бы для строения нового государева дворца на бывшем Васильевском, а ныне Преображенском острове. Но чуть осадить Трезини, поставить его на место, дать понять, кто теперь начальник, Миних считает необходимым.

Началось с мелких придинок.

15 февраля 1728 года Миних обращается в Канцелярию от строений с грозным запросом: почему на возведении Зотова бастиона в крепости находится только один кондуктор (унтер-офицер) инженерного корпуса? Надобно больше. Директор российских фортеций желает всюду иметь по несколько своих надежных соглядатаев. Этот запрос — по существу первый скрытый реприманд — выговор Доминико Трезини.

Архитектор почтительно отвечает на следующий день:

«Высокоблагородный и превосходительный
господин,
Милостивый государь мой.

...Вашему превосходительству доношу, от зачатия строения Санкт-Петербургской фортификации с 1706 года, которой донныне построено 3 бастиона и 5 куртин, отправляя я работы с определенными при мне подмастерьями и учениками без остановки.

И ныне оную работу, обретающимися при мне кондукторами, которых при мне имеется 4, гезелей 2, которых считать за кондукторов, итого 6. Учеников 5. Итого 11. Из оных, при помянутой работе новозачинающегося болверка Зотова, определено и обретаецца повседневно, с переменою от других положенных на меня работ и от рисования чертежей, кондукторов и гезелей по 4, учеников по 3 человека. Итого по 7 человек...

Ежели его превосходительство господин генерал-поручик, святого Александра кавалер соблаговолит определить сюда, в санкт-петербургскую фортификацию, для обучения практики кондукторов инженерного корпуса и учению молодых людей сколько соизволят... государству впредь полезно к строению... понеже такой практики в деле плотин и фундамента каменного здания нечасто случается.

Впрочем остаюсь Вашего превосходительства милостивого государя моего покорным слугою»¹⁷.

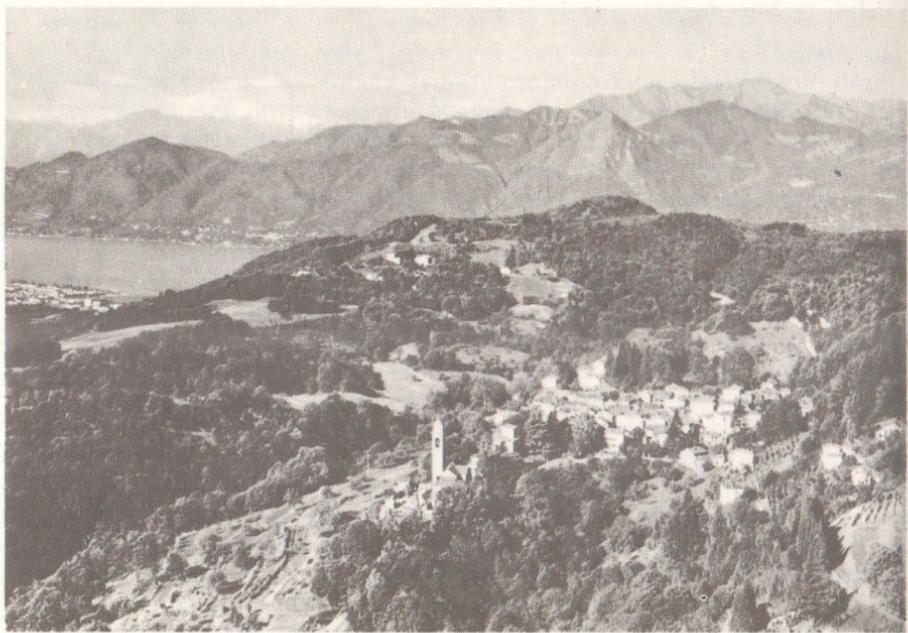
С чувством собственного достоинства и правоты Трезини убедительно доказывает несправедливость обвинения. Кондукторов на строительстве не один, как утверждает Миних, а четыре. Да в помощь к ним еще три гезеля. А дальше — тонкий дипломатический ход: конечно, следует прислать еще кондукторов для обучения.

Лучшей школы, чем строительство крепости, найти трудно. И наконец слова, где звучит интонация покойного Петра I, — «государству впредь полезно». Но Миних такого ответа не забудет. Несмотря на послание Трезини, он направляет в крепость еще четырех кондукторов. И зодчий вынужден донести: «Всем им надлежащее будем показывать и станем стараться, чтобы они той практике прилежно обучали...»

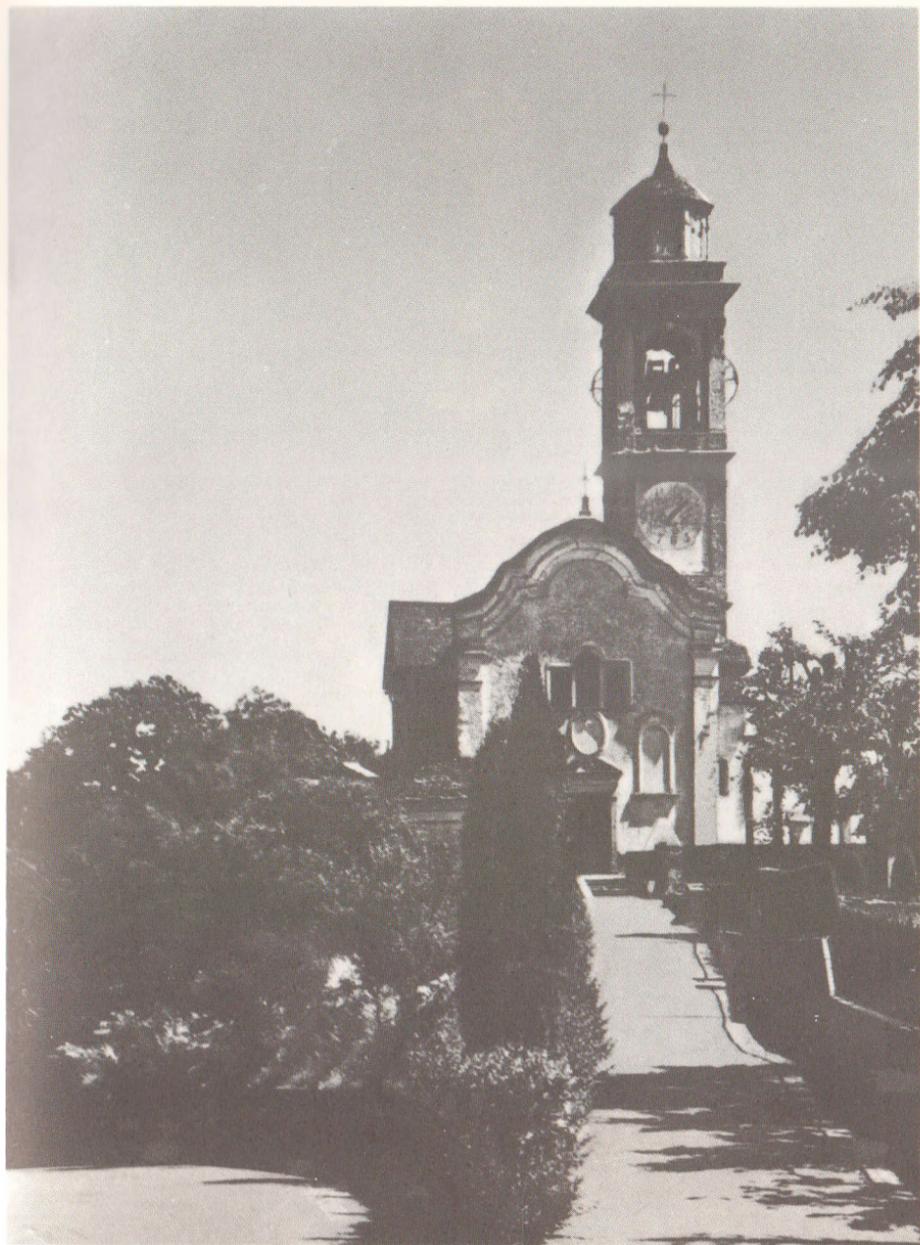
Через несколько месяцев новая и не очень приятная встреча с Минихом. И не по своей воле, а по просьбе Сенявина, непосредственного начальника. Ульян Акимович в Москве, вместе с императорским двором, а новый генерал-губернатор Петербурга Христорфор Миних на берегах Невы. Вот и просит начальник Канцелярии от строений своего друга и помощника архитектора Трезини разрешить с Минихом щекотливый спор: о принадлежности нескольких крепостных дворов на Ладого. Каждая из сторон считает их своими. Но законные права на стороне Сенявина. Однако генерал-губернатор не любит выпускать что-нибудь из своих рук. И Трезини оказывается в сложном положении. Вдобавок ко всему Миних мечтает присвоить всю славу строителя Петропавловской крепости — этого символа императорской власти и нового города. Он требует передачи всех рабочих чертежей фортеции в свое ведомство, а получив их — сжигает...

Многие годы спустя, очутившись в ссылке в далеком Пелыме, куда отправила его дочь Петра императрица Елизавета, разжалованный генерал-фельдмаршал начнет откровенно злобствовать в адрес полковника Трезини. Мечтая вернуться в Петербург, Миних в 1744 году отправит многословное письмо государственному канцлеру Алексею Бестужеву-Рюмину. Цель письма — доказать, что без него, Миниха, инженерное дело в России зачахнет. Для убедительности он подтасовывает факты. Зная, что Доминико Трезини уже десять лет как нет в живых, Миних пишет о Петропавловской крепости: «...я все наружные укрепления строил». И дальше, противореча самому себе: «Петербургская крепость тайная быть имеет, и никто чертежа оной, кроме Трезина, не имеет, который оную построил и так испортил, как она ныне есть». Миних убежден, что канцлер не разбирается в тонкостях инженерного дела, не ведает, что форму и размеры бастионов определяют природные условия и направления, которые они должны защищать. Посему позволяет себе дальнейшую клевету: «...и понеже ни при

D. Tverzzimij

1. Астано

2. Астано. Храм Петра и Павла, в котором венчался Д. Трезини

3. Портрет Петра I.
Неизвестный художник. Первая четверть XVIII в.

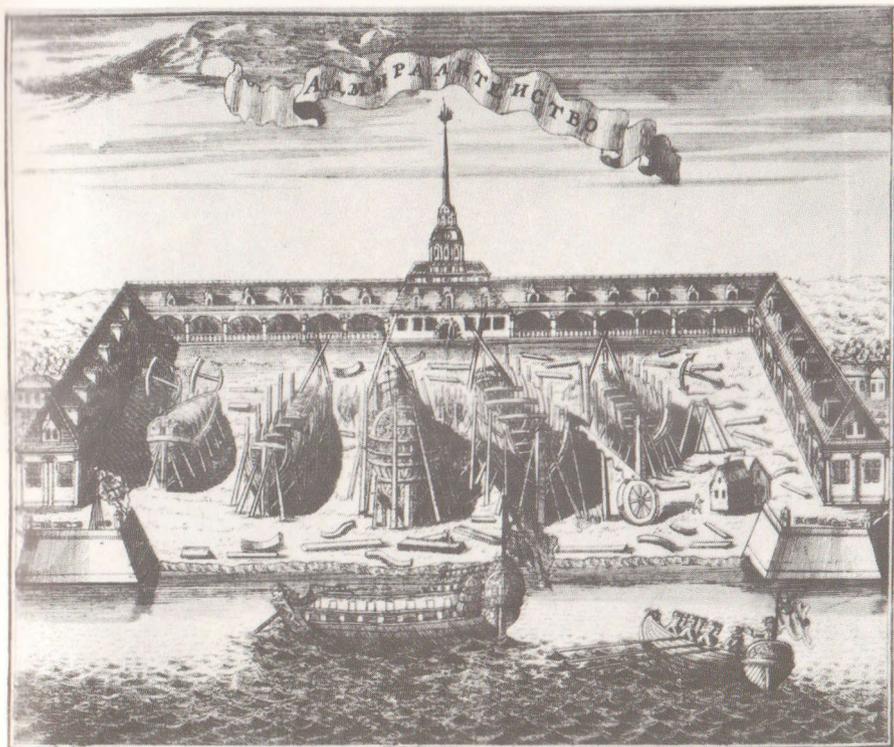

4. Медаль в честь взятия Ниеншанца.
Лицевая и оборотная стороны

5. Медаль в честь сооружения форта Кроншлот.
Лицевая и оборотная стороны

6. Форт Кроншлот.
Гравюра А. И. Ростовцева. 1746

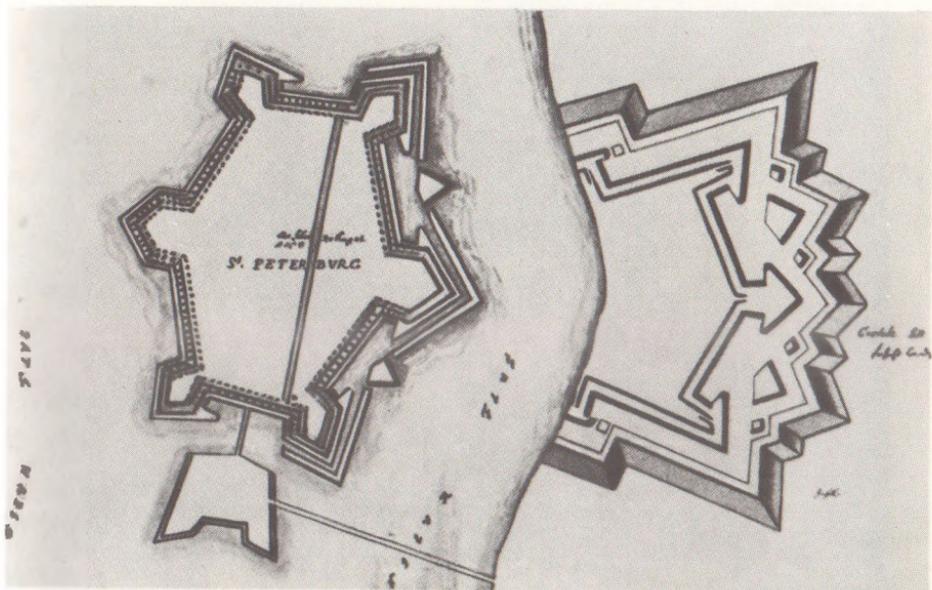

7. Адмиралтейство.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1716

CORNELIUS KRUIJS, Magni et Invicti Caesaris,
PETRI ALEXANDRI COPRARUM Maritimarum Praefectus.

8. Портрет вице-адмирала Корнелиуса Крюйса.
Гравюра П. Шенка. Начало XVIII в.

9. План Петропавловской крепости и Кронверка. Начало XVIII в.

10. Деревянный Петропавловский собор в земляной крепости.
Гравюра. Середина XVIII в.

11. Петровские ворота Петропавловской крепости

12. Петропавловский
собор

13. Вид
на Петропавловский
собор с юго-запада

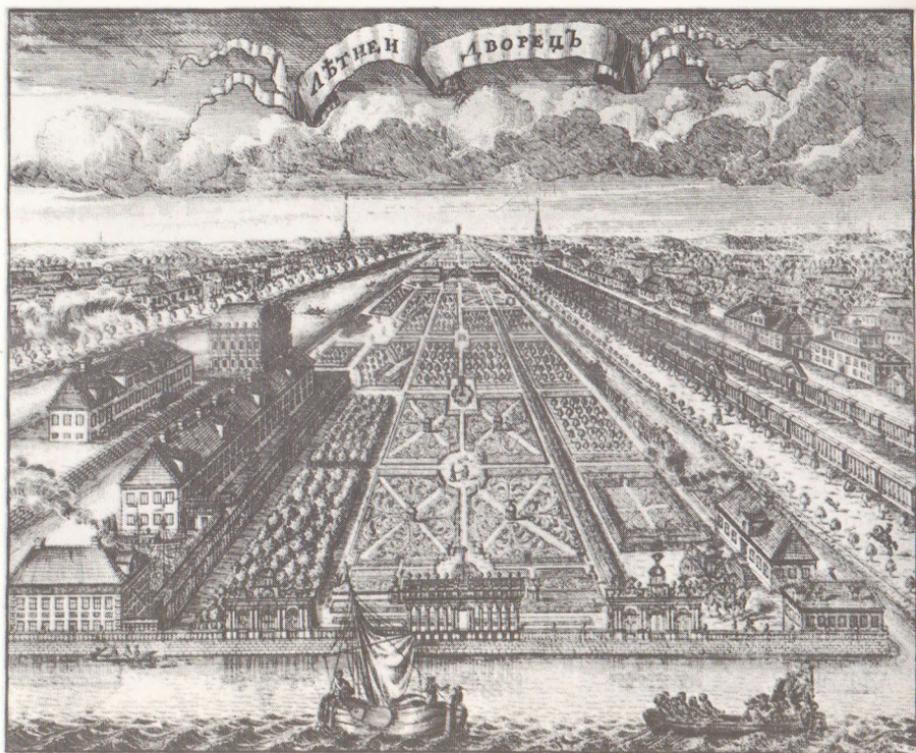

14. А. Д. Меншиков на фоне сражения при Калише.
Гравюра П. Пикарта. 1712

ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ ИВАНОВИЧ КНЯЗЬ
ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ
СЫНЪ СЪТЯЧЕСТВА ИМПЕРАТОРЪ РУССКОСИНСКИЙ

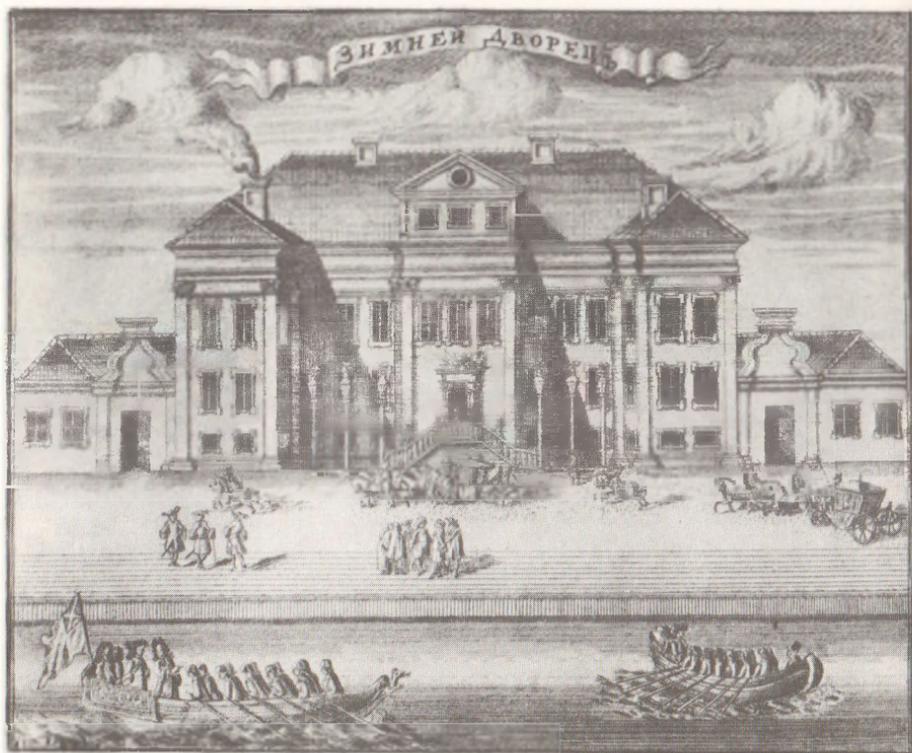
15. Петр Великий.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1712

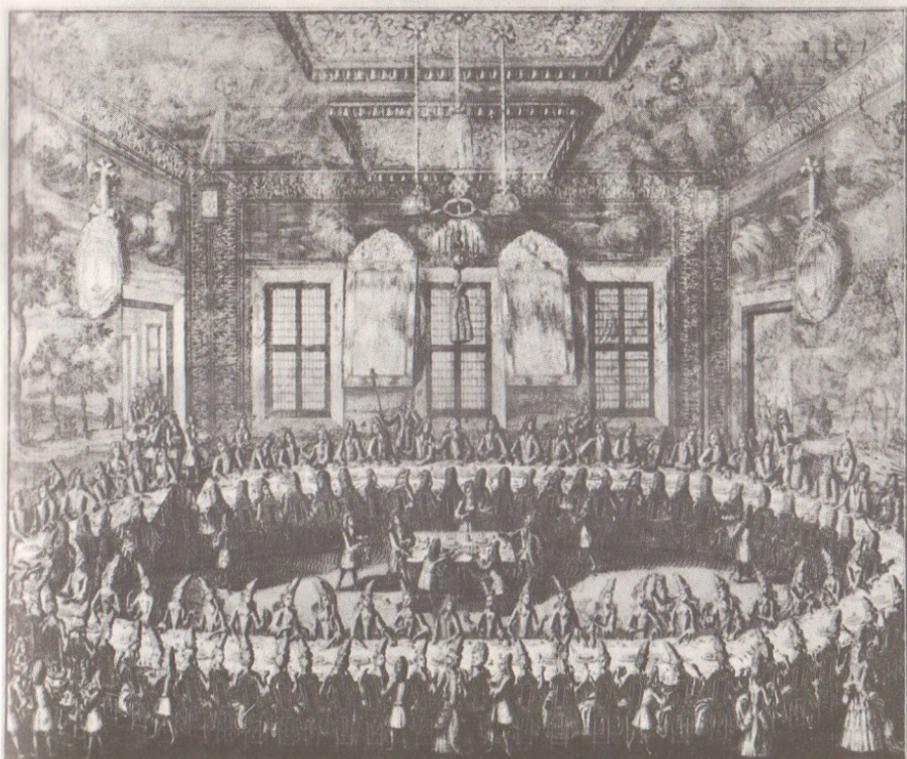
16. Летний дворец и Летний сад.
Гравюра. 1716

→
17. Летний дворец Петра I

18. Зимний дворец Петра I.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1716

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ БРАКА ЕГО ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПЕТРА ПЕРВАГО САМОДЕРЖЦА ВСЕРОСІЙСКАГО *Видъ съ
над. Арханг. Которыи Великій Великій востокъ Россіи 1712*

1. Его Величество 2. Ея Величество 3. Дворяне ево Величества Великіи Министрыи Присовѣтники 4. Министрыи Сервиса Покана Арханг. 5. Ротмистрыи
Лейбюрыи Архангелыи Удѣлыи Арханг. 6. Арханг. ево Величества Крѣп. Архангелыи 7. Ротмистрыи Арханг. 8. Женыи Арханг.

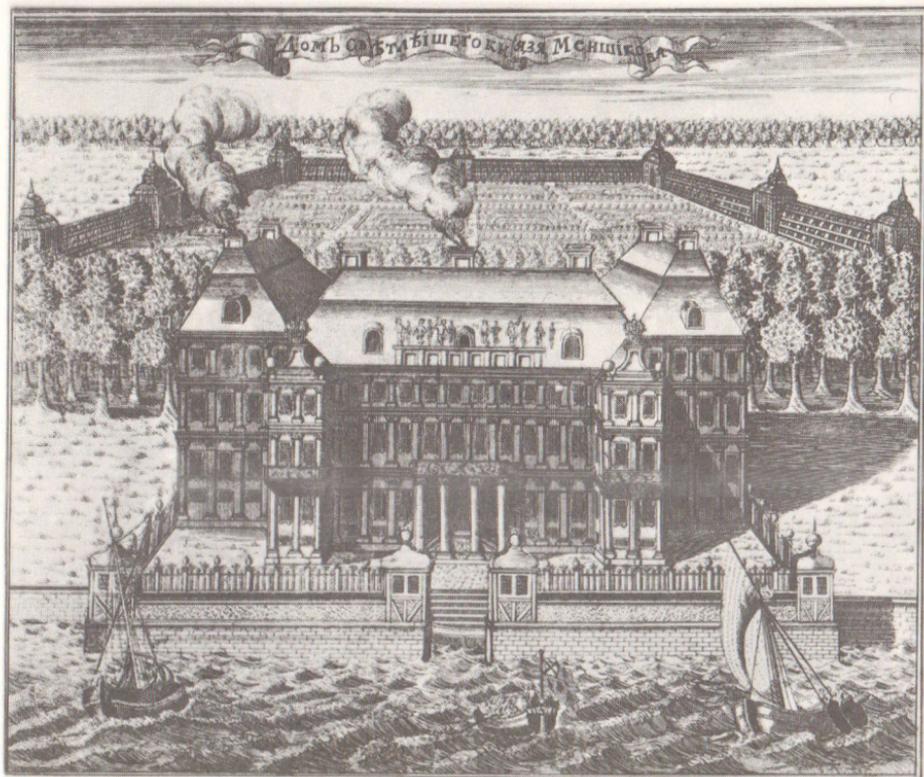
19. Свадебный пир Петра I.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1712

20. Бюст Петра I.
Б.-К. Растрелли. 1723

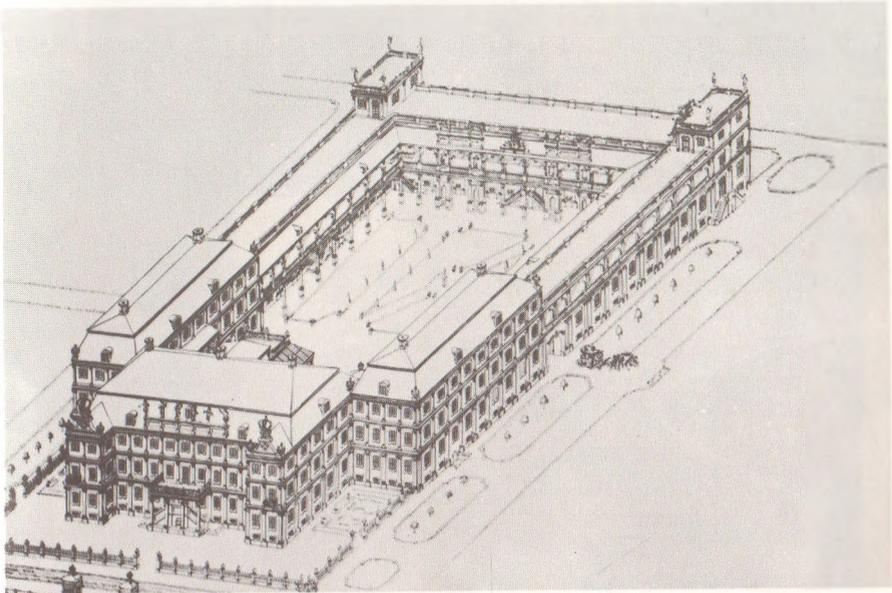
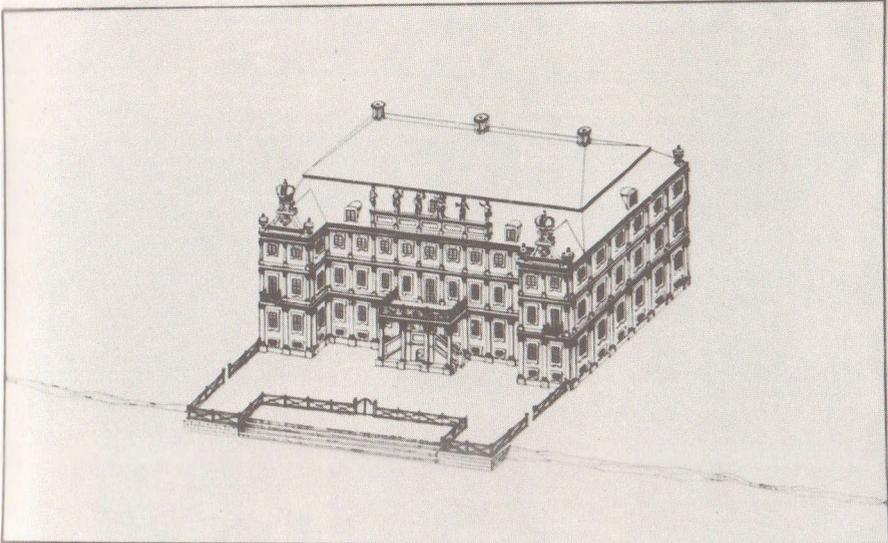
21. Бюст А. Д. Меншикова.
В.-К. Растрелли. 1723

22. Дворец А. Д. Меншикова.
Гравюра А. И. Ростовцева. 1716—1717

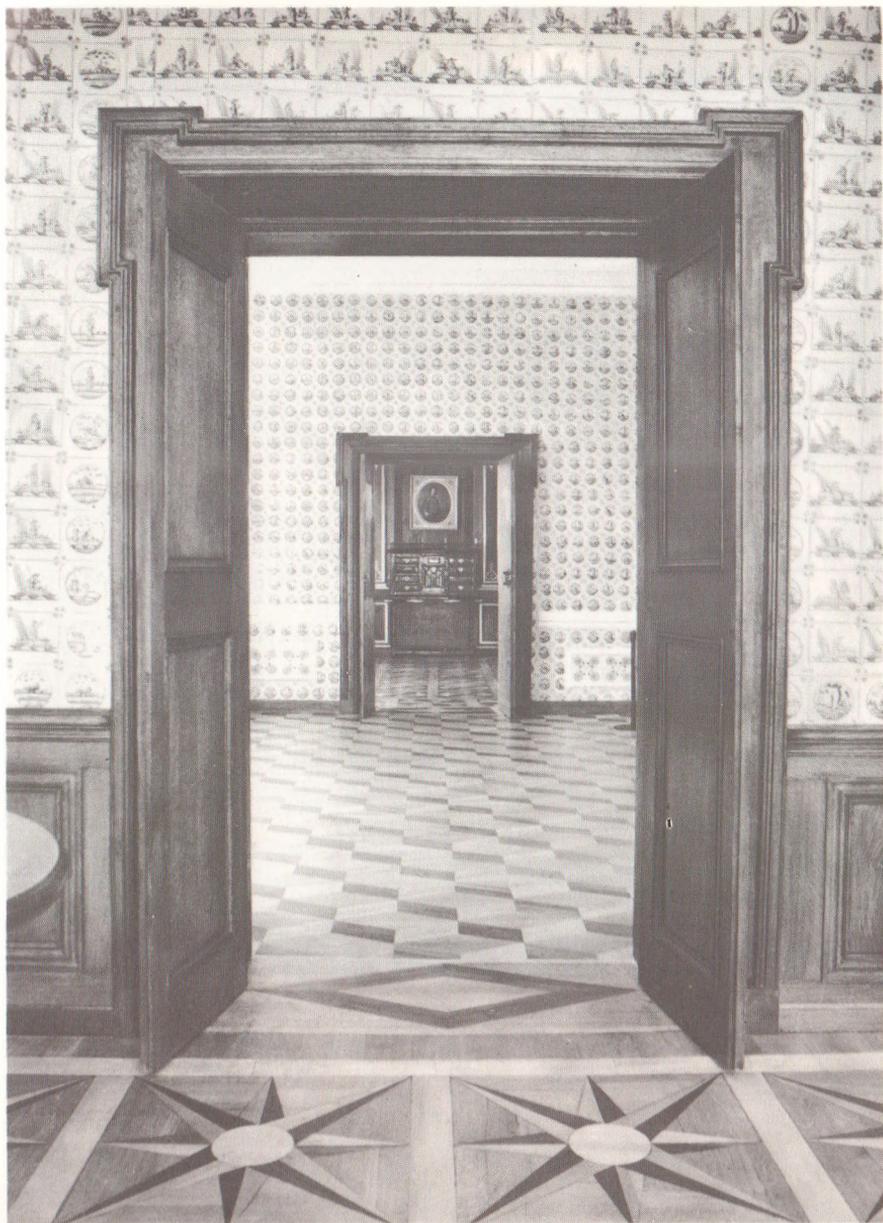
23. Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове. 1716
(реконструкция 1983 г.)

24. Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове. 1719
(реконструкция 1983 г.)

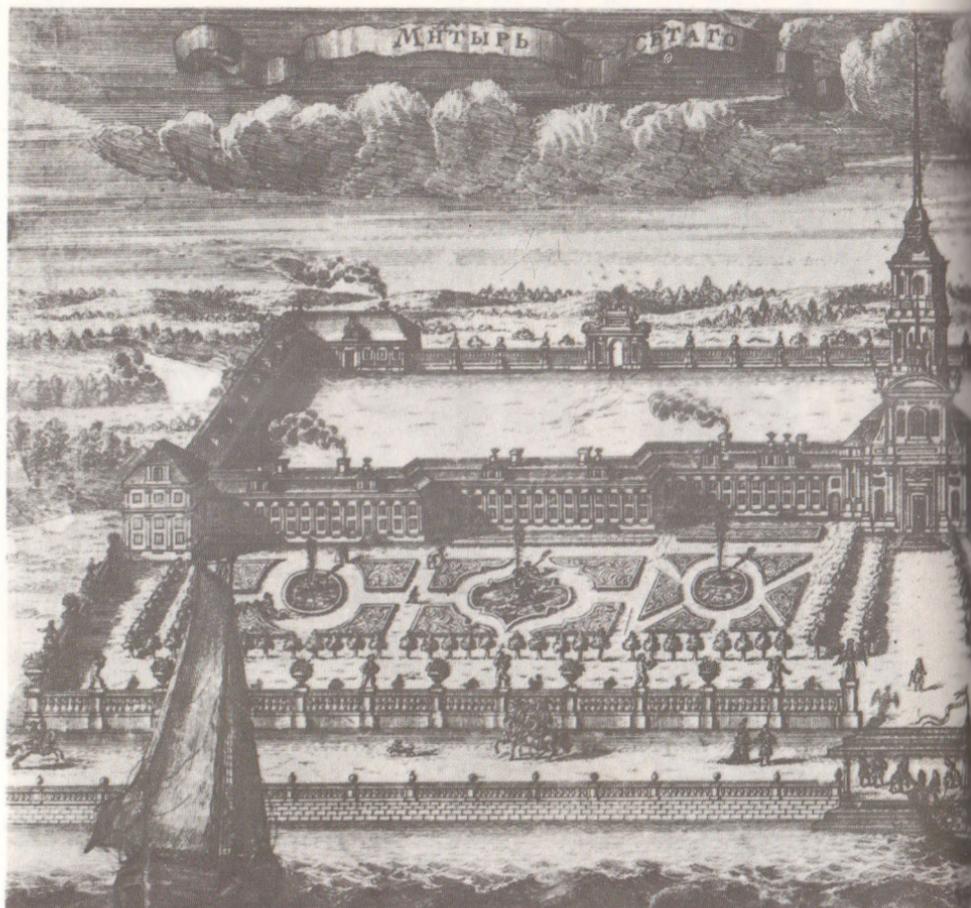

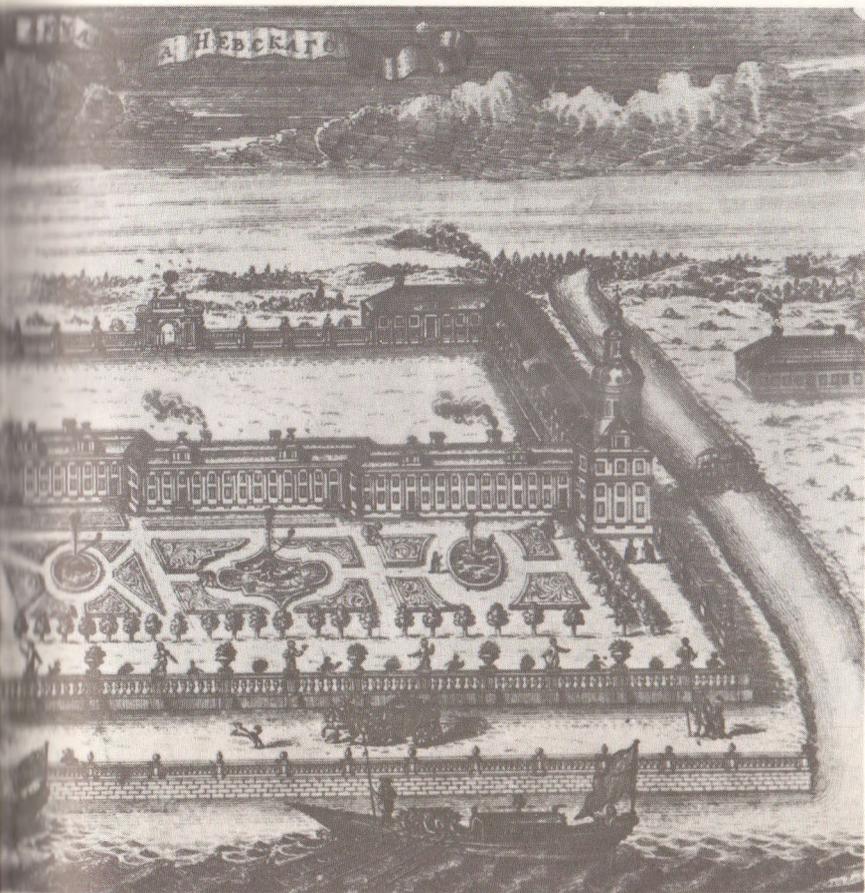
25. Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове

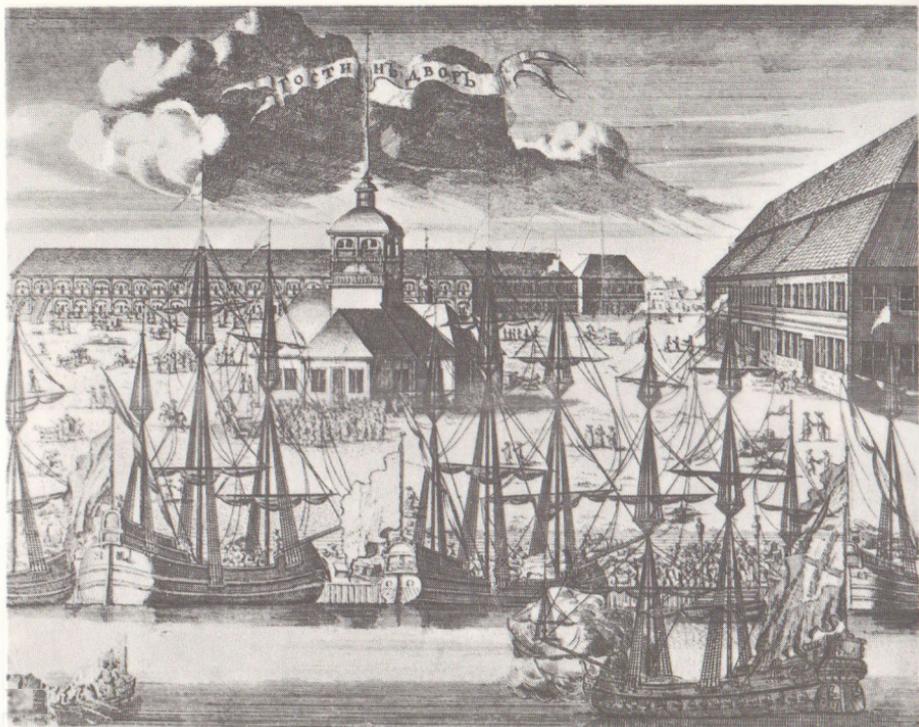

26. Дворец А. Д. Меншикова. Анфилада покоев на половине хозяина

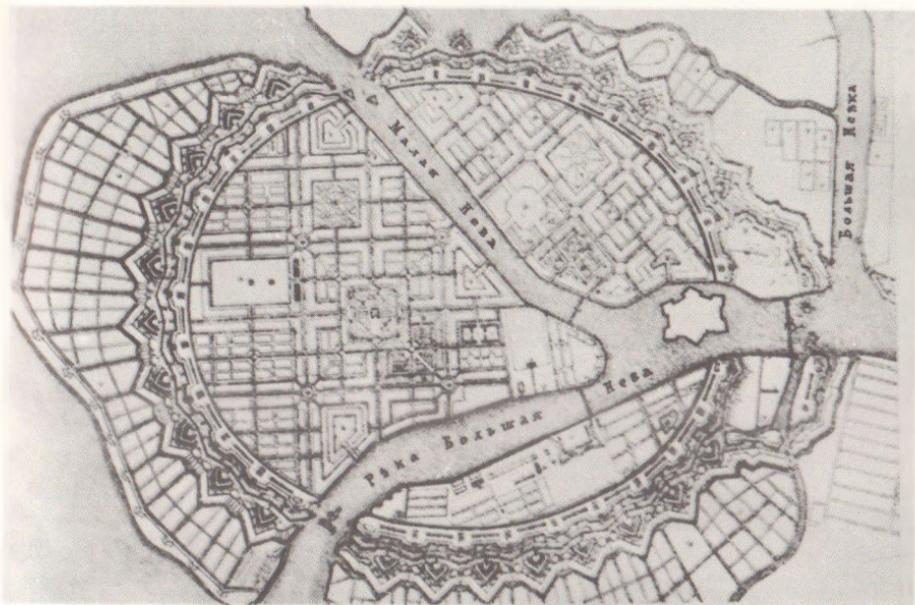

27. Александро-Невский монастырь.
Гравюра А. Ф. Зубова. 1716—1717

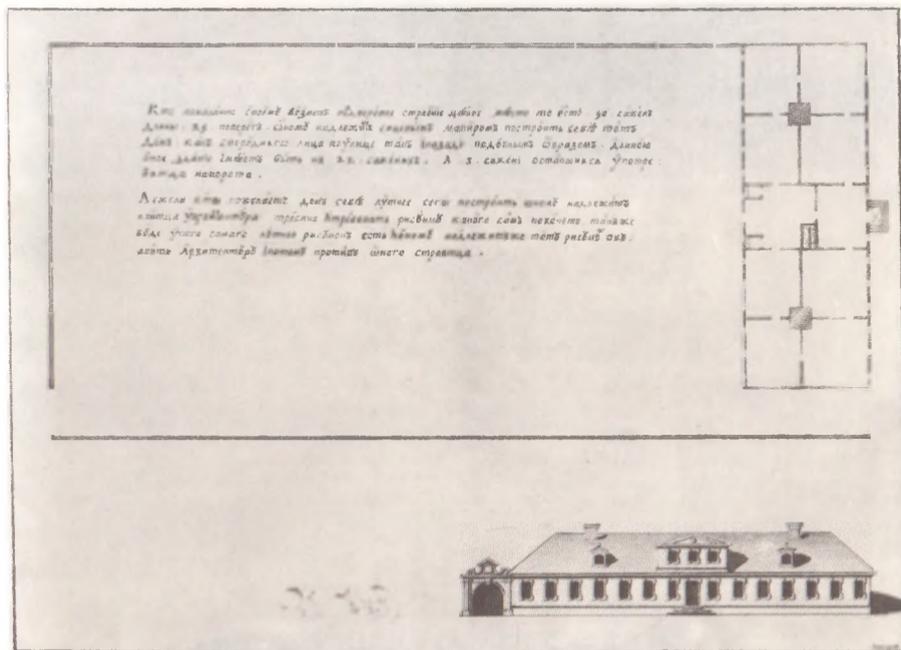
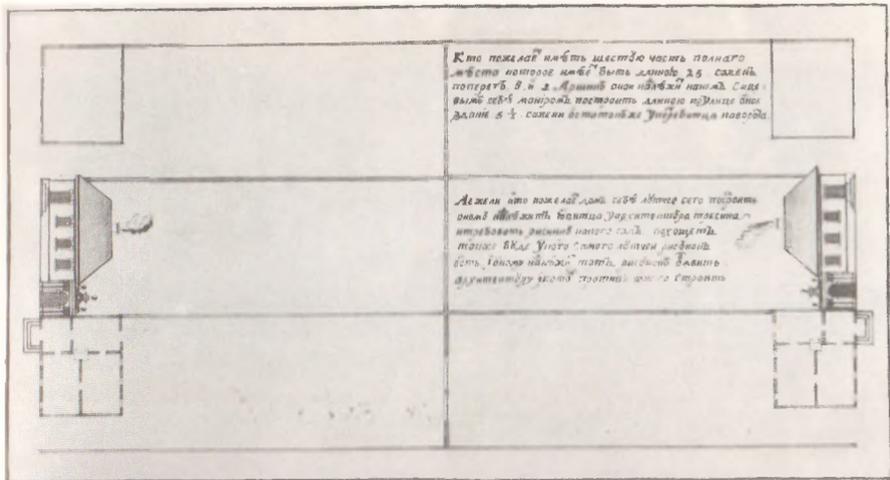

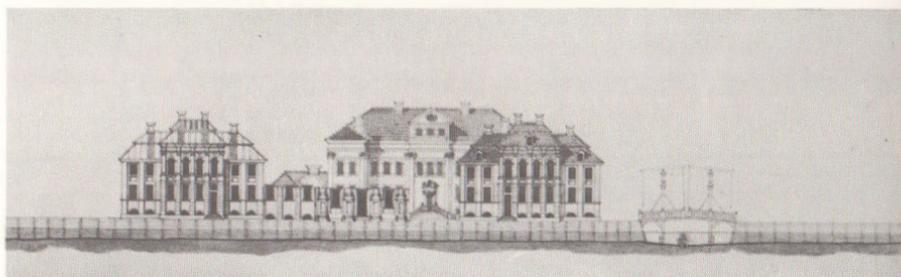
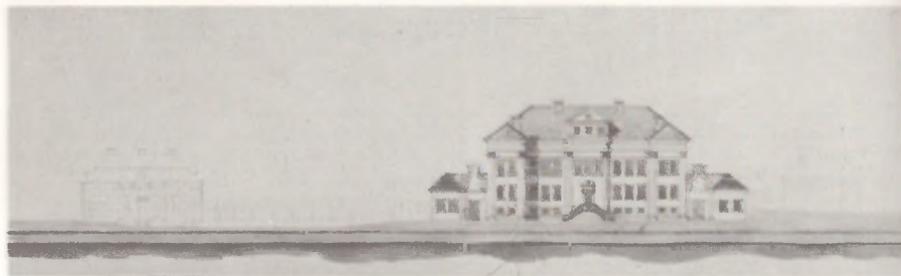
28. Гостиный двор на Троицкой площади.
Гравюра А. И. Ростовцева. 1716

29. Проект застройки Петербурга.
Архитектор Ж.-Б. Леблон. 1716—1717

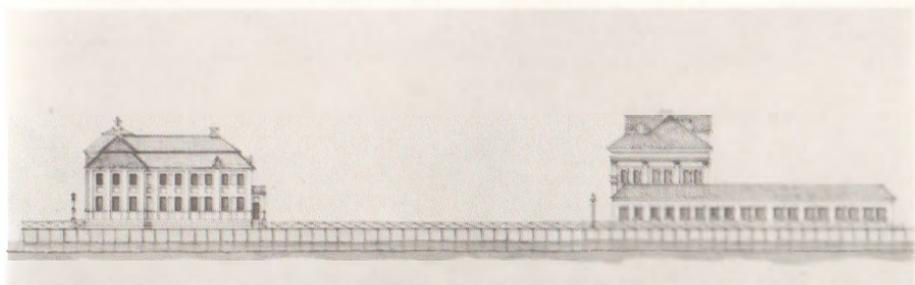
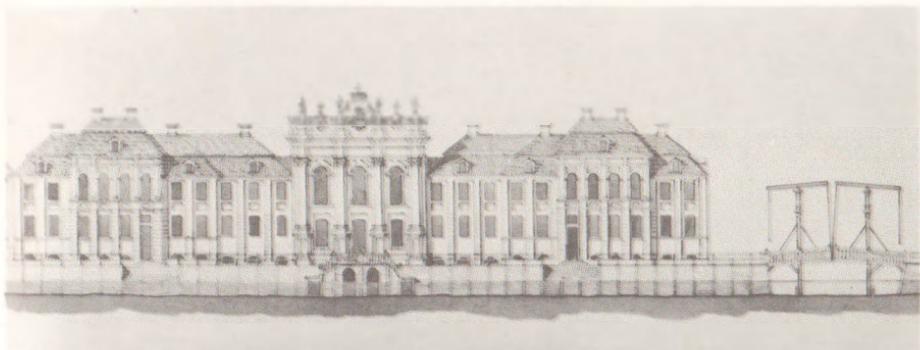

33. Зимний дворец Петра I в 1711 г. Вид с Невы.
Архитектор Д. Трезини (реконструкция 1986 г.)

34. Зимний дворец Петра I в 1719 г. Вид с Невы.
Архитектор Д. Трезини (реконструкция 1986 г.)

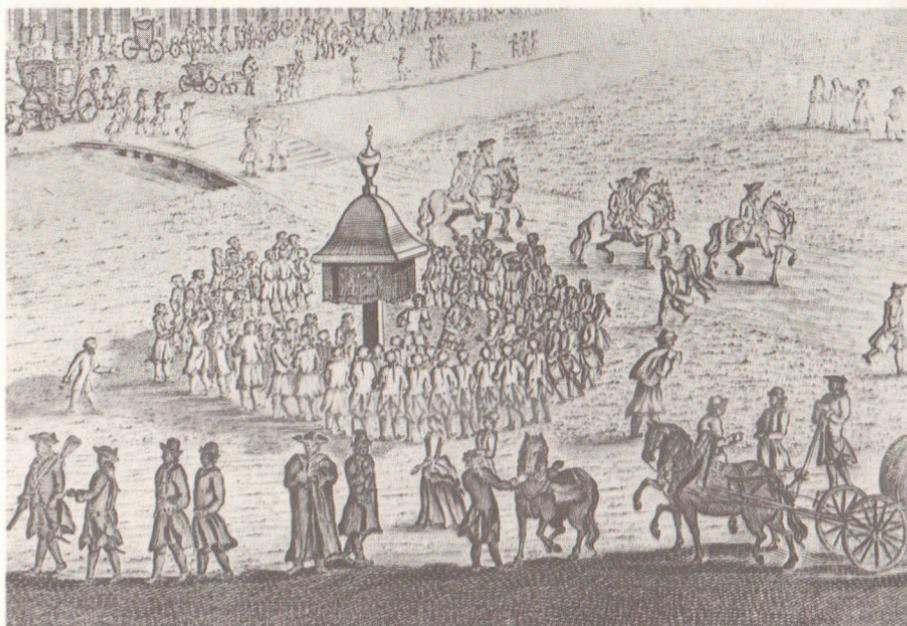
35. Зимний дворец Петра I в 1721г. Вид с Невы.
Архитектор Д. Трезини (реконструкция 1986 г.)

36. Зимние дворцы Петра I. Вид от Канала (Зимняя канавка).
Справа — «Старый Зимний дом». *Архитектор Д. Трезини. 1711.*
Слева — «Новый Зимний дом». *Архитектор Г.-И. Маггарнови. 1716—1720*

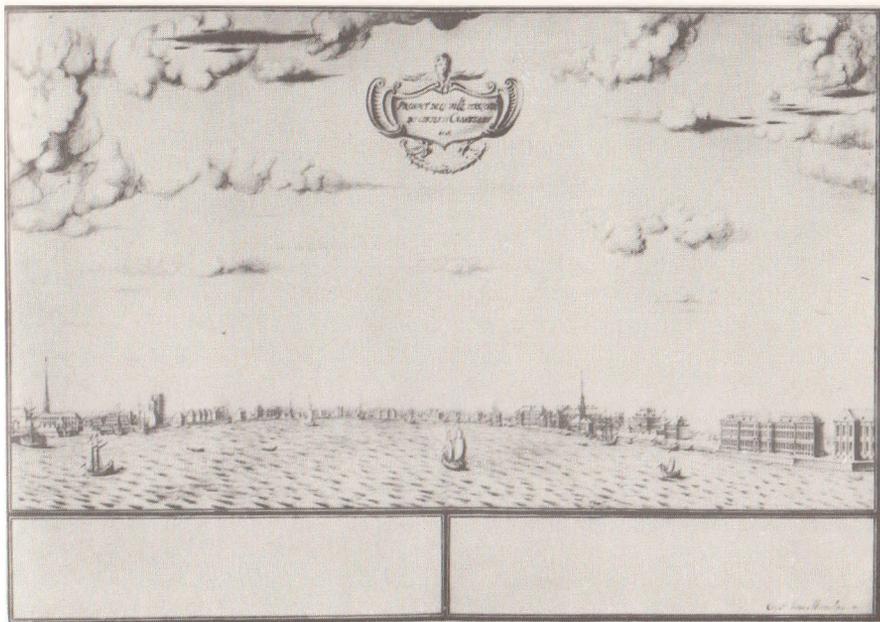

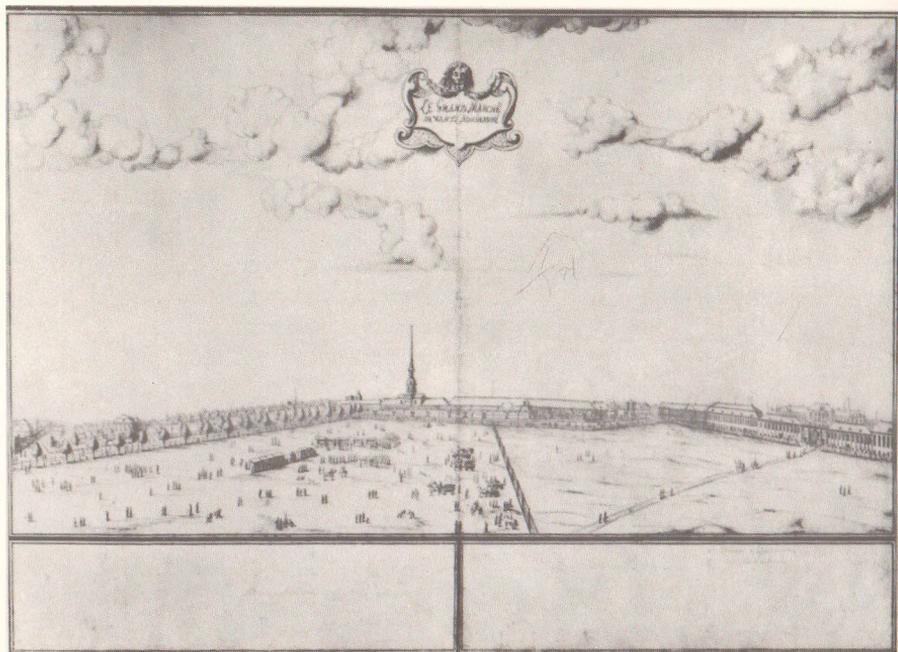
39. Набережная левого берега Невы. Дворец Великого адмирала.
Слева — Зимний дворец Петра I.
Гравюра неизвестного мастера по рисунку Х. Марселиуса. 1725

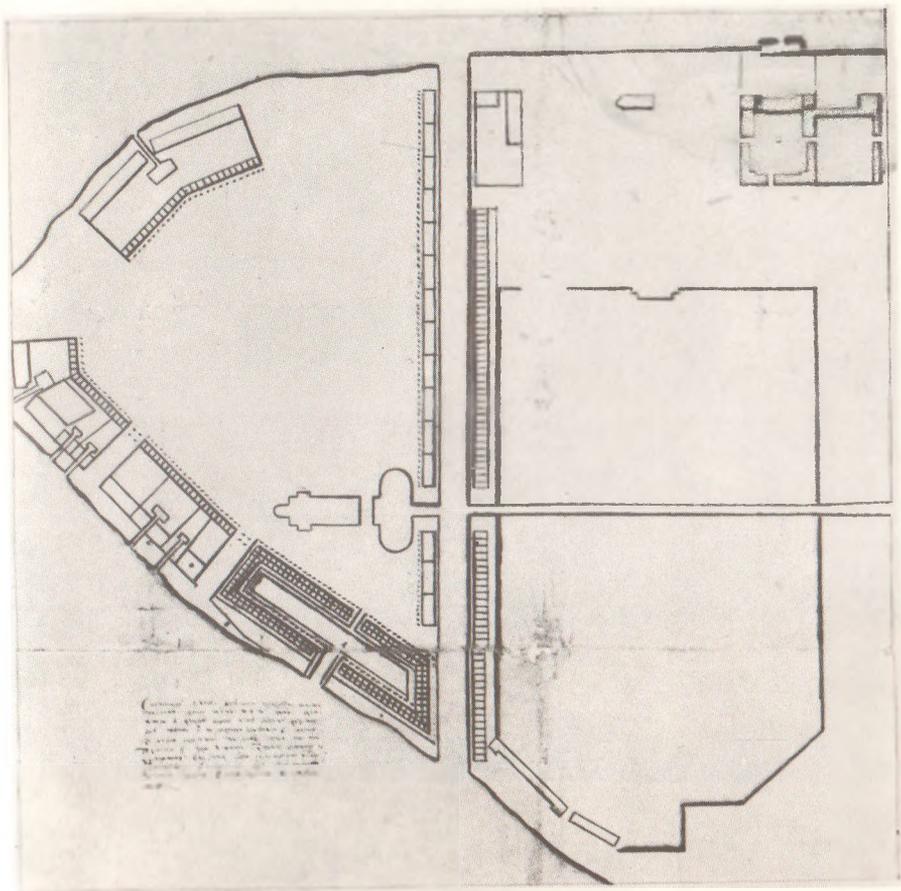
40. Проспект Государственных коллегий.
Гравюра Е. Виноградова. Фрагмент

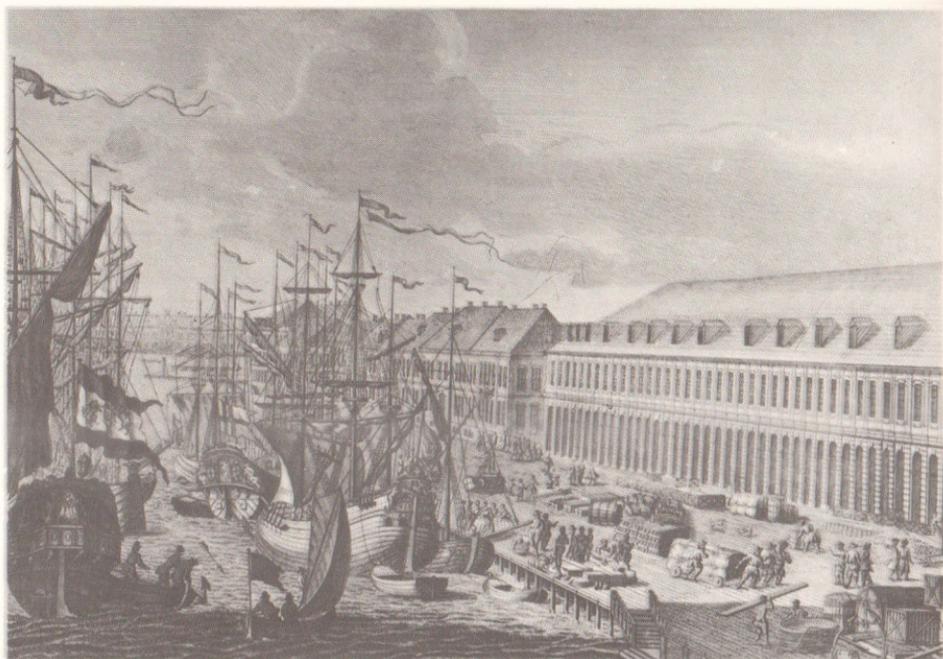
41. Вид на Неву вниз по течению. Слева — шпиль Адмиралтейства.
Гравюра по рисунку Х. Марселиуса. 1725

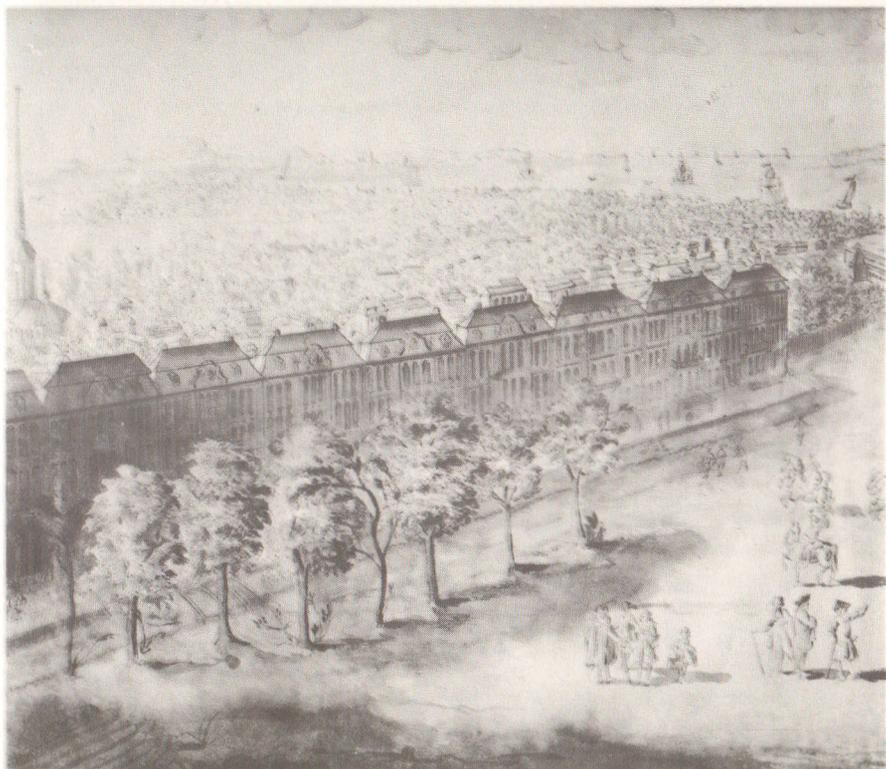
42. Рынок на лугу перед Адмиралтейством.
Рисунок Х. Марселиуса. 1725

43. План Стрелки Васильевского острова. 1723

44. Проспект Биржи и Гостиного двора.
Гравюра Е. Виноградова. Фрагмент

45. Вид на площадь перед зданием Двенадцати коллегий.
Рисунок. Первая треть XVIII в. Фрагмент

46. Портрет Петра II.
И. Тодден. 1730-е гг.

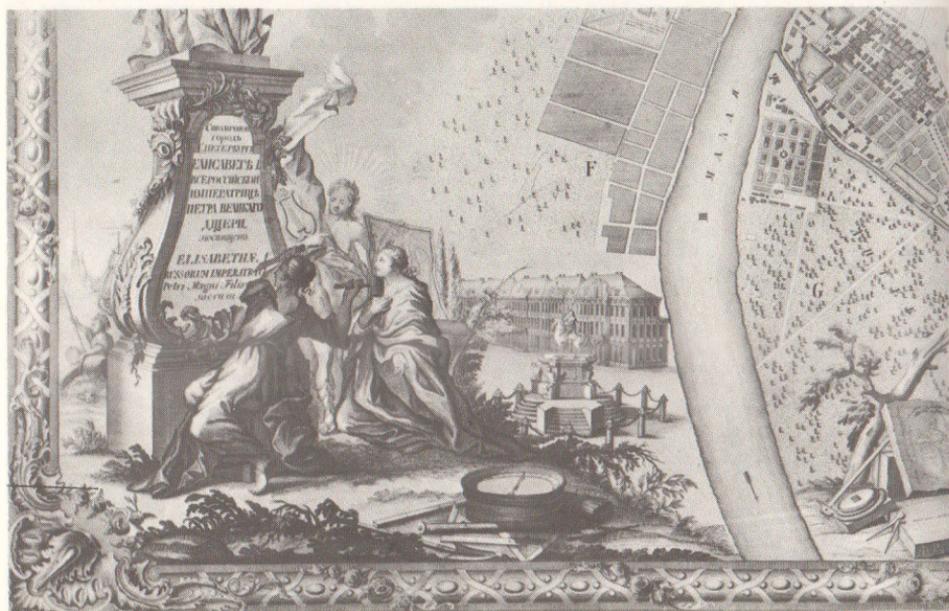
47. Портрет Б.-К. Минина.
Неизвестный художник. XVIII в.

48. Проспект Государственных коллегий. Справа — Гостиный двор.
 Гравюра М. И. Махаева, 1753

→
 49. Портрет Анны Иоанновны.
 Гравюра неизвестного мастера XVIII в.

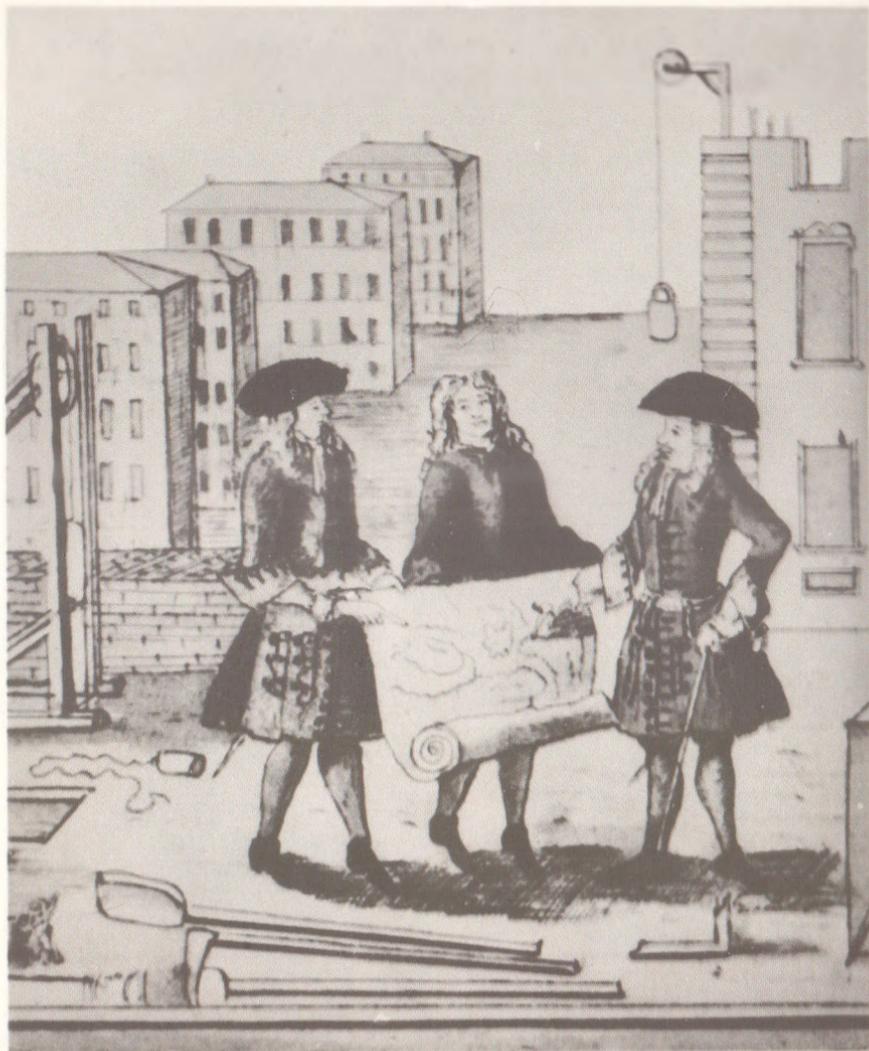

50. Проект постановки памятника Петру I работы Б.-К. Растрелли на Стрелке Васильевского острова. Фрагмент плана Санкт-Петербурга середины XVIII в.

51. Портрет А. М. Радыгиной (урожд. Трезини).
Миниатюра. Начало XIX в.

52. Первые зодчие Петербурга.
Справа — Д. Трезини (предположительно).
С рисунка шведского художника первой трети XVIII в.

какой крепости в свете столько неравных бастионов не делано, как при сей малой крепости, где ни один бастион другому равен не кажется...»

Искательное письмо не помогло Миниху. После его отсылки он еще почти восемнадцать лет прозябал в Пелыме, пока в 1762 году его не вызволил оттуда Петр III. Но яд сомнений в способностях Трезини все же оказал свое действие. Известный историк строительства Петербурга Н. Н. Петров поверил самовлюбленному немцу и упрекнул Доминико в бездарности. Однако лучший судья — время. И последующие за Петровым поколения исследователей, конечно, отказались от подобной оценки.

Но все это в далеком будущем. А пока Трезини успешно «отразил» первый наскок Миниха в истории с кондукторами. Архитектор продолжает напряженно трудиться в разных концах города, не подозревая, что над его головой сгущаются новые тучи. На сей раз Миних, видимо, вовлек в свою интригу Остермана. Правда, сейчас Остерман уже проживает не в доме, который строил Трезини, а на Адмиралтейской стороне, во дворце, принадлежавшем в недавнем прошлом князю Меншикову. Противники свергнутого властителя быстро и охотно поделили оставшееся наследство. Дворец стоял на месте, где позже были построены дом графини Лаваль и здание Сената и Синода. Нынче здесь разместился Центральный государственный исторический архив СССР — хранитель большинства документов о жизни и деятельности Трезини. В том числе и бумаг, раскрывающих историю проверки честности архитектора.

Четвертого апреля 1728 года Верховный тайный совет потребовал от Канцелярии ведомость всех домов, которые возводил полковник фортификации Трезини за последний год, и сметы, сколько надобно было на эти строения плитного камня, кирпича, извести и прочих материалов. А самому архитектору следует срочно представить «приходные и расходные книги материалам».

Составление запрошенной ведомости требует от Канцелярии усилий и времени. Но членам Верховного совета не терпится. В течение года они еще дважды присылают строгие напоминания. И здесь следует воздать должное Ульяну Акимовичу Сенявину. В обществе, которое живет по правилу: губи других, иначе эти другие погубят тебя, — он сохраняет порядочность. Для составления ведомости и сметы Сенявин назначает двух людей — Михаила Земцова и Ивана Мордвинова. Он верит, что они поступят столь же честно, как честен сам Трезини.

В ответ на последнее напоминание Совета 11 февраля 1729 года поступает доношение: «Архитекты Михайло Григорьев сын Земцов, Иван Александров сын Мордвинов сказали... такую ведомость мы обще сочиня сделаем и подадим в Канцелярию от строений сего же февраля к двадцать третьему числу, а ежели к тому числу той

ведомости не подадим и зато указал бы его императорское величество взять на нас штраф...»¹⁸

Взяли с Земцова и Мордвинова штраф или нет — неизвестно. Но ведомость они сдали только 1 марта. На пятнадцати страницах. Двадцать три пункта. Подробное и точное описание всех работ Трезини вплоть до нужников на пристанях против церкви Воскресения Христова и бывшего дворца Меншикова¹⁹.

Ведомость — свидетельство удивительной работоспособности и популярности Трезини в Петербурге. Он строит Зимний дворец и одновременно на Большой Морской дом придворной девицы Краморши (Крамер); конюшни при доме Меншикова и покои для придворной дамы мадам Яган «по линии, что против Адмиралтейского луга»; новую каменную паперть у церкви Воскресения и канал перед зданиями Коллегий. (Канал начали рыть 17 мая 1726 года, и каждодневно там работало по 1400 человек.)²⁰

Заметим, кстати, что в 1727 году Доминико Трезини ремонтировал дом князя Меншикова «подле Исакиевской церкви». На починку кровли и покраску его затрачено листов железных 6177, извести серой 741 $\frac{1}{2}$ бочки. (Можно представить себе размеры этой усадьбы!) Именно в этом отремонтированном доме и живет Остерман, занятый проверкой дел архитектора.

Работы в Петропавловской крепости Земцов и Мордвинов не упоминали, как дело совершенно особое и государственной важности. Наверное, поэтому Верховный тайный совет заранее, 5 октября 1727 года, специально потребует от Трезини «роспись, что в сей момент делает по ранее полученным указам» Петра I и Екатерины I. В начале января следующего года готовая «роспись» ложится на стол. В ней перечислены все работы в Петербургской фортеции, Шлиссельбурге, Кроншлоте и Кронштадте. Всего двадцать шесть пунктов²¹. А если к ним прибавить ведомость Земцова и Мордвинова, то получится сорок девять позиций. Сорок девять строительных дел, которые Трезини ведет одновременно.

Такого количества работы не имел ни тогда, ни позже ни один петербургский зодчий. И сегодня, спустя столетия, исследуя труд первого строителя Петербурга, мы можем сравнить его с огромным айсбергом, чья большая часть сокрыта под водой. На поверхности — главные, хорошо известные здания, возведенные Трезини. Невидимы его повседневные большие и малые заботы: планировка земель, составление чертежей и расчетов, достройки и переделки самых различных строений, обучение учеников и наблюдение за действиями других архитекторов.

Хотя большинство современников и понимало всю многотрудность дел Трезини, тем не менее у государственных чиновников он был на подозрении. У приказных, даже высокопоставленных, особая психология. Они твердо убеждены, что все вокруг обязаны

думать, как они, а в поступках своих следовать их примеру. Обыватель, не соблюдающий этих условий, вызывает подозрение и может даже быть зачисленным во враги государства. Архитектор, к примеру, был близок к Меншикову, а в тайных сговорах никакого участия не принимал. Находился в добрых отношениях с кабинет-секретарем Макаровым, но прибыли для себя не извлекал. Не наушничал, порочащих писем ни на кого не писал. Значит, должен заниматься хищениями или брать взятки. Вот почему Верховный тайный совет тщательно сличает поданную Земцовым и Мордвиновым ведомость с расходными книгами зодчего. Ищет доказательств нечестности Трезини. Однако, пока идет расследование, архитектор обязан продолжать работу. Наиважнейшее строение — дворец императора Петра II на Преображенском острове.

Место для него выбрал еще сам Александр Данилович Меншиков, когда прожектировал обручить двенадцатилетнего императора со своей шестнадцатилетней дочерью Марией. Царскому дому надлежало подняться на земле светлейшего между его дворцом и палатами Федора Соловьева — дворецкого князя. Причем соловьевские палаты — будущее крыло нового Зимнего дворца.

Получив задание, Трезини вместе со своими подручными принимается за новое дело. Помощников достаточное число, и работа спорится. По сведениям Гофинтендантской конторы, в это время при зодчем жили и трудились два помощника архитектора — Василий Зайцев и Григорий Несмеянов с жалованьем по 250 рублей в год, Иван Людоговский с окладом 36 рублей, Осип Чепкирин и Петр Кормалин, получавшие по 12 рублей годовых. А кроме того, писарь Илья Гаврилов с жалованьем 48 рублей в год и три кондуктора — Иван Маурин, Никита Назимов, Тимофей Култашев — с окладом «почем дается в инженерном корпусе»²².

Обретались еще в архитектурском доме для посылок и разных поручений шесть денщиков из солдат, на которых Канцелярия от строений отпускала 25 рублей 72¹/₂ копейки.

В конце декабря 1728 года Трезини уже доносит: «...на Преображенском острове дом его императорского величества каменным строением которого зделано до первого апартаменты вышиною девяти фут с половиною... да позади тех палат каменные конюшни и сараи и жилые покои, на которых строила поставлены и зачаты крыть гонтом, а всего недокрыто и внутри не отделано...»²³

К 1 марта 1729 года во дворце «сделаны перегородки, стены обиты прутьями и помазаны серой известью и побелены».

Закончить сооружение Зимнего дома для Петра II архитектор не успел. Пока юный государь находился в Москве, генерал-губернатор Петербурга, видимо, не очень торопил зодчего. А когда 19 января 1730 года Петр II скончался, то и строительство прекратили. Неизвестно было, кто станет новым правителем России и чего

изволит пожелать. О затраченных силах и средствах горевать не полагалось. Лишь в середине столетия, при Елизавете Петровне, дворец достроили, переделав внутри для новых нужд — для кадетского корпуса, школы будущих российских офицеров.

Сегодня дворец — учебный корпус Ленинградского университета. Фасадом здание смотрит на Неву. И с Адмиралтейской набережной на него открывается великолепный вид. Протяженное, двухэтажное, с мощной центральной частью, чуть выступающей вперед, оно выделяется солидностью и значимостью. По своим размерам дворец внука почти в полтора раза превосходит Зимний дом деда. Если первый растянулся в длину на 37 окон по фасаду, то второй — только на 25. Архитектор выделил и там, и здесь центр здания. В доме Петра I он небольшой, всего в три окна, и украшен колоннами, аттиком. Во дворце внука центр огромный: в 13 окон по фасаду. И выделен он надстройкой третьего, невысокого этажа. (Правда, мы, наверное, никогда не узнаем, какой окончательный вид хотел придать Трезини этому дому, и судим только по тому, что дожило до наших дней.) У здания на Васильевском острове нет боковых ризалитов, но привычные для Трезини пилястры скрадывают однообразие фасада. С Невы не видно служебных корпусов позади дворца. Три одноэтажных флигеля, расположенные покоем, ограничивают поместительный внутренний двор. Восточный корпус, который вытянулся параллельно зданиям Коллегий, предназначался для конюшен, каретных сараев и жилья прислуги. Его длина 74 сажени (158 метров) и ширина 5 сажень (10,6 метра). В северном флигеле собирались разместить ледники, амбары, кладовые и помещения для слуг. Все тот же усадебный помещичий порядок застройки, освободиться от которого еще не пришло время.

Разглядывая дворец и представляя, каким он мог быть — высокая крыша с переломом, декоративные украшения, позолота, — вдруг начинаешь сознавать, что с годами Трезини постепенно обретал чувство уверенности в своих возможностях, мастерство, силу, свободу в полете фантазии. Достаточно мысленно выстроить в один ряд Летний дом и первый каменный Зимний дворец, боковые флигеля Александро-Невского монастыря, здания Коллегий, последний дом Петра I и, наконец, этот незавершенный дворец, как становится наглядным путь, пройденный мастером. Но если бы юность умела, если бы старость могла...

Когда умер Петр II и оборвалось строение дома на Преображенском острове, Доминико Трезини исполнилось шестьдесят. Возраст для того времени очень почтенный. И вдобавок ко всему осенью 1727 года и следующей зимой он начинает тяжело болеть. Пользовал его президент медицинской канцелярии и придворной аптеки Иван Богданович Блумейрост, старший брат первого президента Пе-

тербургской Академии наук. Вероятно, лечение было удачным, а может, организм тессинца еще был крепким, но Трезини выкарабкался. И с прежним тщанием продолжал исполнять все порученное ему.

Нет документов, способных поведать, как относился архитектор к перемене министров, к заговорам — факциям, к опалам и ссылкам своих прежних знакомцев. Но есть доношения и рапорты с требованиями извести, досок, кирпича, мрамора. В 1726 году под Петербургом нашли залежи этого декоративного камня. Гаэтано Киавери, освидетельствовав его, дал заключение: мрамор после шлифовки пригоден для украшения зданий. И Трезини решил выложить им пол в Петропавловском соборе. А в это же время под надзором солдат каторжники дергали траву, которой поросла просторная Невская прешпектива. Жизнь в бывшей столице текла своим чередом.

Очередная смена правителя России, приключившаяся в Москве, завершилась для Трезини принятием новой присяги. С восшествием на престол императрицы Анны Иоанновны отпечатали сотни и тысячи листов с присягой на верность новой правительнице. И все государственные служащие обязаны были собственноручно расписаться, что свято станут соблюдать данную ими клятву. Кое-кто внизу листков приписывал слова радости и умиления по поводу избрания императрицы, восторги ее мудростью и добротой. Но бездушные чиновники, принимавшие клятвы, оставляли эти верноподданнические излияния без внимания. Они складывали листочки с присягой в ровные плотные пачки и туго перевязывали их крепкой бечевкой. В таком виде они и по сей день хранятся в архиве.

Через две недели после принятия присяги пришло повеление: полковнику фортификации и архитектору Трезини со всеми чертежами сооруженных им зданий прибыть в Москву не мешкая. А еще через девять дней, 23 марта, Трезини подает прошение: выдать ему и его помощникам Василию Зайцеву и Даниилу Елчанинову жалование для поездки, а для «отвозу» чертежей и моделей выделить «подвод почтовых четыре»²⁴.

В эти же дни в Канцелярию от строений обращается с ходатайством Бартоломео Карло Растрелли, просит принять «во охранение» дом и вещи, так как уезжает в Москву по собственной надобности. Растрелли едет вместе с сыном. Конечно, они тоже везут с собой чертежи и рисунки домов, построенных ими в Петербурге.

Расчет правильный. Оголодавшая, истосковавшаяся по роскоши в курляндской глуши, новая русская императрица мечтает о пирах, шумных празднествах и новых нарядных дворцах. Между старыми друзьями — Растрелли и Трезини — возникает негласное состязание: кто получит выгодный заказ. Если для Трезини победа в этом

споре не столь уж важна — ему выплачивают жалованье в Канцелярии, то для Растрелли это вопрос дальнейшего существования, заработка, хлеба насущного.

Как выясняется из последующих документов, поскакал в Москву и Готфрид Шедель. Тоже рассчитал: при немецком окружении новой императрицы у него есть шанс получить работу.

Огромная мужеподобная Анна Иоанновна вместе с любимцами Эрнестом Иоганном Бироном и Рейнгольдом Левенвольде разглядывала рисунки и модели, доставленные архитекторами. Правительница замыслила строение двух новых дворцов для себя. Зимнее — в Кремле и Летнего — в Лефортово. Предстояло выбрать, кому доверить это важное государственное дело.

Строгие, практичные здания Трезини не могли понравиться Анне Иоанновне. Время царя Петра кончилось, и теперь дворцы ушедшей эпохи представлялись новой русской императрице слишком скромными и, пожалуй, даже бедными. Она жаждала пышности и роскоши.

Заказы на строения получил мастер итальянского барокко — Растрелли. Для быстрейшего возведения Летнего дома в помощники к нему определен Иоганн Готфрид Шедель.

Архитекту Трезину милостиво разрешили возвести только главные, западные врата с колокольной при мужском Донском монастыре. Чтобы не был его приезд в Москву бессмысленным.

Но почему именно Донской? Монастырь этот принадлежал к числу тех, которые цари обязательно посещали. Этот — 19 августа. В день победы русских войск над ордами Казы-Гирея в 1591 году — последнего набега крымских татар на Москву. С той поры это событие торжественно отмечали. Кстати, и Анна Иоанновна участвовала в крестном ходе 19 августа 1730 года. Но, вероятно, была и еще одна причина. Мать новой императрицы, царица Праксovia Федоровна, еще в 1713 году пожертвовала деньги на строение изысканно красивой Тихвинской церкви над северными монастырскими вратами. Потом она посетила обитель в 1722 году, изволив тогда отобедать у архимандрита.

В летописи монастыря имеется запись о покупках к этому обеду. Она раскрывает нам цены тех лет и позволяет представить постную монашескую трапезу: «...Рыбы живой стерлядь на росольную, стерлядь на паровую, щука на колодку, уха сборная, да в шарую уху две щуки, да на расольные два окуня, да на смаженные два линя, лещ, дано 3 рубля... Изюму царьградского фунт 3 алтына, мигдальных ядер полфунта 2 алтына 4 деньги... Перцу полфунта 3 алтына. Инбирю полфунта 2 алтына 2 деньги... Голова сахару весом 4 фунта по 8 алтын 2 деньги... Пять лимонов 5 алтын. Ренского сладкого 4 галенка [бутылки. — Ю. О.] дано 32 алтына. Ренского полынского 2 галенка 16 алтын... И оная вышеписанная покупка отдана вся

в архимандрическую келью». (Заметим, что хорошая верховая лошадь стоила тогда десять рублей.) Очень возможно, что в память матери — ее вклада и трапезы — оказала императрица милость монастырю.

Прелюбопытно, как монахи испрашивали у Анны Иоанновны разрешения «построить на жительство... кельи каменные и колокольню на вратах, под которую колокольню и церковь прилично сделать во имя тезоименитства ангела вашего...».

Ради такого строения повелено архитектору Трезини «старые ворота разобрать и бут выбрать и фундамент весь очистить». Разборка началась 19 июня, а завершили ее 14 июля. Ровно через неделю начали строение новых врат. Копали рвы, бутили камнем и заливали известью. И еще для прочности фундамента, чтобы надежно держал огромную тяжесть, забили под него толстые двухаршинные дубовые сваи.

К 16 сентября из земли уже поднялись два огромных каменных куба высотой в две сажени, а между ними будущий проезд. Но тут наступили ранние холода, и работы прекратили, укрыв стены сверху тесом. Продолжили строение только на следующий год, когда наступили теплые дни.

Из монастырской летописи 1733 года: «Мая с 2 числа начали достраивать ворота, заложенные в 1730 г., на которых быть церкви и колокольни, а сего 733 г. оные ворота до церковного фундамента и своды воротныя сведены... А от земли в вышину всего того строения... 4 сажени $1\frac{1}{2}$ аршина [9 м 59 см.— Ю. О.]». На том деле и остановилось. У монастыря кончились деньги, а императрица, переехав в Петербург, жертвовать больше не пожелала.

Так и простояли почти двадцать лет без изменений западные монастырские врата — могучее основание для будущей колокольни. Своим обликом они напоминают триумфальные ворота в Нарве, Петровские — в Санкт-Петербургской фортеции и въездные ворота меншиковского дворца в Немецкой слободе — в бывшем доме петровского любимца Франца Лефорта. Сдержанная суровость. Пилястры тосканского ордера. Проезд с полукруглым завершением, увенчанный треугольным фронтоном. По бокам ниши для статуй. (Окна, существующие сейчас, пробиты много позже.) И конечно, излюбленное при царе Петре сочетание: красный кирпич с белым камнем.

Только в 1750 году ученик прославленного Растрелли, архитектор Алексей Евлашев, начал возводить на суровом трезиниевском основании нарядную барочную колокольню. В 1753 году строение вновь оборвалось. Так и остались вместо коринфских капителей колонн грубо отесанные белокаменные блоки с процарапанными узорами для будущей резьбы. И еще колокольню должен был венчать острый шпиль с парящим ангелом наверху. Совсем как

на Петропавловском соборе в Петербурге. Но и это не сделали, а завершили звонницу восьмигранным куполом с крестом.

Недостроенная колокольня Донского монастыря в Москве стала последним памятником петровской архитектуры в России. Ее незаконченность на целые двадцать лет стала символом незавершенности всего огромного государственного дела, начатого Петром Первым.

«Он действовал деспотически; но, олицетворяя в себе государство, отождествляя свою волю с народной, он яснее всех своих предшественников сознавал, что народное благо — истинная и единственная цель государства, — напишет в начале XX столетия В. Ключевский. — После Петра государственные связи, юридические и нравственные, одна за другой порываются, и среди этого разрыва меркнет идея государства, оставляя по себе пустое слово в правительственных актах».

Существует, правда, косвенное доказательство, что за два с лишним года в Москве Трезини строил не только в Донском монастыре.

В 20-е годы на Покровке (ныне улица Чернышевского) поселилась княжна Мария Кантемир, дочь господаря молдавского Дмитрия Кантемира. Марии пришлось укрыться в Москве после неудачных родов. (По упорным слухам, отцом ребенка был сам Петр.) До наших дней уцелело несколько бумаг из архива несчастной княжны. В одном из писем Мария описывает страшный пожар в Москве 29 мая 1737 года, когда «от денежной свечи Москва сгорела». (Пожар начался от свечи в деревянном сарае дома Милославских.)

«Наша Покровка была объята пламенем отовсюду; наконец, огонь охватил и мой дом, проникнув на чердак, выходящий в сад против дома Долгоруких. Вмиг вспыхнули и сами дома... После того как сгорел дом, я поблагодарила господина Трезина за постройку каменного флигеля: вы знаете, что по этому поводу он прожужжал мне уши своими восклицаниями: «Известь и крупный песок!» Благодаря тому я спасла все свое имущество: там хранились у меня все драгоценности и книги».

В рассказе княжны слышны интонации и манера разговора требовательного мастера.

Может, в будущем найдутся новые документы о других постройках зодчего в белокаменной? Однако не исключено, что каменный флигель дворца Марии Кантемир стал последним цивильным зданием, возведенным стареющим архитектором.

Вряд ли Трезини мог глубоко осознать произошедшие в России перемены. Но наверняка почувствовал и понял, что его время подошло к концу. Другие нравы и другие требования пришли на смену.

Теперь не надо вставать в пять утра. После смерти Петра Алексеевича государственные служащие так рано не начинают работу. А Трезини все равно просыпался. Или по привычке, или старческая бессонница замучила. А может, от тяжких дум и забот.

В молодые годы людям недосуг обращать внимание на житейские трудности. Они убеждены: вся жизнь впереди, еще будет время все наладить, изменить, поправить. Но вот наступает невидимый глазу рубеж, и все труднее мириться со всякими, вчера еще казалось, мелкими неустройствами. Особенно мрачные раздумья овладевают человеком на рассвете, когда все воспринимаешь обостренней, потому что ясный день еще не разогнал тьму.

Все чаще и чаще Трезини задумывается, как жить дальше. Есть любимая работа, но уже не хватает сил. Нет денег и есть долги. В Петербурге на Васильевском стоит собственный поместительный дом, но разрослась семья — по-настоящему, стало уже три семьи.

Первая и самая большая — своя. Жена, малые дети. Вторая — дочь Мария с мужем. Правда, Джузеппе устроен, сам себя кормит, но все же чем-то иногда помочь приходится. И третья — старший сын Петр, крестник царя Петра Алексеевича. Незадолго до смерти государь посоветовал отправить мальчика за границу, учиться строительному делу и архитектуре. Чтобы стал в будущем полезным России человеком. Пообещал даже давать каждый год на учение 200 рублей. Обнадежил, а подписать указ позабыл. И никто о том посуле знать не хочет. И денег тех он, Трезини, ни разу не получал. Даже когда в июле 1725 года отправлял сына в Италию, пришлось выпрашивать, чтобы хоть жалованье своевременно выдали²⁵. А то и его в срок не всегда дадут. Вот и получается: сыну послать надо, в свой дом принести следует. А не дай бог что случится, ведь годы немалые, с чем вдова и сироты останутся?

Приходится архитектору на склоне лет обивать пороги сильных мира сего, упрашивать, умаливать о покровительстве и помощи. Не остался глух к жалобам старого друга Ульян Сенявин. Возможно, решил помочь вошедший в силу князь Алексей Черкасский. Скорее всего не без их совета и помощи решил Трезини подать челобитную Anne Иоанновне. Передал прошение накануне начала строения главных врат Донского монастыря — 21 июля 1730 года.

«Всепресветлейшая державнейшая
великая государыня Императрица Анна
Иоанновна самодержица всероссийская

С прошлого 1703 года зачал я служить блаженные и вечно достойные памяти его императорского величества Петру Великому, дяде

вашего императорского величества, и с того время, и по се число обретаюсь в Российской империи... со всяким моим прилежанием и тщанием беспорочно... отправляя... архитектурные и инженерные строения фортификации, дома, церкви и протчие государственные работы... И в бытность свою при означенных строениях, несколько данных мне российской нации учеников архитектуры и цивилии и милитарии обучил, которые при строениях вашего императорского величества действительно поступают гезелями, иныя архитеками, а от фортификации кондукторами и обер-офицерами. А которые после меня выехали архитекты Леблон, Микетти, и те получали через несколько лет жалованья по пяти тысяч на год, а строения никакого ими почти не построено, кроме стрельнинских палат, и некоторые чертежи.

А ныне, я нижайший: нахожусь при старости и имею попечение дабы по толикой моей долговременной вашему императорскому величеству и верной службе жена моя и дети, которых имею у себя сынов и дочерей девять персон, не остались по мне в крайнем сиротстве и бедности...

Всемиловитейшая государыня Императрица прошу... да повелит державство Ваше... меня нижайшего раба за ту мою долговременную и верную службу и прилежные труды, всемиловитейше пожаловать в Ингерманландии, в Копорском уезде мызою Зарецкою с принадлежащими к ней деревнями с людьми и со крестьяне, с пашней и с санным покосом и со всеми к тому угоды — в вечное потомственное владение.

Вашего Императорского Величества нижайший раб, полковник от фортификации и архитект *Андрей Трезин*»²⁶.

Не удержал себя Трезини на старости лет: «а которые после меня выехали архитекты... строения никакого ими почти не построено...» Выплеснул обиду, накопившуюся за долгие годы. Хотя знал, что строили Леблон и Микетти. И хорошо строили. Но везде только отдельные здания. А он весь город ставил. От востока на запад — Александро-Невский монастырь, Летний и Зимний дворцы, крепость, Стрелка Васильевского острова и Галерная гавань на его западном берегу, Кроншлот. Все своим рождением обязано ему, Трезини. А с севера на юг — пороховой погреб на Каменном острове, Госпиталь, Мытный двор на берегу Мойки за Невской прешпективой. А дома по берегам Фонтанки... Каждый участок петербургской земли должен хранить о нем память: где размечал места для строений, где возводил дом, где прокладывал каналы для осушения непригодной земли. И неужто не заслужил ничего за свой повседневный, почти каторжный труд? Воистину

справедливы говорящие: кто больше тянет, на того больше кладут. Но гнев никогда не помощник...

А вот покровители Трезини — люди опытные. Они не только выступили ходатаями перед императрицей, но заранее подсказали архитектору, какую мызу следует просить. И Анна Иоанновна ответила на прошение согласием. Это был первый и, пожалуй, единственный за все XVIII столетие случай, когда иностранный зодчий получил в награду поместье. Впрочем, Трезини, недавно пожалованный русским дворянством, уже не считался иностранцем.

Дождавшись окончания пригодного для строительства времени и получив, наконец, указ на владение поместьем, архитектор укатил в свой любимый Петербург. Его ждали крепость и незавершенная Стрелка Васильевского острова. Наверное, еще не терпелось скорее взглянуть на уголья, хозяином которых стал.

Рождество Трезини встречал дома, в кругу семьи. Новый, 1731 год утешений не принес. Крепостные, полученные в награждение, оказались разоренными вконец. Впрочем, в подобном состоянии находилась вся крестьянская Россия. Непомерные расходы царя Петра на армию, разорение прошедших войн, возникшие по этой причине инфляция, эпидемии, неурожай и, наконец, увеличившиеся почти на треть в связи с реформой налоги с населения повергли Россию в тяжкое состояние. А если еще учесть, что основные поборы легли на помещичьих крестьян (даже налог с них вырос на 60 процентов), то легко можно понять высказывание Миниха: «Многие провинции точно войною или моровым поветрием разорены».

Обдумавши свое положение, Трезини вскоре после крещенских праздников садится писать отчаянное письмо графу Миниху. Полковник фортификации просит о помощи недавно пожалованного генерал-фельдмаршала.

«Мой господин

Глубокое уважение, которое я испытываю к заслугам вашего высочества, торопит меня свидетельствовать вам вместе с моим нижайшим почтением надежду быть принятым вами со столь щедрой добротой, с которой вы всегда оберегали мои интересы... Вашему Высочеству хорошо известна моя длительная служба... начиная с 1703 г., с начала основания Санктпетербурга, когда там были только пустоши, леса и вода... Я нижайший должен быть благодарен милосердию Его Императорского Величества, который соблаговолил своей милостью... Будучи произведен в полковники фортификации милостью Его Величества императора Петра Великого, пребываю в должности с 1726 года до нынешнего нового года. И потому позволяю себе изложить Вашему Высочеству как Ея

Императорское Величество императрица Екатерина, благочестивой памяти скончавшаяся в 1726 г., повелела мне послать в Италию моего старшего сына, восприемником которого был император Петр Великий, который его нарек собственным именем, чтобы он там учился, распорядившись, чтобы его высочество князь Меншиков давал 200 рублей в год на его содержание. Однако мне пришлось содержать его на мои собственные средства, как я продолжаю делать, никогда ничего не получив, и будучи обязанным содержать одновременно две семьи...

Мне кажется однако разумным дать мне какую-то субсидию, чтобы поддержать меня в старости обремененной многочисленной семьей... Признаю милость, которую оказала мне Ее Величество императрица, подарив мне деревушку, но эта деревушка до сих пор стоит мне только больших расходов, так как требует много денег для приведения ее в хорошее состояние, а не дает доходов. Вот почему беру на себя смелость представить Вам все вышеозначенные мотивы, все очень известные...

Возлагаю всю надежду на милосердие Ее Императорского Величества, чтобы оно смилостивилось и призрело за верность моей службы. И это с помощью Вашего щедрого сердца, которому я навсегда до смерти сохранию всяческое признание,

Спб.
февраля 25
1731

с низжайшим почтением мой господин очень смиренный и последний слуга

Доминико Трезини» ²⁷.

Письмо вызывает недоумение. Столько в нем неточностей и даже ошибок. Сразу же привлекает внимание дата смерти Трезини. Она умерла в 1727 году, а Трезини пишет — в 1726-м. Как можно спутать, когда не прошло и четырех лет со дня похорон? Архитектор с гордостью утверждает, что в полковники его произвел сам Петр Великий. Но звание ему присвоили ровно через тринадцать месяцев после смерти императора. И даже с отъездом сына в Италию Трезини допускает ошибку. Из документов известно, что он уехал через три месяца после похорон Петра I, желавшего, чтобы крестник овладел специальностью. Екатерина I уже никого не посылала учиться за границу. Откуда эти ошибки? Результат большого волнения архитектора? Или это проявление старческой забывчивости? Грустно думать, что, скорее всего, — последнее...

В начале 1732 года двор возвращается в Петербург. (Анна Иоанновна боится Москвы. Никогда не забудет она заговора верховников, и кажется ей, что сам воздух древней российской столицы пропитан тайным недоброжелательством. На просторах невских берегов она будет чувствовать себя безопасней.) Вдоль Большой прешпективной дороги выстроились восемь гвардейских полков.

Под непрерывный колокольный звон и пушечную пальбу двигался царский поезд. Впереди трубачи и литаврщики. За ними делегации иноземного и русского купечества в праздничных одеждах. Наконец, раззолоченные кареты самой императрицы и ее приближенных.

Кареты медленно проезжают сквозь триумфальные арки. Сначала у Аничкова моста, потом у Мойки и, наконец, у Троицкой пристани. Рисунок первой и последней исполнил Доминико Трезини. (Следует заметить, что арка на Троицкой пристани была очень скоро разобрана, а триумфальные ворота у Аничкова моста послужили еще тайной сопернице Анны Иоанновны, будущей российской императрице Елизавете Петровне.)

Трезини только «инвентор» — создатель рисунка, а возводит их Михаил Земцов. Императрица больше жалуется вкус и мнение иноземцев. Впрочем, отвлекаться на мелкие работы Трезини недосуг. Седьмого августа 1731 года он получил от Миниха повеление: старый Почтовый двор, что стоит у Красного канала и начала Немецкой улицы (ныне улица Халтурина, 5), разобрать и возвести на этом месте кордегардию и конюшни лейб-гвардии Конного полка, командиром которого императрица объявила себя. Через две недели после получения приказа архитектор уже запрашивает кирпич для строения.

Говорят: ломать не делать, сердце не болит. Порой болит. И очень сильно. С Почтовым двором связаны у Трезини давние и приятные воспоминания. Фахверковое двухэтажное здание возведено в 1715 году. На первом этаже находилась австрия, где покойный государь Петр Алексеевич любил шумно праздновать свои победы, именины, радостные события. На втором этаже селились приезжие. Временно. Пока не подыскали себе жилье. Накануне очередного царского веселья их всех обязательно выселяли. Кое-кого из не ведавших местных обычаев приходилось выдворять с помощью солдат. То-то было шуму и гаму. Особенно зимой и осенью. В обычное время на галерее вокруг второго этажа по воскресным дням играл оркестр. Попивая вино, потягивая пиво, благонамеренные горожане наслаждались духовой музыкой.

Здесь же помещалась почта, основанная в 1714 году. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, письма, донесения и посылки везли на Новгород, Тверь, в Москву. Или к Вологде, а оттуда в Архангельск. Везли в Ревель и Ригу, чтобы затем отправить в Европу. Последние годы Трезини частенько навещался сюда: высылал донесения Сенявину, когда он вместе с двором перебрался в Москву. Получал редкие письма от сына из Италии.

С Почтовым домом были связаны воспоминания о том счастливом времени, когда чувствовал себя полным сил и очень нужным. Теперь старого знакомца предстояло перетащить вниз по реке за

Исаакиевскую церковь, на земли, принадлежавшие когда-то светлейшему князю Меншикову, а ныне — Остерману. За долгие годы человек привыкает к определенным путям. И вырабатывается привычка, составляющая часть повседневногo существования. Смена найденных дорог вносит разлад в душу и больно напоминает о неумолимом беге времени...

Строительство собственного нового Зимнего дома против восточного фаса Адмиралтейства Анна Иоанновна доверила отцу и сыну Растрелли. Их буйная фантазия по душе императрице. Но и он, Трезини, тоже еще надобен. Как-никак, а планы и чертежи городской застройки пока в его руках. И без него Канцелярии не обойтись.

По издавна заведенному порядку архитектор с утра отправляется в крепость. Помимо бастионов и фасов следует проследить за штукатурными и декоративными работами в соборе.

Из крепости на Стрелку Васильевского острова. Строение зданий Коллегии слишком затянулось. Да и Мытный двор велено теперь переделать. Объединить его с Гостиным. И Трезини собирается возвести огромное пятиугольное здание в два этажа. Конечно, с обязательными галереями на первом.

От Стрелки путь лежит по берегу Большой Невы мимо дома Академии наук, бывшего дворца матери нынешней императрицы; мимо еще не достроенной Кунсткамеры. Архитектора обгоняет какой-то мастеровой. Чуть приоткрыв тяжелую дубовую дверь музея, шмыгнул внутрь. Государь Петр Алексеевич, желая приучить россиян посещать Кунсткамеру и смотреть монстров, повелел: денег за вход не брать, а каждому посетителю после осмотра подносить чарку водки. Указ продолжает действовать.

Дальше, дальше. Мимо Аудиенц-каморы, мимо недостроенного дворца Петра II. С укором глядит дом на Трезини пустыми оконницами. Но зодчему недосуг разглядывать свое несчастное детище. Его ждут в бывшем меншиковском дворце.

Генерал-фельдмаршал Миних для должной подготовки офицеров российской армии решил создать специальное учебное заведение — кадетский корпус. Помещаться тому корпусу во дворце, где некогда жил первый генерал-губернатор Петербурга. И теперь Трезини вынужден составлять смету на переделку тех покоев, за украшением которых еще недавно наблюдал самолично.

Бывали еще мелкие, частные заказы, от исполнения которых архитектор считал себя в праве отказаться. Дочь Петра I, царевна Елизавета, попросила переделать галерею и печи в доме Нарышкина на берегу Красного канала вдоль западной стороны Большого луга (Марсово поле). Анна Иоанновна побаивалась своей главной соперницы, возможной претендентки на русский престол, и видеть ее каждодневно во дворце не желала, но отселить далеко тоже

опасалась. Посему велено жить Елизавете не очень близко, но и не далеко. Так, чтобы всегда была под присмотром.

И все же главным в жизни Трезини оставались крепость и Коллегии. Перефразируя более позднее высказывание Ломоносова, заметим: легче было отставить Канцелярию от зодчего, чем Трезини от Канцелярии. По-прежнему он обязательный член разных комиссий по апробации архитектурных проектов. Вместе с М. Земцовым и другими зодчими Трезини освидетельствует чертежи Ивана Коробова, начавшего перестройку в камне главного корпуса Адмиралтейства и его башни со шпилем. Не может Доминико бросить молодых людей, которые жаждут знаний. Полковник фортификации с увлечением продолжает обучать их математике и черчению. Он живет и поступает так, будто ничего не изменилось со времен императора Петра. Но разве какая-нибудь власть прощает самовольство? Даже если оно приносит пользу.

Первым не захотел мириться с подобными нарушениями педантичный генерал-фельдмаршал Миних. Желая ограничить поле деятельности своих возможных соперников, надутый самолюбец готов был увидеть соперника даже в простом архитекторе. Обнаружив якобы значительную растрату в Канцелярии, Миних предложил императрице новую реформу. И Анна Иоанновна ее утвердила. У Канцелярии от строений отобрали многие ее дела и обязанности. Возведением крепостей — Петербургской, Шлиссельбургской, на острове Котлин и других — стала теперь весть Канцелярия главной артиллерии и фортификации, подчиненная Миниху. Сооружение императорских дворцов передали Дворцовой канцелярии. Обывательскую застройку поручили Полицмейстерской канцелярии города. Все остальное — общественные здания — оставили Канцелярии от строений. Но вместо умного и делового Ульяна Сенявина, оказавшегося под следствием, назначили бездарного А. Кормедона. В результате, как утверждали современники, явилось «немалое неудобство и конфузия, чего и разобратъ невозможно».

Время, когда определение лучших людей государства зависело от значимости их поступков и дел, ушло вместе с императором Петром Великим. Теперь «лучшие» объявлялись всенародно — назначениями на должности и пожалованными званиями. Но эти изменения в определении достоинств человека мало волновали петербургских обывателей. Они неизменно относились с пиететом к любому лицу, облеченному властью. И когда 29 июня 1733 года торжественно освящали наконец-то завершенный Петропавловский собор, Доминико Трезини стоял где-то в последних рядах шумной толпы новых придворных. Никто не вспомнил и не поблагодарил строителя храма. Новому двору требовались только люди, умеющие вовремя польстить, доставить радость правительнице.

Тридцатый год жизни в России Доминико Трезини завершал плохо. Болезнью. Жена и дети утешали: потерпи, наступит весна, опять вернешься к своим строениям. Но сам чувствовал: не работник больше. И сил нет, и пора подводить итоги.

Порой просил принести ему из мастерской чертежи. И тогда, обложившись подушками, начинал медленно, обстоятельно разглядывать их. Будто чужие. Будто впервые увидел. Бывало, радовался, но, случалось, и огорчался. Стучал высохшим кулаком по острой коленке и зло ругался, как не заметил решения простого и удачного. Особенно печалился, когда смотрел рисунки Александроневского монастыря. Долго и так и сяк крутил чертеж колокольни собора: «Жаль, что не будет в городе еще одной вертикали... Какой красивый шпиг мог быть...» А потом наступил день, когда и рисунки, и чертежи стали неинтересны. Архитектор угасал, как угасают старики, нежданно лишившиеся цели и смысла жизни...

Деятнадцатого февраля 1734 года, ровно через тридцать лет после отъезда молодого и полного сил зодчего из Москвы в Петербург, Доминико Трезини скончался. Умер в пять утра. В тот час, когда обычно в течение долгих десятилетий начинал трудовой день.

Запись о его смерти сделал каноник церкви Михаила Архангела. В доме на 2-й линии Васильевского острова завесили зеркала.

Хоронили Доминико на шестой день. Старые денщики и верные помощники вынесли гроб и установили его на саних. Родные и близкие расселись по возкам, и длинный похоронный поезд выкатился на широкий простор замерзшей Невы.

Никаких документов о траурной церемонии в архивах нет. Но проводить Доминико Трезини пришлось, вероятно, много людей. И те, с кем дружил, общался, работал. И те, кто, недовольный новым правлением и новыми временщиками, видел в Трезини «птенца гнезда Петрова», представителя славного прошлого.

Сани скользили по льду мимо зданий, возведенных или замысленных первым строителем Петербурга. В этом городе почти все было связано с его именем. Мимо Гостиного двора, мимо вишнево-красных стен крепости к Выборгской стороне. А в ясном морозном небе высоко над Санкт-Петербургом на шпиге собора беззвучно трубил золотой ангел, провожая в последний путь своего создателя.

Похоронили Трезини при церкви Сампсония Странноприимца, целителя всех больных. Она стояла между «Гошпиталью», возведенной архитектором, и поселением батальона Канцелярии от строений.

При церкви существовало небольшое кладбище. После построения Госпиталя оно стало разрастаться. А вскоре пришлось выде-

лить участок и для многих иноземцев, умерших в Петербурге. Кладбище заняло место между будущим Сампсониевским проспектом (ныне проспект Карла Маркса) и Нюстадтской улицей (ныне Лесной проспект). В 1728 году деревянную церковь начали перестраивать в камне. Она сохранилась и по сей день — с шатровой колокольней, с галереями по боковым сторонам, совсем непохожая на прочие петербургские храмы. Здесь и нашел свое последнее пристанище Доминико Трезини. «При той Сампсониевской церкви христианского народа в погребении многое число и знатных и всяких персон», — писал ее священник В. Терлецкий.

Случилось так, что через шесть лет рядом с церковью похоронили и архитектора Петра Еропкина. Вместе с кабинет-министром А. Волынским и советником Адмиралтейства А. Хрущовым его казнили по требованию Бирона и приказу Анны Иоанновны. В 1885 году на могиле страдальцев установили памятник, доживший до наших дней. А след могилы Трезини потерялся.

Во второй половине XVIII столетия иноверческое кладбище застроили. А православное стало теперь частью парка имени Карла Маркса. Но уцелели на стенах колокольни чугунные доски с обращением Петра к солдатам в утро Полтавской битвы.

Уроженец Тессина, архитектор Доминико Трезини, прозванный Андреем Трезиним, был верным «солдатом» всех реформ и преобразований Петра Великого. Посему и слова государя, отлитые в чугуне, могут с полным правом служить эпитафией первому зодчему Петербурга: «Сыны отечества, чады мои возлюбленные! Пóтом трудов своих создал я вас; без вас государству, как телу без души, жить невозможно. Вы имея любовь... к отечеству, славе и ко мне не щадили живота своего... Дела наши никогда не будут забвенны у потомства».

Однако имя и дела архитектора запомнили быстро. Строгие, рациональные строения его не вызывали интереса. Время требовало дворцов, напоминающих порой гигантские драгоценности, и конюшен, похожих на дворцы. Чем ничтожнее личность правителя, тем больше жаждет он поклонения и тем сильнее алчет роскоши. Само имя Трезини напоминало совсем другие времена, когда достоинством считали деловитость, скромность, заботу об общем благе. Теперь деловитость опять стала уделом рабочих людей, скромность — свидетельством бедности и отдаленности от двора. А словами об общем благе прикрывали беззастенчивое обогащение.

VI

Доминико Трезини попытался сам напомнить о себе. Незавершенными строениями Госпиталя и Коллегий, допущенными просчетами.

К началу последней болезни тессинца на Выборгской стороне готовы были только флигеля Морского и Сухопутного госпиталя. Предстояло возвести между ними церковь. Недостроенными и неотделанными стояли многие здания Коллегий. Вдобавок ко всему открылась серьезная ошибка Трезини. Он не учел особенностей местного климата. В желобах за аттиками и на стыках фигурных крыш после дождей и снега собиралась вода. Она просачивалась внутрь, мочила потолки и стены, отваливала штукатурку.

Создали специальную комиссию для освидетельствования. В нее вошли Михаил Земцов, Петр Еропкин и Джузеппе Трезини. Комиссия собиралась, осматривала, решала. А потом последовал указ: все недоконченные работы довершить Михаилу Земцову. Только строительство гигантского отхожего места длиной около 400 метров на втором этаже западной галереи Коллегий, той, что протянулась вдоль тыльной стороны всех зданий, доверили Джузеппе Трезини.

Докачивать чужую работу всегда труднее, чем делать свою. А тут еще выяснилось, что католик Доминико Трезини собирался поставить госпитальную церковь по оси север — юг вместо оси восток — запад, как положено в России. Серьезное нарушение канона, допущенное им уже однажды при сооружении Александровского монастыря. Теперь Земцову предстояло прямо на строительной площадке «развернуть» храм на 90 градусов. Задача не простая, требующая переделки проекта.

Немало забот породили и дома Коллегий. Решено было изменить форму крыш. Для этого следовало переделать все перекрытия и декоративные украшения, венчавшие здания. Дела хлопотные, требовавшие не месяца и не двух, а нескольких лет. И долго еще, помимо своих собственных строений, неотступно занимался Михаил Григорьевич Госпиталем на Выборгской стороне и зданиями на Стрелке Васильевского острова. А когда через несколько лет вновь понадобились чертежи Доминико для каких-то ремонтных работ, Джузеппе донес в Полицейстерскую канцелярию: «Модели и чертежи... после смерти реченного полковника Трезина отданы к архитектору Земцову...»²⁸

Возникшую служебную бумагу убить нельзя. Лишь стоит ей обрести входящий номер, как начинает она свою совершенно особую жизнь. Втягивает в круг своего влияния все новых и новых людей, рождает новые бумаги. Те, в свою очередь, вызывают к жизни другие рапорты и доношения. А огромное скрипучее колесо канцелярской машины начинает вращаться, вызывая у десятков чиновников горделивое чувство исполненного долга. Запрос и поиск архива Доминико Трезини породил пухлые папки бумаг и затянулся на несколько лет. На престол уже взойшла дочь царя Петра, императрица Елизавета, а дело все тянулось.

«В кабинет ея императорского
величества от архитектора Осипа Трезина.

Доношение

Понеже после покойного тестя моего, полковника фортификации и архитекта Андрея Трезина, взяты многие модели строением ея императорского величества церкви святых апостолов Петра и Павла, Васильевского острову Коллегиям, разные проекты императорскому маузолею и протчие к архитектору Михаилу Земцову, которые модели деланы были казенными людьми и встали в немалый кошт, а ныне после смерти оного Земцова уповательно, что оные модели без смотрения могут все напросто потратитца.

Того ради, Кабинету ея императорского величества сим покорно представляя, не повелено ль будет оные все модели казенным строением от жены его Земцова взять и положить в удобное место.

Октября 12 дня
1745 г.

*Джузеппе Трезини»*²⁹.

Доношение подано через два года после смерти Михаила Земцова. Чем вызвана столь ревностная, но запоздалая забота о наследии тестя? Уж не корыстным ли желанием чем-либо попользоваться из толстой кипы чертежей и укрепить свое не очень прочное положение? Ведь Джузеппе Трезини особыми способностями не отличался.

Через несколько дней следует доношение Канцелярии от строевых: «...Вдова Земцова объявила, что после смерти оного мужа все чертежи взял у нее гезель Иван Сляднев, и слышала она, что брал их в Канцелярию от строевых. И ныне у нее, Земцовой, никаких чертежей не имеетца»³⁰.

Иван Сляднев — один из любимых учеников и помощников Земцова. Его правая рука. Когда Михаил Григорьевич уезжал из Санкт-Петербурга, то обязанности архитектора Главной полицмейстерской конторы исполнял Сляднев. В сентябре 1743 года, после смерти Земцова, он по праву стал наследником чертежей и своего учителя, и первого строителя города на Неве.

В ноябре 1745 года Канцелярия от строевых вновь доносит: «Какие остались модели и проекты разным строениям и протчие ныне находятся в Канцелярии от строевых в бережении... в магазинах под смотрением архитектуры гезеля Сляднева, коликое число и какие модели имеется реэстр...»

Далее следует сам реэстр:

«Моделям, оставшимся после полковника
и архитектора Андрея Трезина.

1. Церковь святых апостолов Петра и Павла	1
2. Коллегиям шести выступа	6

Моделям, оставшимся после подполковника
и архитектора Земцова

1. Церковь святого Андрея, которой положено было строить на Васильевском острове	1
2. Мавзолеев с подлежащим к ним украшениям	5
3. Модель статуи Константина Великого	1
4. Куншт камора или Академия	1
5. Кашкады с надлежащим украшением	4
6. Модель дома каменного в два апартамента	1
7. Мельница пильная, а другая шлифовальная	2
8. Модель Преображенского дворца	1
9. Часть Симеоновского шпица	1
10. Купол	1
11. Бассейн с фонтаном и дельфинами	1
12. Турецкой бани модель	1
13. Аничковские триумфальные ворота	1
14. Модель грота	1
15. Модель колонны алебастровой	1
16. Часть модели святого Симеона богоприимца	1
17. Модель балюстрады	1
18. Дом Прасковьи Федоровны	1

Гезель Сляднев»³¹.

Прошло всего одиннадцать лет со дня смерти Доминико Трезини, а исчезли без следа и чертежи, и многочисленные обязательные модели. А ведь были. Существовали. Известно по документам. В 1718 году к Трезини были присланы три опытных столяра для делания модели Александро-Невского монастыря. Модель Петропавловской фортеции хранилась в особой избе на Московской стороне. В 1720 году архитектор поручает прапорщику Харазову изготовить модель Троицкого храма. В 1724 году, экзаменуя молодых Ерошкина и Усова, зодчий велит им сделать модель Зимнего дома Петра Великого. Тогда же царь отписывает Трезини, чтобы, кроме модели Госпиталя, срочно нарисовал его чертеж.

Где же они, все эти модели? Куда подевались? Неужто разобрали молодые ученики, чтобы лучше постичь профессиональные секреты? А может, растащили окрестные ребятишки для игры и забавы. Но это уже никого не волновало. Канцелярская переписка завершилась реестром Сляднева. Безразличный ко всему писарь сшил все бумаги в одну стопку, пронумеровал их, расписался на последнем листе и спрятал на дальнюю полку. Дело прекратилось.

Да и кого могли теперь заинтересовать мастеровито выполненные макеты устарелых зданий. В моде дворцы, возведенные Растрелли-младшим. Его имя звучит во всех гостиных. Он главный архитектор елизаветинского Петербурга.

Пройдет, правда, еще два десятилетия, и о его строениях с пренебрежением скажут: «Стиль барокк — гнусен». И справедливо подведет итог своей жизни в России сам престарелый Франческо Бартоломео Растрелли: «Архитектора здесь ценят только тогда, когда в нем нуждаются». Эти строки он напишет, когда ему исполнится шестьдесят четыре года. В этом возрасте умер Доминико Трезини.

Архитекторы других эпох, других поколений станут охотно ломать старые здания, чтобы возвести новые, по собственным замыслам и планам. Люди стремятся утвердить себя, прославить свое время. Им трудно думать о прошлом, когда все помыслы заняты желанием остаться в будущем. Вот почему до наших дней уцелело так мало творений Доминико Трезини...

Имя и дела первого петербургского архитектора вспомнили только через 140 лет после его смерти. Накануне празднования 175-летия со дня основания города...

ФАМИЛИЯ ТРЕЗИНИ, ИЛИ ЭПИЛОГ

Все тессинцы считают себя одной семьей. Где появляется один, вскорости надо ждать следующего. Доминико Трезини открыл путь в Россию. За ним на протяжении полутора веков туда ехали другие. Но первым после Доминико прибыл его зять Карло Джузеппе Трезини.

Природа не наделила его талантом. Не был он и удачливым. Есть такие люди. Все, что получается у других легко и просто, у этих — обязательно тяжело и с неприятностями, оборачиваясь подчас бедой. Именно таким оказался Джузеппе Трезини.

Числился он сначала архитектором Коллегии иностранных дел. Положение твердое, а работа — бросовая. Что-то отремонтировать, что-то переделать.

В 1736 году к приезду персидских послов Джузеппе готовит для них жилье на Московской стороне. Потом несколько лет хлопочет, чтобы получить причитающееся ему за это жалованье¹.

В 1740 году перестраивает на Васильевском острове дома Ю. Трубецкого, П. Мусина-Пушкина, В. Голицына и подворье

Троице-Сергиева монастыря для прибывшего из Турции посольства. И снова пять лет обивает пороги, пишет прошения, рапорты в надежде обрести наконец заработанные деньги².

В 1743 году Елизавета Петровна назначает Джузеппе Трезини снова в помощники архитектора. На сей раз молодого и талантливоего Андрея Квасова, которому поручено достроить Большой Царско-сельский дворец. Но и здесь он не оправдывает надежд. 5 мая 1745 года Джузеппе заменили Саввой Чевакинским.

Правда, дважды этот Трезини попытался строить самостоятельно. Один раз жилой корпус для кадетов — с западной стороны бывшего дворца Меншикова, вдоль теперешней Съездовской линии. Длинное скучное здание, украшенное по фасаду пилястрами. Второй случай — церковь Трех святителей на 6-й линии Васильевского острова, рядом с Андреевским собором. Собор был тогда еще деревянным и зимой не отапливался. В 1740 году решили построить небольшую каменную церковь для зимних служб. И это сооружение не вызывает восторга, не поражает оригинальностью мышления.

Вместе с тем к Джузеппе Трезини относились с доброжелательством и доверием. Вероятно, потому, что охотно танцевал на всех балах, был искателен перед вельможами, исполнителен в поручениях. Сохранившееся архивное дело свидетельствует, что и в Коллегии иностранных дел не сомневались в его честности и преданности.

В начале сентября 1727 года из Смоленска в Коллегию поступило доношение, что «августа 30 дня в Дорогобужском уезде близ реки Днепра пойман человек... а на каком языке говорит в Смоленску знать невозможно...».

Ответ из Петербурга последовал незамедлительно: «Вам бы оного... из Смоленска до Санкт Петербурха везти под караулом со всякой осторожностью... О деле этом, которое тайности подлежит... в писмах вам ни к кому не писать».

Таинственного неизвестного — то ли хитрого соглядатая, то ли заблудившегося путешественника — срочно доставили с берегов Днепра на берега Невы. Здесь собрали секретную комиссию. Через несколько дней она донесла на самый верх: «В Коллегии иностранных дел присланный из Смоленска... иноземец через секретаря экспедиции и через протчих переводчиков знающих итальянского языка спрашиван... и переводчики сказали, что оной иноземец говорит языком, которого языка они выразуметь и растолковать не могут и притом в уме весьма помешателен и говорит по вопросам их в ответ все другое...»

Решение начальствующих совершенно неожиданно. Таинственного человека не велят казнить, не прячут в тюрьму, не отсылают на каторгу, а отдают под наблюдение... Джузеппе Трезини:

«1727 года сентября в 25 день, по рассуждении Коллегии иностранных дел, отдан на расписку присланной из Смоленска пойманный в Дорогобужском уезде иноземец архитектору Трезини, а ежели он приищет какую оказию отпустить его из России, тогда отпустить его, объявив в Коллегии иностранных дел, а не объявля об отпуске его в Коллегии, из России никуда его не отпускать и иметь ему у себя для домово́й работы, а когда оной иноземец в Коллегию иностранных дел потребуется, и тогда ему оного поставить без всякой оговорки». И внизу роспись в получении: *Carlo Giuseppe Trezzinij* ³.

Доверие, конечно, приятно. Но почему именно ему достались все эти хлопоты и ответственность? Разве мало при Коллегии чиновников?

Кто был сей несчастный иноземец и какова его дальнейшая судьба, остается неизвестным. Пылкие романисты вправе домыслить все, что им заблагорассудится.

Не сложилась у Джузеппе и личная жизнь. Он очень любил детей. А Мария Томазина иметь их не могла. Пока еще жив был тесть, в семье соблюдали приличие. Ведь Джузеппе зависел от Доминико Трезини.

Но как только старик умер, начались нелады. Ссоры и размолвки привели к тому, что в 1744 году Мария Томазина покинула Россию. Сама решила уехать на родину или ее заставил Джузеппе — мы этого никогда не узнаем.

Шесть лет прожил он соломенным вдовцом. А потом разразился скандал. Августа 22 дня 1750 года соседская девка Анна показала, что на Васильевском острове в доме архитектора Осипа Трезина для «непотребства блудного» живет иноземка Шарлотта Гарп с младшей сестрой.

Таких невенчаннх жен в Петербурге достаточно. Но то, что процали другим, не простили Трезини. Возможно, свою роль сыграла нелюбовь к архитектору Петра Ивановича Шувалова, брата любимого фаворита Елизаветы Петровны. Как свидетельствует Якоб Штелин, камергер Шувалов высказался однажды о Джузеппе за обедом: «...постыдным остатком прежнего русского варварства было присвоение этому полному невежде звания сенатского архитектора». Короче говоря, императрица, сама не отличавшаяся строгостью нравов, повелела девицу Шарлотту Гарп арестовать и отправить в «Калинкин дом» — специальную тюрьму, созданную Елизаветой Петровной для гуляющих женщин. Исполнить приказ выпало на долю лейб-гвардии Семеновского полка сержанта Плещева.

Джузеппе со шпагой в руках решил защитить любимую женщину и свою дочь Марию, родившуюся в январе. Тогда для усмирения архитектора и ареста девицы направили капитана Полонского. Тот

сумел арестовать и Джузеппе, и Шарлотту. Правда, Трезини очень скоро отпустили, а девица уже 27 августа дала показания.

Ей 29 лет. Лютеранка. Приехала в Петербург десять лет назад. Отец ее служил поручиком российского морского флота. В Петербурге у нее тетка, жена дворцового седельника.

Суд постановил: девицу Шарлотту Гарп с незаконно прижитой дочерью Марией отправить в Нарву, где при первой возможности посадить на корабль и выслать за границу. Для платы капитану суд выделил 35 рублей. Шарлотту с ребенком и младшей сестрой отослали под конвоем в Нарву. Можно представить, какие мытарства и унижения пережили несчастные, пробыв в Нарве до октября 1752 года. В тот месяц, как сообщил комендант, нашелся капитан небольшого суденышка, согласный отвезти девиц в Любек. Но, едва выйдя в море, кораблик, как поспешил донести тот же комендант, погиб вместе с командой и пассажирами⁴. А может, не было корабля и сердобольного капитана? Может, просто замученные девушки покончили с жизнью сами, а кто-то положил 35 рублей себе в карман...

Самое удивительное в этой истории — решение Полицмейстерской канцелярии: 35 рублей, отпущенные на высылку Шарлотты Гарп «с дитем и младшей сестрой», взыскать с архитектора Осипа Трезини. Можно представить себе ярость тессинца, от которого требуют деньги за погубленную любимую женщину и единственного ребенка. С детских лет привыкший к другим нравам и порядкам, он никак не мог понять этого полицейского требования.

Тем не менее, когда летом 1754 года его назначили членом Комиссии для осмотра Петропавловской фортеции, Карло Джузеппе дал согласие не раздумывая. Забыл все обиды и оскорбления. Надо было работать, иметь жалованье.

Комиссию создал арап Петра Великого, прадед Пушкина, генерал-майор от фортификации Абрам Петрович Ганнибал. Помимо Трезини, в комиссию вошли архитекторы С. Чевакинский, М. Башмаков и А. Вист. Генерал предложил одеть кирпичные стены крепости каменной плитой. От непрерывной влажности кирпич теряет свою прочность, а «плита несравненно с кирпичом, но весьма долговременно стоять может». После нескольких месяцев работы Комиссия постановила: «оное должно учинить». Однако не учинили. Только заменили обветшавшие места и подняли (неизвестно для какой надобности) фланки.

Строение Доминико Трезини «одели гранитным камнем» только в 1779 году. Предание рассказывает, что Екатерина II, подойдя однажды к окну, взглянула через Неву на кирпичные стены крепости-тюрьмы и возмутилась их простецким видом. Незамедлительно принялись готовить гранит для облицовки. Потом наняли сто камнетесов с жалованьем по восемь рублей в месяц каждому, сто

чернорабочих, получавших по шесть рублей в месяц, и семь кузнецов, которым платили по двенадцать рублей. «Одевание» крепости началось. (Припомним, сколько тысяч полуголодных рабочих людей трудилось над возведением фортеции при Доминико Трезини.)

Справедливость этого рассказа подтверждает сам внешний облик крепости. Она укрыта гранитом только с южной стороны, обращенной ко дворцу. А все, что не видно из окон Зимнего, так и осталось красно-малиновым, кирпичным.

Но все это случилось, когда никто уже не вспоминал ни о Доминико, ни о Карло Джузеппе Трезини.

О дальнейшей жизни Джузеппе ничего не известно. Случайно уцелевшие документы гласят, что умер он в Петербурге 20 мая 1768 года. Наследницей его осталась купеческая дочь Елена Санна, служившая у него «домостроительницей». Были у нее дети — сын Петр и дочери Мария и Екатерина, прижитые от архитектора. Завещанное наследство помогло «домостроительнице» выйти потом замуж за поручика Ивана Феера⁵.

Третьего Трезини, приехавшего в Россию, звали Пьетро Антонио. Имя его породило легенду, очень удобную для некоторых историков. Старшего сына Доминико Трезини, крестника царя Петра Алексеевича, тоже звали Петр. Поэтому прямо-таки напрашивалось — объявить приехавшего Пьетро Антонио Трезини сыном Доминико, способным продолжателем дела отца. Так модно восхвалять семейные традиции.

Так и бытовала эта ошибка многие десятилетия, вплоть до середины 60-х годов нашего столетия. Именно тогда историк Герольд Вздорнов обнаружил в архиве прелюбопытнейший документ: Пьетро Трезини доносил Сенату, что архитектуре обучался в Италии «в городе Медиолане [Милане.— Ю. О.] при отце своем» и приехал в Россию в 1726 году. Мы хорошо помним, что сын Доминико родился в 1710 году, а в Италию отправлен в 1725 году. Не мог пятнадцатилетний мальчик овладеть за год сложной архитектурной наукой. Да и сам Доминико не выезжал из России в Милан даже на самый короткий период. Значит, Пьетро Антонио Трезини — третий тессинец, приехавший в Петербург, — всего-навсего однофамилец первого.

Пьетро Трезини оказался способным и очень работающим. Перечень его работ довольно значителен. С 1726 по 1732 год он строит по частным заказам петербургских вельмож. С кем общается? С кем дружит? Трудно ответить. Молчат архивные документы. Возможно, как приватный архитектор, подобно работавшему в Петербурге 20-х годов XVIII столетия итальянцу Киавери, он вне круга служилых мастеров. Не исключено, что мешает ему мелочный, необщительный характер. Эти черты отчетливо проявятся чуть позже.

В 1732 году он строит Монетный дом на Московской стороне, неподалеку от Литейного двора. Это первый государственный заказ, и выполнил его архитектор, видимо, успешно. Потому что через три года Пьетро Трезини поручают сооружение Почтового дома. К сожалению, ни то, ни другое здание до наших дней не сохранились.

С этого времени Пьетро Антонио Трезини все более упрочивает свое положение. Ему доверяют ремонт Исаакиевского собора, сильно пострадавшего от пожара 1735 года. Чуть позже — перестройку в камне Успенской церкви (ныне Князь-Владимирский собор на проспекте Добролюбова). Осенью 1742 года Трезини получает заказ: в честь возвращения Елизаветы Петровны в Петербург после коронации отреставрировать старые триумфальные ворота у моста через Фонтанку и соорудить новые у Зеленого моста через Мойку. Старые ворота, замысленные еще Доминико Трезини, стоят с 1731 года. Их обновление Пьетро Антонио доверяет Джузеппе, но план украшения составляет сам. Приходится восстанавливать позолоту и обветшавшие резные фигуры. А для пущей нарядности установить сорок две новые живописные картины. От старой петровской символики остается одно воспоминание.

В том же году Пьетро Трезини назначают архитектором Полицмейстерской канцелярии Петербурга, взамен временно отъехавшего в Москву Михаила Земцова. Теперь в его обязанности входят «размерение линий и отводы мест, сочинение и перерисование планов и регулирование улиц и дворов сочинением аккуратных планов же, и учреждение ж немалых и знатных как казенных, так и партикулярных важнейших строений, чтобы везде построено было по силе указов и с добрым порядком»⁶. Он должен исполнять все то, что когда-то на протяжении двух десятилетий каждодневно делал Доминико Трезини.

За то, что одновременно возводит Успенскую церковь и храм первого в России лейб-гвардии Преображенского полка и наблюдает за строением в Александро-Невском монастыре, Пьетро Антонио настойчиво требует особую плату. Давно прошли те идеальные петровские времена, когда во имя общественного блага верные сподвижники государя готовы были бескорыстно трудиться день и ночь, не жалея сил своих. Теперь за каждую работу ждут специального вознаграждения. Эпоха воодушевления уступила место эпохе потребления.

Вторично пересекаются дороги первого и третьего тессинца в Петербурге. Сначала на триумфальных воротах. Теперь — в недостроенном Александро-Невском монастыре. Доминико возвел правое крыло, если смотреть от Невы. Пьетро Антонио сооружает левое. Разлет правого крыла сдерживает на краю Благовещенская церковь. Своей суховато-подтянутой формой оно зримо передает

нам деловитый, практический характер петровского времени. Движение левого крыла Пьетро Трезини тоже ограничил церковью — Федоровской. Ее высокий яйцевидный купол, круглые люкарны в нарядных рамах, легкая главка на круглом барабане и полуколонны на фоне пилластр — все это приметы праздничного, пышного елизаветинского барокко.

Федоровскую церковь специалисты по праву считают большой удачей зодчего.

Видимо, кто больше требует, тому больше дается. В апреле 1746 года Полицмейстерская канцелярия заключает на пять лет новый контракт с Пьетро Трезини. Ему увеличивают жалование и присваивают звание армейского майора. Все же не достиг уровня Доминико. И зависть снедает его. Зреет в душе обида. Почему строение всех императорских дворцов доверяют Франческо Растрелли, а ему — только подворье Троице-Сергиева монастыря на берегу Фонтанки и Троице-Сергиевскую пустынь по дороге на Петергоф? (Несмотря на зависть, Трезини при создании проекта пустыни не постеснялся заимствовать у Растрелли его начальный вариант Смольного монастыря.) Правда, Трезини при строении Преображенского собора первым в Петербурге отказался от подражания европейским базиликам и возродил русское традиционное пятиглавие. Растрелли в соборе Смольного вынужден был следовать его примеру.

Если Пьетро Трезини был завистливым честолюбцем, то Франческо Растрелли не отличался большой добротой и всепрощением. Вероятно, между ними зрел конфликт, исходом которого должно было стать полное поражение одной из сторон. И тогда Трезини решает на отчаянный шаг. Бросив недостроенными здания Конюшенного и Таможенного ведомств, оперный театр при Аничковом дворце и проект перестройки католического храма на Невском проспекте, весной 1751 года он срочно уезжает в Италию. Не собираясь возвращаться, испросил поездку по служебной надобности: для найма мастеров. Расчет Трезини прост: его отсутствие заметят в Петербурге, спохватятся и попросят вернуться. Тогда он предъявит свои условия. Для вручения этих пунктов Пьетро Антонио отправляет в Россию жену. Но ни ее хитрости, ни мелкие интриги успеха не приносят. В Петербурге теперь достаточно талантливых и кладистых зодчих.

Как выяснил К. В. Малиновский, Пьетро Трезини все же вынужден был вернуться в город на Неве и жил в нем еще в 1760 году. А вот дальнейшая его судьба нам неизвестна.

По свидетельству Александра Бенуа, в середине XIX столетия в России работал еще один, четвертый Трезини. Также Джузеппе. Он родился в 1831 году, был учеником Миланской академии, в 1850 году переселился в Россию, где состоял одно время помощ-

ником при А. К. Кавосе, а затем построил дом для П. П. Дурново на Английской набережной, оконченный в 1866 году (ныне — набережная Красного Флота, 16). Вернувшись в 1868 году на родину, вместе с Антонио Дефилипписом построил... кантональную тюрьму в Лугано (1872). Умер Трезини в 1885 году.

Какова же судьба детей Доминико Трезини — первого архитектора Петербурга?

В «Ежегоднике археологии и истории искусства Швейцарии» за 1951 и 1952 годы Йозеф Эрет опубликовал две большие статьи о жизни и творчестве Доминико, Карло Джузеппе и Пьетро Антонио Трезини. Автор в основном использовал статьи русских исследователей — М. Я. Королькова и И. Э. Грабаря. Но порой приводит очень интересные сведения из архива Астано, и в первую очередь из церковно-приходских книг.

Так, благодаря изысканиям швейцарского исследователя, мы узнаём, что Мария Лючия Томазина, вторая дочь Доминико Трезини и жена Карло Джузеппе, умерла в Астано 3 июня 1769 года. На год пережив мужа и на тридцать пять лет — отца.

Те же церковные книги сообщают, что Петр Трезини, старший сын Доминико, крестник царя Петра Алексеевича, 3 марта 1731 года обвенчался в Астано с девицей Томазиной де Пресбитеро. Седьмого декабря того же года у них родилась дочь Мария Катарина, а 18 августа 1733-го — вторая дочь, Джованна Мария. (Кстати, еще одно подтверждение тому, что Пьетро Антонио Трезини, приехавший в Россию в 1726 году, никак не мог быть сыном Доминико Трезини.)

Известно, что Джузеппе (Иосиф) и Джоакино (Иоаким) окончили в 1738 году Кадетский корпус. Никаких документов пока не найдено о дочерях Фелиции и Катарине. Неведома судьба и тех двоих детей, имен которых мы вообще не знаем. Зато прослеживается жизнь Маттео (Матвея) Трезини.

В книге церкви Петра и Павла в Астано сохранилась запись: 10 ноября 1745 года скончалась Анна Мария Терезия, малолетняя дочь «рисовальщика господина Маттео Трезини из города Санкт-Петербурга в России». Вероятно, младший из известных нам сыновей Доминико тоже выезжал на родину отца. То ли для учебы, то ли по каким-то другим причинам, но потом вернулся в Россию, где все же оставалось поместье — мыза Зарецкая.

У Маттео Трезини родилась еще одна дочь, которую опять назвали Анной. Явление, распространенное в XVIII и даже в XIX столетии. Рассуждали тогда просто: одну Анну бог прибрал к себе, а вторую уже не станет. Анна Матвеевна Трезини вышла замуж за Григория Ефимовича Радыгина, принеся в приданое деревеньку Зарецкую, как стали в просторечии называть мызу. Деревенька находилась в Копорском уезде верстах в пятнадцати от почтовой

станции Выра, где служил герой пушкинского «Станционного зрителя», а ныне устроен музей.

У Григория Радыгина и Анны Трезини родилась дочь Аграфена, ставшая впоследствии женой офицера Пахомия Чернова. Супруги жили мирно и родили девять детей (как Доминико Трезини). Одна из дочерей, Екатерина Пахомовна, славилась своей красотой. В нее влюбился Владимир Новосильцов, флигель-адъютант Александра I.

Молодой человек решил обвенчаться с дочерью небогатого генерал-майора. Но не тут-то было. Воспротивилась мать жениха. Урожденная графиня Орлова гордо заявила: «Не могу допустить, чтобы мой сын женился на какой-то Черновой, да еще Пахомовне».

За честь сестры вступился ее брат Константин Чернов, подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка, член Северного общества декабристов. Он вызвал флигель-адъютанта на дуэль. А секундантом выбрал своего двоюродного брата — Кондратия Рылеева. После долгих перипетий, рожденных интригами графини, вызов все же был принят. Стрелялись 10 сентября 1825 года в Лесном за Выборгской заставой. Противники смертельно ранили друг друга. Новосильцов скончался на пятый день. Раненный в голову Чернов мучался еще двенадцать дней.

Декабрист Е. Оболенский вспоминал: «По близкой дружбе с Кондратием Федоровичем Рылеевым я и многие приходили к Чернову, чтобы выразить ему сочувствие к поступку благородному, через который он вступился за честь сестры...»

Похороны убитого подпоручика вылились в манифестацию протеста. Е. Оболенский: «Все что мыслило, чувствовало, соединилось тут... и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собой выразил общую идею о защите слабого против сильного». На Смоленское кладбище, что на Васильевском острове, приехали и пришли сотни и сотни людей. Указывая на растянувшееся траурное шествие, декабрист А. Бестужев восклицал: «Напрасно полагают, будто у нас нет общего мнения». Над открытой могилой Вильгельм Кюхельбекер пытался прочесть свои стихи:

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым...

Все это случилось 26 сентября 1825 года. До знаменательных событий на Сенатской площади оставалось 79 дней...

Вряд ли мог исполнительный и безответный Доминико Трезини представить кипение страстей, которое разыграется вокруг его правнука...

Историю о внучках и правнучках Трезини в России поведал мне дальний потомок зодчего, поэт и критик Андрей Юрьевич Чернов. Здесь, наверное, следовало бы завершить жизнеописание первого строителя Петербурга, заложившего надежный фундамент для будущих прославленных строений города. Но рассказ А. Чернова пробуждает размышления о множестве явных и тайных нитей, связывающих нас с прошлым. Они приближают его, помогают лучше понять и осознать вечно живущую, неразрывную связь времен.

Конечно, время способно разрушить отдельные памятники культуры, но оно не в силах уничтожить ее или перечеркнуть навсегда. Васильевский остров с его планировкой и зданием Двенадцати коллегий, Петропавловская крепость с ее удивительным шпилем, Летний дворец и общий замысел Александро-Невской лавры навечно останутся памятником славному труженику Доминико Трезини.

ПРИМЕЧАНИЯ *

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

1. Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 470, оп. 5, ед. хр. 25, ч. 2, л. 395 об.; ед. хр. 3, л. 47, 47 об.; ф. 467, оп. 2, ед. хр. 44, ч. 4, л. 1552—1561.
2. Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 9, оп. 2, ед. хр. 93, л. 272.
3. Там же, ед. хр. 45, л. 200.
4. Там же, ф. 150, ед. хр. 12, л. 46—48.
5. Там же, л. 54 об.
6. Там же, л. 49.
7. Там же, л. 31 об., 41.
8. Там же, л. 46—48.

«АРХИТЕКТ ЦИВИЛИИ И МИЛИТАРИИ»

1. ЦГАДА, ф. 9, оп. 3, ч. 2, ед. хр. 53, л. 727.
2. Там же, оп. 2, ед. хр. 93, л. 378, 378 об.
3. ЦГИА СССР, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 104, л. 137.
4. Там же, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 64, ч. 2, л. 539 об.
5. Там же, л. 739 об., 809.
6. ЦГАДА, ф. 150, ед. хр. 3.
7. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 1, ед. хр. 17, ч. 2, л. 557.
8. Там же, оп. 2, ед. хр. 64, ч. 2, л. 839 об.
9. Там же, л. 840.
10. Сообщено С. О. Андросовым. ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 43, ед. хр. 15, л. 19.
11. ЦГИА СССР, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 139, л. 4 об.
12. К. В. Малиновский, публикатор записок Я. Штелина (в кн.: Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Л., 1977, вып. 7), сообщил, что при публикации им допущена ошибка: неправильно расшифрована фамилия командора. Следует читать «Э. Лейн» вместо «Ган».

«СЕВЕРНЫЙ ПАРАДИЗ»

1. ЦГАДА, ф. 198, ед. хр. 93, л. 1.
2. ЦГИА СССР, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 59, л. 117 об.— 118.

---

* Указаны только те архивные документы, которые публикуются впервые.

3. ЦГАДА, ф. 198, ед. хр. 969, л. 6, 9.
4. Там же, ед. хр. 603, л. 48.
5. Там же, ф. 9, оп. 4, ч. 2, ед. хр. 77, л. 1271 об.
6. Там же, оп. 3, ч. 2, ед. хр. 53, л. 727.
7. Там же, оп. 3, ч. 2, ед. хр. 33, л. 750.
8. Там же, оп. 4, ч. 2, ед. хр. 77, л. 1271.
9. ЦГИА СССР, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 51, л. 94; ед. хр. 79, л. 63.
10. Там же, ф. 467, оп. 1, кн. 5, ед. хр. 117, л. 1002 об.
11. Там же, ед. хр. 134, л. 1063.
12. Там же, оп. 5, ед. хр. 36, л. 68 об.
13. Там же, оп. 1, кн. 4, ед. хр. 16, л. 59.
14. Сообщено К. В. Малиновским.
15. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 1, ед. хр. 17, ч. 1, л. 228.
16. ЦГАДА, ф. 9, оп. 3, ч. 2, ед. хр. 53, л. 727 об.
17. Там же, ед. хр. 38, л. 24.
18. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 1, кн. 5, ед. хр. 134, л. 1094.
19. Там же, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 9, л. 44 об.
20. Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. «Внутренние коллежские дела», оп. 2/6, ед. хр. 2004, л. 8, 8 об., 23.
21. ЦГАДА, ф. 9, оп. 2, ч. 2, ед. хр. 50, л. 334, 335 об.
22. Там же, ф. 198, ед. хр. 969, л. 3 об.
23. Там же, л. 4.
24. Там же, л. 13 об.
25. Сообщено К. В. Малиновским. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 60, л. 1, 30.
26. АВПР, ф., «Приказные дела новых лет», оп. 15/3, ед. хр. 94, л. 1.
27. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 45, л. 1165—1166.
28. Там же, ед. хр. 62, ч. II, л. 450—452.

ПОЛКОВНИК ФОРТИФИКАЦИИ

1. ЦГАДА, ф. 9, оп. 3, ч. 2, ед. хр. 38, л. 24 об.
2. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 62, ч. 2, л. 446.
3. Там же, оп. 1, кн. 5, ед. хр. 134, л. 1106.
4. Там же, оп. 5, ед. хр. 25, ч. 2, л. 24.
5. Там же, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 138, л. 19.
6. Там же, ф. 467, оп. 4, ед. хр. 4, л. 28.
7. Там же, ед. хр. 46, л. 573.
8. Там же, оп. 2, ед. хр. 50, л. 358.
9. Там же, л. 360.
10. Сообщено К. В. Малиновским.
11. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 50, л. 227.
12. Там же, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 3, л. 13.
13. Сообщено К. В. Малиновским. ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 2, ед. хр. 462, л. 302.
14. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 89, ч. 2, л. 81—82.
15. Там же, ф. 796, оп. 32, ед. хр. 186, л. 1 об.—2.
16. АВПР, ф. «Духовные дела иностранных исповеданий», оп. 10/1, ед. хр. 2, л. 6 об.

17. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 64, ч. 2, л. 453.
18. Там же, ед. хр. 62, ч. 2, л. 445.
19. Там же, л. 446—453.
20. Там же, оп. 4, ед. хр. 517, л. 85.
21. Там же, оп. 2, ед. хр. 68, ч. 1, л. 63—65.
22. Там же, оп. 5, ед. хр. 57, л. 76.
23. Там же, ф. 470, оп. 5, ед. хр. 66, л. 136—136 об.
24. Там же, ед. хр. 81, л. 180.
25. Там же, ед. хр. 25, л. 52.
26. Там же, ф. 1329, оп. 1, ед. хр. 32, л. 139.
27. ЦГАДА, ф. 17, ед. хр. 296, л. 1—2 об.
28. ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 89, ч. 2, л. 81 об.
29. ЦГАДА, ф. 17, ед. хр. 302.
30. Там же.
31. Там же.

ФАМИЛИЯ ТРЕЗИНИ, ИЛИ ЭПИЛОГ

1. АВПр, ф. «Внутренние коллежские дела», оп. 2/6, ед. хр. 2042, л. 3.
2. Там же, ед. хр. 2036, л. 1—79.
3. АВПр, ф. «Приказные дела новых лет», оп. 15/3, ед. хр. 121, л. 1—5.
4. ЦГАДА, ф. 8, ед. хр. 119.
5. Сообщено К. В. Малиновским. Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 254, оп. 2, ед. хр. 3 а, л. 172.
6. ЦГАДА, ф. 248, ед. хр. 674, л. 803 об.

ОБЗОР ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1

Выход России к Балтийскому морю и основание Петербурга — одно из важнейших событий в истории XVIII века. Столица государства, поднявшаяся на болотистой земле по единому желанию царя, вызвала пристальный интерес западноевропейцев. Многие из тех, кто посетил город в устье Невы, оставили свои дневники и описания. Эти свидетельства очевидцев мы сегодня имеем полное право рассматривать как ценные исторические источники, наряду с такими документами, как записи каждодневных действий, указы, письма, распоряжения основателя города.

Для уточнения истории строительства Петербурга и деятельности его первого архитектора в первую очередь были использованы:

Журнал, или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира. Спб., 1770—1772, ч. 1—2; Камер-фурьерские журналы Петра I. 1695—1713, 1715—1725. Спб., 1853—1855; Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. Спб., 1829—1830, ч. 1—4; Письма и бумаги имп. Петра Великого. Спб.—Л.—М., 1887—1964, т. 1—11; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Спб., 1829—1830, т. 3—12; Ведомости времени Петра Великого. [Факс. изд.] М., 1903—1906, вып. 1—2.

Из свидетельства иностранцев использованы:

Плейер О. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии. — Чтения в О-ве истории и древностей российских, 1874, кн. 2; [*Юль Ю.*] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). Пер. с дат. М., 1899; Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг. Пер. с нем. — Рус. старина, 1882, т. 36; Описание... столичного города С.-Петербурга... Пер. с нем. — В кн.: Белые ночи. Л., 1975; Петербург в 1720 году. Зап. поляка очевидца. — Рус. старина, 1879, т. 25; [*Берхгольц Ф. В.*] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725. Пер. с нем. М., 1902—1903, ч. 1—4.

К источникам следует отнести, конечно, заметки приближенных Петра I и собрания рассказов людей, знавших его:

[*Нартов А. К.*] Рассказы Нартова о Петре Великом. Спб., 1891; *Штелин Я. Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. М., 1800, ч. 1; *Голиков И. И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М., 1807.

Немалое число документов, упоминающих Д. Трезини или подписанных им лично, хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР, Центральном государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики России, Центральном государственном военно-историческом архиве. Ссылки на впервые использованные материалы из этих хранилищ указаны в примечаниях (см. с. 191—193 настоящего издания).

2

Известно, что сам Петр I задумал уже в 1723 году описать историю рождения своего любимого города. Однако государственные дела и преждевременная смерть помешали ему довести начатое дело до конца.

Замысел императора претворил в жизнь через 28 лет библиотекарь Библиотеки Академии наук А. И. Богданов. В 1751 году, при императрице Елизавете Петровне, дочери Петра I, он завершил объемистый труд под названием «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 г. по 1751 г.». Однако рукопись была издана только в 1779 году, дополненная «надворным советником, правящим должность директора над новороссийскими училищами, Вольного российского собрания при императорском Московском университете и Санктпетбургского вольного экономического общества членом Василием Рубаном».

Исследование современника Петра I (А. И. Богданов родился в 1696 году) представляет особую ценность и имеет значение источника. Правда, как доказал советский историк С. П. Лущов, дополнения и изменения, внесенные В. Г. Рубаном, породили некоторые ошибки и неточности.

За последующие 80 лет (1779—1860) было опубликовано пять значительных работ, посвященных основанию и строительству новой российской столицы. В 1792—1793 годах литератор, исследователь старины Ф. О. Туманский в своем журнале «Российский магазин» опубликовал «Описание Санкт-Петербурга». На следующий год (1794) академик И.-Г. Георги выпустил отдельным томом свой труд «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного». В 1834 году издатель и литератор А. П. Башуцкий начал выпускать «Панораму Санктпетербурга» (вышли только первые три части). С 1839 по 1842 год историк и статистик И. И. Пушкирев опубликовал четыре части «Описания Санктпетербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии». Все эти авторы лишь повторяли сведения, почерпнутые из труда А. И. Богданова.

Особняком стоит труд академика П. П. Пекарского «Петербургская старина», опубликованный в т. 31—32 журнала «Современник» за 1860 г. Прекрасный знаток просвещения, литературы и быта XVIII века, Пекарский воссоздал наглядную картину жизни Петербурга первых десятилетий после его основания. Следует заметить, что вплотную к этой работе примыкает известный труд ученого «Наука и литература в России при Петре Великом» (Спб., 1862, т. 1—2).

Первое капитальное исследование об основании Петербурга и его застройке появилось только в 1884 году:

Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. Спб., 1884.

Этот объемистый (1094 страницы) труд включает много новых сведений на основе архивных разысканий автора. Расположив собранные документы в хронологическом порядке, П. Н. Петров, к сожалению, не выделяет главного. И порой очень важные факты теряются среди множества второстепенных деталей. Автор иногда слишком вольно цитирует документы, что приводит нередко к ошибочным выводам. А ссылки на архивные источники очень произвольны: без указания номеров дел и листов. Тем не менее, при достаточно критическом отношении к сообщаемым П. Н. Петровым сведениям, его книга очень важна и полезна.

Немалое число статей и книг появилось в начале нашего столетия накануне торжественного празднования 200-летия основания Петербурга. Среди них:

Божеянов И. Н. «Невский проспект». Культ.-ист. очерк двухвековой жизни С.-Петербурга. Спб., 1901; *он же.* Санкт-Петербург в Петрово время. Иллюстрир. ист. очерк. [Спб.], 1901; *Головин Н. Н.* Петербург в Петровское время. Ист. очерк. Спб.—М., 1903; *Голыцын Н. В.* К 200-летию основания Петербурга. Петербург или Петрополь? (Новое свидетельство об основании Петербурга). Спб., 1903; *Тимченко-Рубан Г. И.* Первые годы Петербурга. Воен.-ист. очерк. Спб., 1901; *Тиглов А. А.* Дополнение к Историческому, географическому и топографическому описанию Санктпетербурга с 1751 по 1762 год, сочиненному А. Богдановым. М., 1903.

В 1909 году издательство Кнёбель в Москве по инициативе и под руководством И. Э. Грабаря начало выпуск первой научной истории русского искусства. В третьем томе (М., 1912), посвященном архитектуре, были опубликованы интересные и

важные сведения о строительстве Петербурга. Эти материалы специалисты и сегодня используют как первоисточник, хотя многие архивные документы еще не были тогда известны И. Э. Грабарю.

Незадолго перед Великой Октябрьской революцией начал публиковать статьи и брошюры, посвященные истории Петербурга, исследователь П. Н. Столпянский. Всего он написал около 100 работ, посвященных архитектуре, быту, культурной жизни и экономике города на Неве. Из них следует выделить: «Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Итербурх» (Пг., 1918); «Старый Петербург. Петропавловская крепость» (Пг., 1923). Написанные увлекательно и популярно, они, к сожалению, содержат ошибки и неточности.

Новый интерес к старейшим ансамблям и улицам города начался вскоре после Великой Отечественной войны. В 1948 году в сборнике «Петербург петровского времени» была напечатана прекрасная работа историка А. В. Предтеченского «Основание Петербурга».

В 1954 году под редакцией академика И. Э. Грабара вышел сборник статей «Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы». Исправленные и дополненные статьи из этого сборника легли в основу пятого тома «Истории русского искусства». Особый интерес в томе представляют обстоятельные разделы, написанные И. Э. Грабарем — «Основание и начало застройки Петербурга» и «Обучение русских зодчих», В. Ф. Шилковым — «Архитекторы-иностранцы при Петре I», С. С. Бронштейном — «Петербургская архитектура 20—30-х годов XVIII века».

Значительным явлением в изучении начального этапа строительства города стала появившаяся в 1957 году книга С. П. Луппова «История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века». Серьезный, аргументированный труд создан на основе многочисленных архивных документов из хранилищ Ленинграда и Москвы. В 1958—1959 годах С. П. Луппов опубликовал в «Трудах Библиотечки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР» еще две очень интересные статьи: в т. 3 — работу «Неосуществленный проект петровского времени строительства новой столицы России» — о замысле Петра I основать свою столицу на острове Котлин, а в т. 4 — исследование «Планы Петербурга первых лет существования города». В 1961 году издательство АН СССР выпустило очень важный для исследователей труд М. Н. Мурзановой, В. Ф. Покровской и Е. И. Бобровой «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Карты, планы, чертежи, гравюры собрания Петра I».

Начавшееся в 1955 году издание «Очерков истории Ленинграда» в шести томах способствовало появлению новых исследований, посвященных истории отдельных районов или зданий города. Среди них:

Бунин М. С. Стрелка Васильевского острова. История формирования архитектурного ансамбля. М. — Л., 1958; *Медерский Л. А.* Васильевский остров. Л. — М., 1958; *Сомина Р. А.* Невский проспект. Ист. очерк. Л., 1959; *Бастарева Л. И., Сидорова В. И.* Петропавловская крепость. Путеводитель. Л., 1972 (переизд. в 1978, 1980, 1983 и 1986 гг.).

Интересны по новым фактам статьи:

Бутки В. А. Начало строительства Петропавловской крепости. — В кн.: Научные сообщения Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда. Л., 1959; *Петров А. Н.* Новые данные об Иване Матвееве. — Там же; *Семенова Л. Н.* Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга (первая четверть XVIII в.). — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Сб. ст. Л., 1970 (Труды Ленингр. отд-ния Института истории СССР АН СССР, вып. 11).

Серьезным вкладом в изучение истории Петербурга стали работы:

Памятники архитектуры Ленинграда. Изд. 4-е. Л., 1976; *Денисов Ю. М.* Панорама Невского проспекта. Воспроизведение литогр., исполн. И. Ивановым и П. Ивановым по акв. В. С. Садовникова. Текст и публ. И. Г. Котельниковой. Л., 1974; *Комелова Г. Н.* «Панорама Петербурга» — гравюра работы А. Ф. Зубова. — В кн.: Культура и искусство Петровского времени. Публ. и исслед. Л., 1977; *Иозансен М. В.,*

Лисовский В. Г. Ленинград — Leningrad. Л., 1979 (переизд. в 1982 г.); Кудрявцев А. И., Шкода Г. Н. Александро-Невская лавра. Архитектурный ансамбль и памятники некрополей. Л., 1986.

Для массового читателя предназначена научно-популярная книга В. В. Мавродина «Основание Петербурга» (Л., 1978; переизд. в 1983 г.).

Этот перечень следует заключить документальной повестью А. М. Шарымова «1703» (Аврора, 1983, № 12).

3

Через 54 года после смерти архитектора автор первого обстоятельного (использованы многочисленные документы и более двух тысяч писем императора) жизнеописания Петра I — курский купец И. И. Голиков в многотомном издании «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (М., 1788—1797), упоминает имя Трезини.

И снова почти на 90 лет имя Трезини оказалось забытым. Только в 1878 году П. Н. Петров на заседании Петербургского общества архитекторов сделал сообщение «Трезини — первый строитель гражданских сооружений в Петербурге» (протокол заседания хранится в отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 575. Петров П. П., ед. хр. 51). Через несколько лет свои наблюдения и выводы П. Н. Петров опубликовал в «Истории С.-Петербурга», и наступает очередной период забвения, длившийся 24 года.

Молчание нарушил А. Н. Бенуа своей статьей «Рассадник искусств» (Старые годы, 1909, апр.). Ровно через два года историк русского зодчества М. Я. Корольков опубликовал, наконец, исследование, основанное на большом числе архивных документов, — «Архитекты Трезини» (Старые годы, 1911, апр.). Три месяца спустя деятельность Доминико Трезини проанализировал И. Э. Грабарь в статье «Архитекторы-иностранцы при Петре Великом» (Старые годы, 1911, июль — сентябрь). А на следующий год уже вышел третий том «Истории русского искусства», где немало страниц посвящено жизни и творчеству первого петербургского зодчего.

Сведения о жизни и деятельности первого архитектора Петербурга содержатся в уже упоминавшихся нами изданиях — в сборнике «Русская архитектура первой половины XVIII века» (М., 1954) и в т. 5 «Истории русского искусства» (М., 1960), а также в работе К. В. Малиновского «Записки Якоба Штеллина о русской архитектуре XVIII века» (опубл.: Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Темат. сб. науч. тр. Л., 1977, вып. 7).

С 50-х годов в научной периодике начинают публиковаться исследования, посвященные творчеству Доминико Трезини: его отдельные работы и градостроительным планам. Среди этих статей в первую очередь следует отметить труды М. В. Иогансен (Грозмани) — историка русской архитектуры, прекрасно знающего архивные источники: «Строительство и первоначальный облик здания 12 коллегий — ныне главного здания Ленинградского государственного ордена Ленина университета им. А. А. Жданова» (Вестник Ленингр. ун-та, 1953, № 6); «Работы Д. Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова» (в кн.: От средневековья к новому времени. М., 1984); «Здание „мазанковцев коллегий“ на Троицкой площади» (там же). В этот перечень следует добавить ее же небольшую, но очень обстоятельную монографию «Михаил Земцов» (Л., 1975), где приводится немало интересных фактов о Д. Трезини.

В 1955 году в № 7 сборника «Архитектурное наследство» Н. Л. Крашениникова и В. Ф. Шилков опубликовали интересную статью «Проекты образцовых загородных домов Д. Трезини и застройка берегов Фонтанки».

О роли Доминико Трезини в обучении будущих русских зодчих говорится в статье Е. А. Борисовой «Архитектурное образование в Канцелярии городовых дел» (в кн.: Ежегодник Института истории искусств. 1960. Архитектура и живопись. М., 1961).

Об истоках и некоторых чертах творчества Д. Трезини, о деятельности архитектора в Канцелярии от строений в 20-е годы XVIII в. делала сообщения на ежегодных конференциях Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ) И. И. Лисаевич. Тезисы сообщений опубликованы в сборниках «Краткие содержания докладов XXIX научной конференции ЛИСИ» (Л., 1971), «...XXX научной конференции ЛИСИ» (Л., 1972), «...XXXI научной конференции ЛИСИ» (Л., 1973). В 1986 году вышла книжка И. И. Лисаевич «Доменико Трезини», посвященная жизни и деятельности зодчего.

В 1968 году Г. И. Вздорнов опубликовал очень важную статью «Архитектор Пьетро Антонио Трезини и его постройки» (в кн.: Русское искусство XVIII века. М., 1968). На основании большого числа архивных документов автор убедительно доказал, что Трезини, работавший в России в 30—40-е годы XVIII столетия, был только однофамильцем и земляком первого зодчего Петербурга.

4

Имя Доминико Трезини хорошо знали на его родине. Задолго до того, как его вспомнили в России. О первом строителе новой русской столицы писали уже в начале XIX столетия (*Oldelli G. A. Dizionario storico ragionato degli uomini illustri del canton Ticini. Lugano, 1807*). В начале нашего столетия генеалогии рода Трезини посвятил свое исследование А. де Фариа (*Faria A. de. La famille «Trezzini» de Astano. — Archives héraldiques suisses, 1904, t. 4*).

Обстоятельные, серьезные исследования о жизни и творчестве Доминико Трезини, его зятя Карло Джузеппе и однофамильце Пьетро Антонио опубликовал Йозеф Эрет (*Ehret J. Dominico Trezzini aus Astano. — Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte, 1954, Bd 12; idem. Pietro Antonio und Carlo Giuseppe Trezzini. — Ibid., 1952, Bd 13*). К сожалению, эти работы, основанные, в большинстве своем, на русских источниках конца XIX — начала XX в., содержат некоторые неточности. Однако очень важны выписки из церковных книг Астано, раскрывающие молодые годы Доминико и судьбу некоторых его потомков.

Краткие сведения о работах Трезини на основе статей М. Я. Королькова, И. Э. Грабаря и В. Ф. Шилкова содержатся в работе Альдо Кривелли (*Crivelli A. Artisti ticinesi in Russia. Catalogo crit. Locarno, 1966 (Artisti ticinesi nel mondo, vol. 1)*).

5

При воссоздании исторического фона эпохи, когда жил и работал Трезини, была использована следующая литература:

Пушкин А. С. История Петра. — Полн. собр. соч. в 10-ти т. Т. 9. М., 1958; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Спб., 1858—1863, т. 1—4, 6; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962—1963, кн. 7—9 (т. 14—18); *он же.* Публичные чтения о Петре Великом. — В кн.: Соловьев С. М. Избр. труды. Записки. М., 1983; *Ключевский В. О.* Курс русской истории, ч. 4. — Соч. в 8-ми т. Т. 4. М., 1958; *Шмурло Е. Ф.* Петр Великий в оценке современников и потомства. Спб., 1912; *Платонов С. Ф.* Петр Великий. Личность и деятельность. Л., 1926; *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1948, т. 4—5; *Павленко Н. И.* Петр Первый. 2-е изд. М., 1976 (ЖЗЛ); *он же.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981; *он же.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984; *Шаркова И. С.* Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Астано. *Современное фото*.
2. Астано. Храм Петра и Павла, в котором венчался Д. Трезини. *Современное фото*.
3. Портрет Петра I. *Неизвестный художник*. Первая четверть XVIII в. *Холст, масло*.
4. Медаль в честь взятия Ниеншпанца. *Лицевая и оборотная стороны*.
5. Медаль в честь сооружения форта Кроншлот. *Лицевая и оборотная стороны*.
6. Форт Кроншлот. *Гравюра А. И. Ростовцева*. 1716.
7. Адмиралтейство. *Гравюра А. Ф. Зубова*. 1716.
8. Портрет вице-адмирала Корнелиуса Крюйса. *Гравюра П. Шенка*. Начало XVIII в.
9. План Петропавловской крепости и Кронверка. Начало XVIII в.
10. Деревянный Петропавловский собор в земляной крепости. *Гравюра*. Середина XVIII в.
11. Петровские ворота Петропавловской крепости. *Фото Н. Науменкова*. 1959.
12. Петропавловский собор. *Фото Н. Науменкова*. 1966.
13. Вид на Петропавловский собор. *Фото М. Блохина*. 1977.
14. А. Д. Меншиков на фоне сражения при Калише. *Гравюра П. Пикарта*. 1712.
15. Петр Великий. *Гравюра А. Ф. Зубова*. 1712.
16. Летний дворец и Летний сад. *Гравюра*. 1716.
17. Летний дворец Петра I. *Фото П. Федотова*. 1959.
18. Зимний дворец Петра I. *Гравюра А. Ф. Зубова*. 1716.
19. Свадебный пир Петра I. *Гравюра А. Ф. Зубова*. 1712.
20. Бюст Петра I. *Б.-К. Растрелли*. 1723. *Бронза*.
21. Бюст А. Д. Меншикова. *Б.-К. Растрелли*. 1723. *Бронза*.
22. Дворец А. Д. Меншикова. *Гравюра А. И. Ростовцева*. 1716—1717.
23. Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове. 1716. (*Реконструкция Г. В. Михайлова и В. К. Галочкина*. 1983).
24. Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове. 1719. (*Реконструкция Г. В. Михайлова и В. К. Галочкина*. 1983).
25. Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове. *Современное фото*.
26. Дворец А. Д. Меншикова. Анфилада покоев на половине хозяина. *Современное фото*.
27. Александро-Невский монастырь. *Гравюра А. Ф. Зубова*. 1716—1717.
28. Гостинный двор на Троицкой площади. *Гравюра А. И. Ростовцева*. 1716.
29. Проект застройки Петербурга. *Архитектор Ж.-Б. Леблон*. 1716—1717.
30. Проекты «образцовых» загородных домов. *Гравюра Д. Трезини*.

31. Проект «образцового» дома для «подлых» людей. *Гравюра Д. Трезини.*
  32. Проект «образцового» дома для «зажиточных» людей. *Гравюра Д. Трезини.*
  33. Зимний дворец Петра I в 1711 г. Вид с Невы. *Архитектор Д. Трезини. (Реконструкция Г. В. Михайлова и В. К. Галочкина. 1986).*
  34. Зимний дворец Петра I в 1719 г. Вид с Невы. *Архитектор Д. Трезини. (Реконструкция Г. В. Михайлова и В. К. Галочкина. 1986).*
  35. Зимний дворец Петра I в 1721 г. Вид с Невы. *Архитектор Д. Трезини. (Реконструкция Г. В. Михайлова и В. К. Галочкина. 1986).*
  36. Зимний дворец Петра I. Вид от Канала (Зимняя канавка). Справа — «Старый Зимний дом». *Архитектор Д. Трезини. 1711.* Слева — «Новый Зимний дом». *Архитектор Г.-И. Маттарнови. 1716—1720.*
  37. «Новый Зимний дом». Проект главного фасада со стороны Невы. *Архитектор Г.-И. Маттарнови. 1716.*
  38. «Новый Зимний дом». План первого этажа. *Архитектор Г.-И. Маттарнови. 1716.*
  39. Набережная левого берега Невы. Дворец Великого адмирала. Слева — Зимний дворец Петра I. *Гравюра неизвестного мастера по рисунку Х. Марселиуса. 1725.*
  40. Проспект Государственных коллегий. *Гравюра Е. Виноградова. Фрагмент.*
  41. Вид на Неву вниз по течению. Слева — шпиль Адмиралтейства. *Гравюра по рисунку Х. Марселиуса. 1725.*
  42. Рынок на лугу перед Адмиралтейством. *Рисунок Х. Марселиуса. 1725.*
  43. План Стрелки Васильевского острова. 1723.
  44. Проспект Биржи и Гостиного двора. *Гравюра Е. Виноградова. Фрагмент.*
  45. Вид на площадь перед зданием Двенадцати коллегий. *Рисунок. Первая треть XVIII в. Фрагмент.*
  46. Портрет Петра II. *И. Тодден. 1730-е гг.*
  47. Портрет Б.-К. Миниха. *Неизвестный художник. XVIII в.*
  48. Проспект Государственных коллегий. Справа — Гостиный двор. *Гравюра М. И. Махаева. 1753.*
  49. Портрет Анны Иоанновны. *Гравюра неизвестного мастера. XVIII в.*
  50. Проект постановки памятника Петру I работы Б.-К. Растрелли на Стрелке Васильевского острова. *Фрагмент плана Санкт-Петербурга работы Траускота. Середина XVIII в.*
  51. Портрет А. М. Радыгиной (урожд. Трезини). *Миниатюра. Начало XIX в.*
  52. Первые зодчие Петербурга. Справа — Д. Трезини (предположительно). *С рисунка шведского художника первой трети XVIII в.*
- На фронтиспise: Деревянный Петропавловский собор. *Гравюра.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕЕСТРЫ СТРОЕНИЙ ТРЕЗИНИ

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Синхронистическая таблица

РЕЕСТРЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ
АРХИТЕКТОРА И ПОЛКОВНИКА ОТ ФОРТИФИКАЦИИ
ДОМИНИКО ТРЕЗИНИ *

I

*Описание работ, где что надлежит по указу делать, и у
тех работ кто мастера, и надзиратели, и какими людьми
та работа управляется*

Работы	Мастера	Надзира- тели	Люди при работах
1. В больверке царского величества фазы и фланки поднять до верха, також и стены казематов поднять до верха	Трезин	капитан Милюков	переведенцы
2. Которые места фортификации не покрыты, покрывать плитою и глиною	Трезин	он же	те же
3. В церкви Петра и Павла столбы и своды делать	Трезин	он же	те же
.....	.....	.....	.....
5. Подъемный мост новой при фортификации	Трезин	он же	подрядом делают солдаты
6. На ворота городские орел свинцовый вылит и вычищен	Трезин	он же	нанять мастеров
7. Госпиталь на Выборгской стороне разобрать	Трезин	прапорщик Харзеев	нанят олончанин Семен Батачев
8. На том фундаменте, где стояли решетки, делать госпиталь каменный	Трезин	прапорщик Харзеев	указ опубликован однажды
9. Пороховой погреб на острову Котляин	Трезин		нанять каменщиков Кирилла Яковлева

* Впервые публикуются перечни строений зодчего, выполненных им в 20-е годы.

Работы	Мастера	Надзира- тели	Люди при работах
10. Около хором старых царского величества на Гордовом острове сделать сарай с кровлей	Трезин	капитан Милюков	сделан только не покрыт
40. Против Катерингофа на острове хоромы строят и сваи надобно бить	Трезин	Милюков	переведенцы и каторжные
41. В Кроншлоте. Печи и окончины во все казармы делать	Трезин	капрал Шолков	переведенцы
42. При Котлин острове магазин на готовых набитых сваях, да к тому же магазину два магазина таких же на ящиках, а не на сваях	Трезин		о подряде указ опубликован

1720 года. Февраля
19 дня.

ЦГАДА, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 50, л. 334, 334 об., 335 об.

II

По пунктам и по указам блаженные и вечнодостоянные памяти его императорского величества и ея императорского величества и по апробованным их величествами чертежам и моделям, в ведомство Канцелярии от строений надлежит делать работы, а именно:

Государственные в Санкт Петербургской фортификации

октября 5 дня
1727 году в Верховном тайном совете по слушанию отмечено тако:

1

В болверк блаженный и вечнодостоянный памяти его императорского величества насыпать один фут земли и покрыть тесом.

делать

взвоз сделан и землю насыпать зачали

2

Болверк ея императорского величества покрывается тесом, а внутри в казармах делать к монетному делу горны и прочий внутренний убор. От реки в плотину меж паженными сваями набить глиною с щебнем.

горны не делать

достальное тесом докрывают, около того болверка позади паженных свай, для укрепления, круглые сваи бьют. Глина и щебень меж паженных свай и каменной стены заготавливаются. Внутри того болверка низкие места землею равняют и в казармы под полы насыпают.

3

В построенных фазах, фланках и куртинах стены, в которых кирпич в зимнее время повредился, починивать, с лица мазать известью и выбеливать

делать

построенные 3 болверка и 5 куртин внешние от реки и внутренние из фортификации стены известью мажут и белят, а где кирпич в зимнее время от мокроты и морозов повредился переменяют новым кирпичом во всем городе.

4

В церкви Петропавловской и куполе делать квадратную, штукатурную и лепную, живописную, резную и столярную работы как надлежит. Крест и кугель медные делать и позолотить.

делать

делают

5

Куполы на башне и на церкви, за недовольством меди и на золочение червонных, покрыть жестью или железными листами и выкрасить.

покрывать железом луженым

купол на церкви железными листами покрыли и красят. Крест и кугель медные делают. Второй купол на башне докрывают.

6

Наверх колокольни круга указательные доделать и около их резные орнаменты.

делать

столярная работа, двери, окна, гзымс, на купол указательные часовые круга и к ним резные орнаменты — делается с поспешанием.

7

В церкви пол намостить цветною плитою и каменные рундуки сделать

тож

в церкви пол не мощен, понеже деревянная посреди церковь стоит, плита приготавливается.

8

Привезенной из Москвы иконостас поставить

поставить

иконостас будет поставлен, как штукатурная работа в куполе отделяется.

Делать палаты, где быть Тайной канцелярии.

не делать

10

На Петропавловские ворота делать свинцовые басерлевы и статуи.

обождать, а между тем поставить деревянные

на Петропавловские ворота статуи делают деревянные.

11

Разбирать зимою Зотов земляной болверк и обрубцы, и деревянные казармы, и очищать место для битья свай, и делать плотину, и заготавливать всякие материалы.

снести с инженерами, разобрать которой они за пристойнее и потребнее раскусудят

в болверк Зотов сработано определенными из Санкт-Петербурга гарнизона солдатами февраля с 14-го нынешнего 1728 году: земляной фланк и со внешней и внутренней стороны с обоих фазов, где быть каменному строению, обрубцы и казармы разобрали и землю развозили, плотину кругом болверка щиты сделали и за сваи запустили, и землю насыпали, и под фундамент каменного здания сваи подбили, и рвы выкопали.

Подраженными каменщиками каменным зданием того болверка построено с наличной стороны фланка с казематы и обоих фазов длиной на 92 саженьях, фундамент каменный выбучен в глубину на 9 фут, равно с ординарной водой, сверх того тесанным откосным камнем с лица подняли на 8 фут. Кирпичом подняли на 23 фут. Останется поднимать до вала 6¹/₂ фут, над валом 5 фут. Под стены обоих фазов изнутри болверка фундамент каменный бутить.

12

Меж гошпиталиями, кои на Выборгской стороне, делать церковь каменную и кругом гошпиталиа укрепить фашинами.

укрепить фашинами, а строением церкви обождать

наперед от реки Невы, против сухопутной гошпитали и церкви фашинами начали укреплять, отступя от стен 7 сажень, паженные сваи тешут, лес рубят, и фашины вяжут, и возят. Против верхней половины паженные сваи набиты.

13

На сделанном каменном фундаменте делать каменное и деревянное строение к гошпитали

делать, спешисью с военною коллегиею

на сделанном каменном фундаменте одного флигеля, каменные покои делают кирпичи-

ли, на берегу погребы, и кладовые амбары, и пивоварни деревянные.

14

У Порохового каменного погреба, близ рыбного ряда, приделать каменные сени, и кругом фашинами укрепить, и полисады поставить.

доделать и отдать в артиллерию или коменданту, как военная коллегия заблагорассудит

чом.

у порохового погреба на острове Малой Невы реки под каменные сени под фундамент сваи бьют и фундамент зачали бутить.

15

На Преображенском острове Аудиенц камора и Сенат каменным строением, и стропилы доделать, и покрыть железом. В них делать всякую внутреннюю и паличную работы против военной и иностранной коллегий.

делать

стропила сделаны и кровля железом покрыта, штукатурная и столярная работа с лица и изнутри делают.

В Шлютельбурхе

С каменной башни ветхая деревянная башня снята, а вместо той надлежит делать вновь по чертежу, и часы по-прежнему поставить.

делать со временем и по возможности

сверх той каменной башни поврежденные ряды разобрали и ныне паки поднимают плитным камнем.

Городовые стены, которые повредились во многих местах, починить.

починить

починивают.

На брешутах, кирпич где вывалился, починить. На башнях, и на каменных казармах, и на церкви каменной ветхие кровли снять, и покрыть тесом и гонтом, где что надлежит.

делать

худое разбирать и починивать вновь зачали.

На бедекть вектах каменные лестницы и стены покрыть вновь.

починить

починивают.

Канал под городовую стену пропустить в реку, понеже от стоячей воды имеется дух, о чем неоднократно шлютельбургский комендант требует.

стены проламывать, для пропущения воды, начали.

В Кроншлоте и Кронштадте

Пороховые каменные погреба. В Кроншлоте достроить и покрыть.

делать

изнутри Кроншлота в погребу, нижний свод в сенях и в погребу делают, и наверху для покрывания черепицей делают столбы с арками.

Подле военной гавани один зачатый отделать каменной, и плотничной, и земляной работой, и покрыть. Второй делать вновь, под который набиты сваи.

согласясь с адмиралом Сиверсом

подле военной гавани третий пороховой погреб каменной работой доделывают.

Шесть магазинов каменных в военной гавани покрыть и в них делать внутреннюю работу.

делать

для покрытия оных магазинов стропила на кровлю ставят и покрывают, и внутреннюю работу, полы и двери делают.

Вновь делать шесть магазинов, под которые подбиты сваи, и на них под водою помещены мосты, на которые надлежит опустить ящики с камнем.

доделать согласясь с Сиверсом

февраль 1728 году

D. Trezzini

ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 68-а, л. 63—65 об.

III

В Канцелярию от строений

Рапорт

Подано марта 1 дня 1729 года

Прошедше 10 апреля 4 дня 1728 года получили мы его императорского величества указ под номером «837», по которому велено нам дома его императорского величества Зимнего и на Преображенском острове, и в другия строения, которые строил полковник от фортификации и архитект Трезин, освидетельствовать коликое число в оные употреблено всяких разных материалов, и какие где строения строены. При оном указе прислать к нам реестр.

И по сему его императорского величества указу, мы, упомянутые места по реестру, сколько чего видеть было можно свидетельствовали. А что в котором месте, и каких порознь материалов по исчислению нашему, такожде и по примеру других строений находится, о том объявляем ниже следующими пунктами*.

На Адмиралтейском острове

1

При Зимнем доме старое по каналу и во дворе палатное строение разобрано, и вновь строение Зимнего дому по чертежу кругом двора на 149 сажень сверх погребов в два апартамента. А изнутри с нижнего и верхнего галерию построено и покрыто железными листами подле того Зимнего дому, в построенных от улицы бывшего двора Склеява, в каменных палатах длиною на девяти саженьях, поперек на семи саженьях и 5 футах, высоту в 2 апартамента.

* Мы опускаем перечисление израсходованных строительных материалов, как представляющее очень узкий, специальный интерес.

2

В Большой Морской улице придворной девице Краморши палаты длиною на 12, шириною на 7 сажень, вышиною сверх погребов в два апартамента.

3

По линии, что против Адмиралтейского луга, придворной же мадам Яган под деревянные хоромы сделан каменный фундамент с погребями. Мерею длины на 9, попереk на 6 сажень, вышиною 7 футов.

4

На Преображенском острове в зачатом доме его императорского величества, который зачат от палат бывшего Соловьева до церкви и вокруг фундамента сделан, сваи побиты и кирпичом сделано до первого жилья стены и простенки.

5

Позади тех палат по каналу назначены строить людские покои, ледники и амбары, под которые сваи набиты и фундамент бутье зачат.

6

По той же линии, между садом и строением каменных Коллегий, на сделанном фундаменте длиною на 37 саженьях, да вновь фундамент сделан длиною 37 сажень, всего длиною на 74 сажени, попереk 5 сажень, в котором будет конюшня, и сараи, и жилые покои вышиною в один апартамент, построено и стропила поставлены, и зачаты крыть гонтом.

7

Во дворе князя Меншикова построена каменная поварня и хлебня длиною на 14, шириною $4\frac{1}{2}$ сажени, вышиною в один апартамент, на которую стропила поставлены.

8

Две светлицы, между ними сени, привезенные от Летнего дому, при оном же каменном доме поставлены на каменном фундаменте, и покрыты, и внутри печи и очаг сделаны.

9

У пристани на берегу, в гавани обрубь, и лестница, и два нужника по сторонам сделаны, и по пристани перила с балясами поставлены и выкрашены.

10

Старые два входные крыльца изнутри двора сломаны и сделаны новые. Наверху по левую сторону сделана новая галерея, також де в каморах и сенях, и в галереи перегородок и двое сени, и те перегородки обиты прутками по обеим сторонам, и помазаны серой известью, и выбелены, и каменные простенки сделаны.

К тому же во многих палатах стены и потолки починиваны и подмазаны вновь, и в погребах пол выслан кирпичом.

Полы старые перемазиваны и вновь мостили, и около труб и окошек починивали.

На верхней галерее конторку деревянную с живописным плафоном, а под оною конторку внизу мыльню деревянную на подделанной каменной стенке.

Рамы дверные вставлены. Старый гзымс и пилястры обсекали и сделали новый, штукатурный. Печей обратных сделано четырнадцать. Очаг один. Каминов восемь.

11

Под большой деревянный дом фундамент каменный. Под стены, между прежде сделанного, под пилястры, сделано кругом. Большие каморы разгораживали надвое

и на четверо. Пол старый пероманивали, и в иные вновь мостили. В 24 каморах нанели столярные новые сделали, и вверх карнизы под потолок, и старые шли шли переправляли и расписали разными красками.

Стены и потолок холстом обивали и белили. С лица весь дом и наверху кровлю выкрасили краскою. От каминов на кровлю трубы выведены. Рамы оконные сделали, и стекла казенные в замазку поставили. Пилястры и капители кругом того дома переправили. Полы в деревянных хоромах и фонари большие снизу брусьями подкреплены и досками обшиты.

12

В сад под виноград ящик из брусков длиной 49 сажень, вышиною — задняя в 6, передняя в 4 венца.

13

На каменные оранжереи положены вновь брусья, и старья брусья подкреплены.

14

Перед тем деревянным домом сделаны поварни. Деревянная первая длиной 10 сажень, шириною $3\frac{1}{2}$ сажени. Другая длиной 14 сажень, шириною на $3\frac{1}{2}$ сажени. С перегородками. Полы досками вымощены и покрыты. И в них печи и очаги сделаны.

15

Мост от бассейна до забора по капалу, и от крылец, намошен досками, и перила поставлены. Так и в саду через ров. Перед тем же деревянным домом, и от того до церкви забором, а где дровяной двор полисадом загорожено, длиной на 231 сажень.

16

На дровяной двор из старого строения изба, баня с предбанником, угольный амбар, кузница, изба новая с перерубом перенесена и поставлена.

17

Две конюшни длиной обе на $18\frac{1}{2}$ сажень, поперек на 5 сажень, в которых стойлов 46, построены вновь и гонтом покрыты.

18

В построенных на пристани деревянных двух каморах, против церкви, полы намостили, и нужник, сделали печи, и холстом обили. На галерее от реки, перед оным домом, поставили перила с балясами.

19

Подле саду сделали фундамент каменный с погребами под деревянные хоромы длиной на 10 сажень и 3 фута, шириною на 3 сажени и один фут.

20

У церкви Воскресения Христова каменная паперть разобрана и вокруг оной церкви внизу и вверх, и колокольня где, починено, подмазано и выбелено.

21

Да под новое палатное каменное строение ево князя Меншикова застроено против церкви, сваи набиты, и каменного фундамента длинных стен и внутренних простенков, как назначено на чертеже с мерою.

22

К его же дому, на палатное строение кое подле Исаакиевской церкви и на покрытие конторки, и на починку кровли на палатах в отпуску листов железных

6177, извести серой 741¹/₂ бочек, замков английских медных меньшей руки 61 дюжина.

Канал первый на том Преображенском острове от Большой Невы реки до прешпективы сваями побит и щитами запущен.

Михаил Земцов
Иван Мордвинов

ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 62^б, л. 446—453.

IV

*Реестр строениям при Санкт Петербурхе, с которых лет зачать были строиться **

Санктпетербургская земляная крепость	1703
Оная фортификация каменным строением, в которой его императорское величество изволил собственными своими руками положить первый камень в основание фундамента вышеозначенного мая 30 дня в переднем фланке болверка светлейшего князя	1706
Соборная в оной же фортификации церковь святых апостолов Петра и Павла	
деревянная	1703
каменная	1719
На Васильевском острове	
Временный Большой дом по Городовому острову светлейшего князя	1704 в июне 7
Каменный по берегу Большой Невы реки его же дом	1710 в августе 7
Церковь мазанковая Воскресения Христова	1713 в июле

V

Регулярное строение домов партикулярным людям по берегу реки Невы, по каналам и по улицам, по чертежу, подписанному его императорского величества собственной рукой, учинено

И строится зачали того же году каменное строение	1714 в июле
Каменный дом библиотеки Кунсткаморы	1718
Каменные коллегии	1722

* Реестр был составлен Д. Трезини по требованию Петра I, собиравшегося написать историю своей столицы. Документ был обнаружен в архиве И. Э. Грабарем в 1911 году. Ученый неоднократно использовал сведения «Реестра», но никогда полностью не публиковал его.

Каменный Гостиный двор	1722
Каменный Мытный двор	1722
Канал для хода судов в Черную речку	1721

На Адмиралтейском

Домы его императорского величества	
Летний дом	1711 мая
Зимний дом	1711 июня
Екатерингоф деревянный	1711
Строение партикулярных людей	1705
Церковь каменная Исаакия Далматского	1717
Мытный двор на Адмиралтейском острове каменный	1719
Академия каменная, которые были Кикина	1711
	в августе
Внутри Адмиралтейства: каменная коллегия и магазины мазанковые	1711 июня
Каменные строения Александро-Невского монастыря	1715 в июне

На Санктпетербургском острове

Строения деревянные партикулярных людей	1704
Кронверк земляной	1705
Церковь деревянная святой Троицы	1710
Палаты каменные графа Головкина	1710
Гостиный двор мазанковый	1713
Коллегии мазанковые	1714
Дома для иноземцев коллежских служителей позади Кронверка, мазанковые	1714
Мытный деревянный двор	1715
	в июне
Мясной и рыбный ряды мазанковые	1713

На Выборгской стороне

Церковь Самсона Странноприимца деревянная	1710
Прочее партикулярное деревянное	1711
Гошпитали каменное строение	1720
Кроншлот, деревянная башня	1703

1724 года

февраля 1 дня

Dominico Trezzini

ЦГИА СССР, ф. 467, оп. 2, ед. хр. 35^а, л. 36—39.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Синхронистическая таблица

Годы	Факты жизни и творчества Д. Трезини	Россия и Западная Европа: политические события	Духовная и художественная жизнь (литературные произведения и научные трактаты приводятся под годом публикации)	
			Россия	Западная Европа
1	2	3	4	5
1670	В Астано (Юж. Швейцария) в семье Иохима Трезини родился сын Доминико	Начало Крестьянской войны под руководством Степана Разина		Мольер. «Мещанин во дворянстве» А. Петрини. Собор в Вюрцбурге (итальянское барокко) Я. Рёйсдал. «Вид Харлема», «Морской берег»
1672		30 мая в Москве родился царевич Петр — будущий царь и император Петр I		
1696				И.-Б. Фишер фон Эрлах начинает строение дворца Шёнбрунн в Вене (оконч. 1700)
1697	17 октября в Ла Коста родился Карло Джузеппе Трезини, будущий зять Доминико (ум. 20.05.1768 в Петербурге)	Петр I выезжает в Европу в составе «Великого посольства»	Открытие В. Атласовым Камчатки	Ш. Перро. «Сказки»
1698	30 января Д. Трезини	Стрелецкий бунт		А. Шлютер начи-

1	2	3	4	5
	зини, архитектор, венчается в Астано с Джованной ди Вейтис	в России. Казнь стрельцов		нает строение Королевского дворца в Берлине (оконч. 1706) Х. Гюйгенс. Трактат «Космотеорис»
1699	Д. Трезини переезжает в Копенгаген В Астано родилась дочь Д. Трезини — Мария Лючия Томазина (ум. в 1769 в Италии)	Договор между Россией, Данией и Саксонией о союзе против Швеции На конгрессе в Карловцах заключены мирные договоры Австрии, Польши и Венеции с Турцией		Основание Берлинской Академии наук Ф. Жирардон. Конная статуя Людовика XIV Умер Ж. Расин
1703	Д. Трезини подписывает договор с Измайловым и 21 августа приезжает в Москву	1 мая — взятие русскими войсками Ниеншанца 16 мая — закладка Петербурга Начало восстания венгерского народа против Габсбургов	Л. Ф. Магницкий. «Арифметика» «Красные хомцы» — первый жилой дом в Петербурге Строение деревянной церкви св. Петра и Павла в Петропавловской крепости Родился В. К. Тредиаковский (ум. 1769)	Умер Ш. Перро А. Шлютер. Памятник «великому курфюрсту» Фридриху Вильгельму в Берлине Начало строения Букингемского дворца в Лондоне
1704	Февраль. Приезд Д. Трезини в Петербург. Строит деревянную крепость Кроншлот. По приказу Петра I выезжает в Нарву	Взятие русскими войсками Дерпта, Нарвы, Ивангорода Захват Англией Гибралтара	Завершено строительство церкви Знамения в Дубровицах (нач. 1690) Начало строения Адмиралтейства Дворец Меншикова на Городовом острове Строение деревянных жилых домов в Петербурге	Основание Академии художеств в Вене Дж. Свифт. «Сказка о бочке» И. Ньютон. «Оптика» Р. де Котт. Отель Ришелье в Париже Г. Динценгофер. Начало сооружения собора в Фульде (оконч. 1712)

1	2	3	4	5
1705	Д. Трезини строит триумфальные ворота в Нарве Возвращение Д. Трезини в Петербург	Начало восстания в Астрахани Волнения среди татар и башкир	Завершено строение Адмиралтейства Сооружение земляного кронверка у Петропавловской крепости В Амстердаме издана на русском языке книга «Символы и эмблемата» (840 аллегорических и символических изображений)	П. Деламер. Отель Субиз в Париже (оконч. 1709) Открытие Королевского театра в Лондоне Т. Ньюкомен строит паровой насос Дж. Ванбру. Замок Бленхейм в Англии (оконч. 1724)
1706	Д. Трезини начинает перестройку Петропавловской крепости в кирпиче	Подавление восстания в Астрахани Создание Канцелярии городских дел	В Москве, в Лефортово, построен первый госпиталь для увечных солдат и матросов	Ж. Ардуэн-Мансар. Завершено строительство Дома Инвалидов в Париже (нач. 1675)
1707		Начало восстания под руководством К. Булавина		
1708	Д. Трезини завершает строение деревянных триумфальных ворот (Петровских) в крепости	Победа русских войск над шведами при Лесной Подавление восстания К. Булавина	Я. Бликлант, П. Пикарт. «Панорама Москвы» К. Оснер. «Низвержение Симона волхва». Барельеф в аттике Петровских ворот (дерево) Родился А. Д. Кантемир (ум. 1744)	
1709		Разгром шведов русскими войсками под Полтавой		
1710	Родился сын Д. Трезини — Петр К Д. Трезини присланы на обучение М. Земцов и Г. Несмеянов	Взятие русскими войсками Выборга, Риги, Ревеля Петр I утверждает гражданскую азбуку	Деревянная Троицкая церковь на Городовом острове в Петербурге Деревянная Сампсониевская цер-	К. Рен. Окончание строительства собора св. Павла в Лондоне (нач. 1675) Основание в Мейсене первой в Ев-

1	2	3	4	5
	Д. Трезини начинает строительство Летнего и Зимнего дворцов для Петра I	Указ печатать книги только новым шрифтом	ковь на Выборгской стороне Начало строительства каменного дворца Меншикова на Васильевском острове Выбрано место для строения Александровского монастыря	ропе фарфоровой мануфактуры
1711	Д. Трезини завершает строение Летнего и Зимнего дворцов Петра I	Учреждение Сената в России Война России с Турцией Прутский поход Петра I Подписание Прутского мира	Открытие русскими казаками Курильских островов Начало строения дворца Меншикова в Ораниенбауме (оконч. 1725) Приезд живописца И. Таннауэра в Россию Родился М. В. Ломоносов А. Зубов. Гравюра «Изъявление триумфального входа Петра I в Москву после победы под Полтавой» В Петербурге построено факерное здание типографии	Архитектор М.-Д. Пепельман и скульптор Б. Пермозер. Начало строения Цвингера в Дрездене (оконч. 1722) А. Шефтсбери. «Характеристики людей, нравов, мнений и времени»
1712	Д. Трезини приступает к сооружению каменного Петропавловского собора в крепости; к нему присланы в ученики В. Зайцев и Н. Дедин Д. Трезини выполнил проект застройки Московской стороны в Петербурге	Вступление русских войск в Финляндию Вступление русских войск в Померанию Переезд Сената из Москвы в Петербург План Петра I сделать о-в Котлин местом строительства столицы	Перезидан трактат Виньоля об архитектуре (1-е изд. — 1709) Издана книга «Эзоповы притчи»	Родился Ж.-Ж. Руссо (ум. 1778)

1	2	3	4	5
1714	Д. Трезини строит мазанковые здания Коллегии и Сената на Троицкой площади Городового острова. Начало перестройки Петровских ворот в камне	Победа русского флота при Гангуте Указ Петра I, разрешающий каменное строение только в Петербурге Раштатский мирный договор между Францией и Священной Римской империей	А. Зубов. Гравюра «Триумфальный ввод шведских судов в Неву после Гангутской победы» Преображенская церковь в Кижях А. Шлютер. Рельефы для Летнего дворца Умер А. Шлютер Начало строительства Петергофского дворца Сооружение фахверкового Почтового двора	И.-Л. фон Хильдебрандт. Начало строительства ансамбля Бельведер в Вене (оконч. 1724)
1715	Д. Трезини разрабатывает проект застройки Васильевского острова Д. Трезини составляет проект строительства Александровского монастыря	Смерть Людовика XIV; королем Франции становится Людовик XV	Открытие в Петербурге рисовальной школы при типографии Основание Морской академии в Петербурге И. Никитин. Портрет Петра I на фоне морского сражения. Портреты Натальи Алексеевны (сестры Петра) и Анны Петровны (дочери Петра) Деревянный Мытный двор (таможня) на Городовом острове	У. Кент создает новый тип сада — «английский парк»
1716	Петр I утверждает план застройки Васильевского острова, разработанный Д. Трезини Д. Трезини начал строить фахверковый госпиталь на Выборгской стороне	Отъезд Петра I в Западную Европу	Приезд в Россию Б.-К. Растрелли вместе с сыном Приезд в Россию Ж.-Б. Леблона и назначение его генерал-архитектором Приезд в Россию живописца Л. Каравака	И.-Б. Фишер фон Эрлах. Начало строительства церкви св. Карла Борромея в Вене (оконч. 1739) Родился Э.-М. Фальконе

1	2	3	4	5
	(сломан в 1720)		<p>Приезд в Россию резчика Н. Пино (уехал в 1728)</p> <p>Отъезд на учебу в Западную Европу «пенсионеров» И. Никитина, А. Матвеева, Т. Усова, И. Коробова, И. Мордвинова</p> <p>Г.-И. Маттарнови строит второй каменный Зимний дворец</p> <p>Ж.-Б. Леблон составил план строительства Петербурга</p> <p>Подъемный мост через Фонтанку на Невском</p>	
1717	<p>Начало строительства Александро-Невского монастыря по проекту Д. Трезини</p> <p>Завершение строительства каменных Петровских ворот в крепости</p> <p>Д. Трезини и Ж.-Б. Леблон создают проекты «образцовых» жилых домов</p>	<p>Визит Петра I во Францию</p> <p>Избрание его членом Парижской Академии наук</p> <p>Россия заключает договоры с Пруссией и Францией</p>	<p>Г.-И. Маттарнови. Начало строения каменной церкви Исаакия Далматского (оконч. 1727)</p> <p>Ж.-Б. Леблон. Дворец Ф. Апраксина (оконч. 1723)</p> <p>Б.-К. Растрелли. Бюст А. Меншикова</p> <p>Родился художник М. И. Махаев (ум. 1770)</p> <p>А. Зубов. «Бой при Гангуте» и «Панорама Петербурга»</p> <p>Л. Каравак. «Цесаревны Анна и Елизавета»</p> <p>В Россию приехал декоративный живописец Ф. Пильман</p> <p>Родился А. П. Сумароков (ум. 1777)</p>	<p>Ф. Ювара. Начало строительства церкви Суперга близ Турина</p> <p>А. Ватто. «Отплытие на остров Киферу»</p> <p>Родился Ж.-Л. Д'Аламбер (ум. 1783)</p> <p>Родился И.-И. Винкельман (ум. 1768)</p>

1	2	3	4	5
1718	Д. Трезини начинает строить для себя «образцовый» дом на Васильевском острове	Суд над царевичем Алексеем и смерть его Начало подушной переписи населения в России Указ об учреждении коллегий Смерть Карла XII Пожаревацкий мирный договор Австрии с Турцией В Петербурге учреждена Обер-полицмейстерская канцелярия	Н. Микетти, М. Земцов. Начало строительства дворца в Кадрриорге под Ревелем (оконч. 1725) Издан альбом гравюр «Куншты садов»	Основание фарфоровой мануфактуры в Вене А. Ватто. «Жилье»
1719	Д. Трезини строит Пороховой погреб на Малой Неве В Летнем саду сооружают по проекту Д. Трезини Водовзводную башню Карло Джузеппе Трезини женится на Марии Лючии Томазине, дочери Д. Трезини	Десант русских войск у Стокгольма Петр I запрещает орден иезуитов в России	Открытие Кунсткамеры — первого русского общедоступного музея Умер Ж.-Б. Леблон Умер Г.-И. Маттарнови М. П. Аврамов, директор рисовальной школы, подает Петру I проект создания «Академии живописных наук»	И.-Б. Нейман. Начало строительства епископского дворца в Вюрцбурге (оконч. 1753) Д. Дефо. «Робинзон Крузо»
1720	Начало работы над проектом превращения Стрелки Васильевского острова в главную площадь города Начало строения каменного здания Госпиталя на Выборгской стороне Новый подъемный мост в Пет-	Победа русского флота при Гренгаме Константинопольский договор между Россией и Турцией о «вечном мире»	Возвращение И. Никитина в Россию Мост через Мойку на Невском проспекте Т. Швертфегер проектирует новый собор Александро-Невского монастыря Первые уличные фонари в Петербурге	В Дрездене основан Гравюрный кабинет А. Ватто. «Вывеска Жерсена» Ф. Хатчесон. «О происхождении наших идей о красоте и добродетели»

1	2	3	4	5
1721	<p>ропавловской крепости</p> <p>Д. Трезини готовит десять чертежей различных типов «образцовых» загородных домов по берегам Фонтанки</p> <p>Петр I отдает «образцовый» дом Трезини дипломату А. Н. Остерману, а для Трезини велит построить другой дом за счет казны</p> <p>Д. Трезини строит Мытный двор, амбары и погреба на Васильевском острове, деревянный дворец Петра I в Шлиссельбурге</p>	<p>Окончание Северной войны. Ништадтский мир</p> <p>Петр I провозглашен императором, Россия — империей</p> <p>Отмена патриаршества, учреждение Синода</p>	<p>И. Никитин. Портрет Петра I</p> <p>Н. Пино. Резные панно для Большого Петергофского дворца</p> <p>Н. Микетти. Сооружение фонтанов и каскадов в Петергофе</p>	<p>И.-А. фон Хильдебрандт. Начало строения дворца Мирабель в Зальцбурге (оконч. 1727)</p> <p>И.-С. Бах. Шесть «Бранденбургских концертов»</p> <p>Ш.-Л. Монтескье. «Персидские письма»</p> <p>Умер А. Ватто</p>
1722	<p>Д. Трезини продолжает строение Зимнего дворца по проекту Маттарнови</p> <p>Начало строительства здания Двенадцати коллегий</p> <p>Начало строительства Мытного двора на Стрелке Васильевского острова</p> <p>Ремонтирует «Красные хоромцы»</p> <p>Строит фахверковое здание Главной аптеки</p>	<p>Установление «Табели о рангах»</p> <p>Указ об организации ремесленных цехов в России</p> <p>Начало Персидского похода русских войск (оконч. 1723)</p> <p>Замена подворной подати подушной</p>	<p>Л. Каравак. «Петр Алексеевич и Наталия Алексеевна» (портрет внуков Петра I)</p> <p>Начало изготовления иконостаса для Петропавловского собора (оконч. 1727)</p> <p>Н. Микетти. Перестройка Большого дворца в Петергофе</p> <p>Приезд в Россию живописца Б. Тарсиа (ум. 1765)</p>	<p>А. Спекки, Ф. де Санктис. Начало строительства лестниц на Испанской площади в Риме (оконч. 1725)</p> <p>Д. Дефо. «Молль Флендерс»</p>

1	2	3	4	5
	<p>Начал строение Галерной гавани на западной оконечности Васильевского острова</p> <p>Первое упоминание о работе Карло Джузепе Трезини в России</p>			
1723	<p>Завершено сооружение колокольни Петропавловского собора</p>	<p>Канцелярия государственных дел переименована в Канцелярию отстроенный</p>	<p>Б.-К. Растрелли. Бюст Петра I</p> <p>П. Ерошкин и Т. Усов получают звание «архитектурной гезелей»</p>	<p>Умер К. Рен (р. 1632)</p> <p>Умер И.-Б. Фишер фон Эрлах (р. 1656)</p> <p>Родился П.-А. Гольбах (ум. 1789)</p>
1724	<p>Д. Трезини побеждает на конкурсе на лучший проект здания Двенадцати коллегий</p> <p>Составляет для Петра I список, «когда какое здание начали в Петербурге строить»</p>		<p>Указ Петра I об учреждении «Академии, или общества художеств и наук»</p> <p>М. Земцову присвоено звание архитектора</p>	<p>Родился И. Кант (ум. 1804)</p> <p>Г.-Ф. Гендель.</p> <p>Опера «Юлий Цезарь»</p>
1725	<p>Пьетро Трезини, сын Доминико, уезжает в Италию на учебу</p>	<p>28 января. Смерть Петра I и начало правления Екатерины I</p>	<p>Открытие Академии наук в Петербурге</p> <p>И. Никитин.</p> <p>«Петр I на смертном одре»</p> <p>А. Зубов. «Петр Великий»</p> <p>Л. Каравак.</p> <p>«Портрет Анны Петровны»</p> <p>Б.-К. Растрелли. «Восковая персона»</p>	<p>Дж.-Б. Тьеполо. Серия полотен для венецианского дворца Дольфино</p>
1726	<p>Д. Трезини начинает перестройку служебных корпусов</p>			

1	2	3	4	5
1727	<p>позади Зимне-го дворца Д. Трезини увелено жалованье до 1500 р. в год и пожалован чин полковника фортификации В Россию приезжает Пьетро Антонио Трезини, земляк Доминико</p> <p>Д. Трезини положено жалованье 1700 р. в год Строит дом У. Сенявину Начинает строительство Зимне-го дворца на Васильевском острове Ремонтирует и перестраивает дворец Меншикова</p>	<p>В России учрежден Верховный тайный совет</p> <p>Смерть Екатерины I и начало правления Петра II Ссылка А. Меншикова в Березов</p>	<p>И. Адольский. «Екатерина I с арапчонком» И. Никитин. «С. Г. Строганов»</p> <p>М. Земцов. Грот в Летнем саду Возвращение И. Мордвинова и И. Коробова из-за границы И. Никитин. «Полтавская багалия» Открытие Кунсткамеры в новом здании на Васильевском острове Первый наплавной мост через Неву против церкви Исаакия Далматского Умер И. Зарудный Приезд Л. Эйлера в Петербург</p>	<p>Дж. Свифт. «Путешествие Гулливера» Г. Бер. Начало строительства Фрауенкирхе в Дрездене (оконч. 1738)</p> <p>Э. Чамберс издает в Лондоне «Энциклопедию, или Универсальный словарь искусств и науки» (образ французской Энциклопедии) Умер И. Ньютон (р. 1643)</p>
1728	<p>Верховный тайный совет требует от Трезини отчета в расходовании строительных материалов Завершено строительство дома Трезини на углу 5-й линии Васильевского острова</p>	<p>Переезд двора из Петербурга в Москву</p>	<p>А. Матвеев. Портреты И. И. Голицына и А. П. Голицыной</p>	<p>Завершен ансамбль Гринвичского госпиталя (нач. 1696) Р. де Котт. Начало строительства резиденции в Страсбурге (оконч. 1741)</p>

1	2	3	4	5
1729	М. Земцов и И. Мордвинов представляют Верховному тайному совету перечень работ Трезини за последние два года (23 пункта)	21 апреля. Родилась София Фридерика, принцесса Анхальт-Цербстская — будущая русская императрица Екатерина II (ум. 1796)	А. Матвеев. Автопортрет с женой	И.-С. Бах. «Страсти по Матфею» Родился Г.-Э. Лессинг (ум. 1781) Дж. Флемсид. Первый атлас звездного неба
1730	Д. Трезини начинает строить колокольню в Донском монастыре в Москве Награжден мызой Зарецкой Копорского уезда Петербургской губернии	Смерть Петра II и начало правления Анны Иоанновны Упразднение Верховного тайного совета Родился А. В. Суворов (ум. 1800)	Б.-К. и Ф.-Б. Растрелли строят Зимний Анненгоф в Москве М. Земцов. Начало строительства церкви Симеона и Анны в Петербурге (оконч. 1734)	
1732	Д. Трезини начинает строить Иоанновский рavelин в Петропавловской крепости	Переезд двора из Москвы в Петербург	И. Коробов. Начало перестройки центрального корпуса Адмиралтейства (оконч. 1738)	Н. Сальви. Фонтан Треви в Риме (оконч. 1762)
1733	Завершает все работы в Петропавловском соборе	Участие России в борьбе за польский престол (оконч. 1735)	Б.-К. и Ф.-Б. Растрелли начинают строительство Зимнего дворца в Петербурге для Анны Иоанновны (оконч. 1736) Б.-К. Растрелли. «Анна Иоанновна с арапчиком» (отлита в 1741)	Ж. Сервадони. Начало строительства церкви Сен-Сюльпис в Париже (оконч. 1749) Братья Асам. Церковь св. Непомука в Мюнхене (оконч. 1746) Ф. Буше. «Ринальдо и Армида» Вольтер. «Философские письма»
1734	Февраль. Смерть Доминико Трезини	Торговый договор России с Англией	И. Мичурин назначен главным архитектором Москвы А. Квасов определен «архитектурой гезелем» Умер архитектор И. Мордвинов	Ф. Кювилье. Дворец Амалиенбург в Нимфенбурге (оконч. 1739) Ш.-Л. Монтескье. «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян»

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	3
РОЖДЕНИЕ ГОРОДА	5
«АРХИТЕКТ ЦИВИЛИИ И МИЛИТАРИИ»	36
«СЕВЕРНЫЙ ПАРАДИЗ»	78
ПОЛКОВНИК ФОРТИФИКАЦИИ	144
ФАМИЛИЯ ТРЕЗИНИ, ИЛИ ЭПИЛОГ.	181
ПРИМЕЧАНИЯ	191
ОБЗОР ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	194
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	199
ПРИЛОЖЕНИЯ	
РЕЕСТРЫ СТРОЕНИЙ ТРЕЗИНИ	202
ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ. <i>Синхронистическая</i> <i>таблица</i>	212

Овсянников Ю.

О-34 Доминико Трезини. — Л.: Искусство, 1987. — 223 с., 24 л. ил. — (Жизнь в искусстве).

Книга посвящена жизни и творчеству талантливого зодчего первой трети XVIII в. Д. Трезини, приглашенного Петром I строить новую столицу на берегах Невы и нашедшего в России свою вторую родину. По проектам Трезини были заложены Кронштадт и Александро-Невская лавра, построены Летний дворец Петра I, Петропавловский собор, здание Двенадцати коллегий и др. На основании исторических фактов, опираясь на архивные материалы и на широкий круг мемуарной и научной литературы, автор — московский писатель, историк и искусствовед — воссоздает страницы жизни и творчества Трезини, знакомит читателя с его окружением, с бурными и драматическими событиями Петровской эпохи. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

О 4902010000-028 70-87
025 (01) -87

ББК 85.113(2)1

**Юрий Максимилианович
Овсянников**

ДОМИНИКО ТРЕЗИНИ

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ»

Редактор В. Л. Афанасьев
Художественный редактор Г. Г. Ябкевич
Технический редактор В. Г. Лошкарева
Корректор Н. Д. Кругер

ИБ № 2642

Сдано в набор 15.05.87. Подписано к печати 29.10.87. М-34215. Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Для иллюстраций мелованная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,93. Уч.-изд. л. 16,24. Усл. кр.-отт. 18,83. Тираж 100 000 экз. Изд. № 639. Зак. № 967. Цена 1 р. 90 к. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191486, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

10.904